

НАТА НИКОЛАЕВА
ЯНА ТАРЪЯНОВА

ИГЛА

☞ тѣжки – Дорожки

Игла Стёжки-Дорожки сшила судьбы простого человека и льва-хранителя, таящего власть над камнем. Сможет ли воля бога-пограничника перебороть злокозненность нити судьбы? Что уготовано Дмитрию и Димитосу? Станут ли воинами Чура или отыщут пути в миры, где их ждет лучшая доля?

**Игла Стёжки-Дорожки — Ната Николаева, Яна
Тарьянова**

Подпояска-лоза задрожала, несколько виноградин скатились по ступеням боковой лестницы, порождая фонтанчики пыли. Заржина прислушалась. Где-то там, внизу, на Кромке, плакали дети. Она поспешно подобрала подол платья, вздыхая, заспешила к тропе между мирами, чтобы сопроводить ребятню в чертоги Хлады. Душу омыла волна злости: где стражи брата, почему они не следят за соблюдением законов? Такое преступление наказывалось по всей строгости — ни нежить, ни боги, ни боженята не смели уродовать чистые души. Детей, которые пострадали от волшбы взрослых, незамедлительно переправляли в лучшие миры, позволяя прожить жизнь заново.

Заржина едва не оскользнулась на виноградине, упавшей с подпояски, поняла, что ей препятствует чья-то воля — «где это видано, чтобы урожай вредил богине плодородия?» — и движением руки развеяла туман, скрывающий Кромку. Двое мальчишек лет пяти-шести стояли на обочине облачной дороги, всхлипывая и держась за руки. Кровь из распоротых ладоней смешивалась, стягивала судьбы детей неразрывными путями. На нижних ступенях лестницы, сжавшись в неопрятный комок, сидела Стёжка-Дорожка. Над ней нависал разозленный Чур.

— Ты действительно спятила или обеспамятела? — грозно вопрошал он. — Никто не имеет права калечить детские судьбы! Кем ты себя возомнила, швалья? Думаешь, Жива будет за тебя вступаться до бесконечности? Еще раз поймаю — отведу к отцу и попрошу спустить на тебя собак, чтобы они довершили начатое дело.

— Прекрати! — Заржина одернула брата по матери, разрываясь между жалостью и гневом. — Она давным-давно потеряла разум. Угрозы не достигнут цели, а если она их поймет, то сгинет в пучине ужаса.

— Она прикидывается, — отрывисто ответил Чур. — Соображает получше многих. Ей выгодно строить из себя дурочку — любые пакости сходят с рук. Я терпел, пока она не начала охотиться за детьми. Это уже не первый случай.

Тяжелый ботинок пнул край изношенной юбки, свисающей со ступени. Стёжка-Дорожка скорчилась еще сильнее, завывала, затряслась. Чур выругался, повернулся к Заржине: — Помоги. Я попробую перевязать нить.

Заржина кивнула, сняла платок, встряхнула, вынуждая затрепетать вышитые яблоки и бордюры из лозы и колосков. На каменный парапет легла скатерть-самобранка, явившая взорам яства и кубки с ключевой водой.

— Идите сюда, дети, — позвала она.

Ребята повернули головы одновременно, уставились на нее с удивлением.

— Идите сюда. Не стойте на дороге.

В светлоголовом львенке-оборотне трепетал невидимый простым взором огонек магии. Слабенький, требующий подкормки берегами и ежедневных тренировок — или разгорится, или затухнет от ветра будней. Не угадаешь. Второму ребенку — темноволосому, нахмуренному — не досталось ни способностей к волшбе, ни таланта прорицания, ни прочих даров богов. Обычный человек. Упрямый. Выносливый.

Чур вытащил кинжал из ножен. Ухватил светлоголового львенка за локоть, поддел нить смешанной крови лезвием. Оборотень вскрикнул. Стёжка зашевелилась на ступенях. Лицо, изуродованное жутким шрамом, перекосила непонятная гримаса. Единственный, чудом

уцелевший глаз прищурился. Стёжка посмотрела на детей и хихикнула. Злорадный звук заставил Заржину задуматься над словами сводного брата. Стёжка-Дорожка обезумела до ее рождения, вскоре после разрыва брачных уз Ярого и Живы. Боги первого круга, олицетворявшие войну и жизнь, обвиняли друг друга во всех грехах, сотрясая миры, делили единственного сына, искали союзников, устраивали склоки, преследовали неугодных. С тех пор прошло много сотен лет. Народился второй круг, за ним подросел третий, разбавленный вкраплениями людей-колдунов, в посмертии ставших боженятами. В Стёжке, изуродованной псами Дикой Охоты, текла кровь Предвечных. Тела богов были крепче людских, способны обходиться без воды и пищи, оправляться от смертельных ранений и яда. Могла ли она обрести ясный разум и расчетливо прикрываться завесой сумасшествия?

«Могла», — признала Заржина и перевела взгляд на Чура.

Тот осторожно вытягивал кровавую нить судьбы, умело играя лезвием, цыкая на мальчишек за неосторожные движения. Когда нить повисла, образуя качели-петлю, Чур подхватил ее свободным запястьем, встряхнул, поднял повыше, рассек. Заржина не оплошала — поймала свободно болтающиеся концы, завязала. Проверила узел и нерешительно проговорила:

— Мы не имеем права принуждать детей к службе. Надо отвести их к Хладе, и поискать пути в лучшие из возможных миров.

— Нет, — покачал головой Чур. — Я не потребую от них исполнения долга. Пусть живут там, где жили. Вырастут — сделают выбор. Захотят — пойдут в стражи. Откажутся — неволить не буду. Особенно человека. Простым людям среди волшбы трудно служить.

Заржина вздохнула — слова брата приглушали острую тревогу, но не избавляли от сомнений — разорвала носовой платок, смочила водой из кубка. Перевязала детям ладони, унимая боль, исцеляя раны, подтолкнула к скатерти-самобранке:

— Покушайте, пока мы разговариваем.

Темноволосый присмотрелся к незнакомой еде, выбрал два яблока, не вызвавших подозрений, одно взял себе, другое протянул товарищу по несчастью.

— Главное, чтобы с ума не сошли, — брат потянулся за кубком, в три глотка выпил воду. — Слышать друг друга будут. Но с этим ничего не сделаешь. Провались ты пропадом, швалья!

Стёжка-Дорожка заворошилась, недовольно заскрипела.

— Пошла вон, — не повышая голоса, приказал Чур. — Запомни, еще раз возле детей увижу, к отцу с мачехой отведу, и сам двери псарни открою.

Умалишенная — или умелая лицедейка — подобрала грязные юбки, похромала вверх по лестнице, опасно оступаясь, едва удерживаясь от падения. Вид скособоченной фигуры вызвал знакомую ноющую боль в сердце. Заржина привыкла жалеть страдальцу, изувеченную гневом Ярого, и с большим трудом удержалась от того, чтобы поспешить ей на помощь. Останавливали взгляды мальчишек, наполненные свежим страхом, и нить судьбы, окольцевавшая запястье Чура. Волшба Стёжки медленно перебарывалась волей бога-пограничника, превращалась в обычную на вид шерстяную красную нитку.

Заржина спохватилась, провела рукой над кубком, надевая воду своей силой, подала брату. Тот кивнул — молча и благодарно — отпил треть, присел на освободившуюся лестницу. Мальчишки потянулись за ним, разместились на самой нижней ступени — словно уже признали своим командиром.

— Львенку дарована власть над камнем, — проговорил Чур. — Думаю, Стёжка какую-

то опасность для себя в его пути углядела. И навязала ему балласт, чтоб далеко по Кромке не ушел.

— Я потревожу нашу мать, — пообещала Заржина. — Ей подвластна любая жизнь, от пристального взора не может укрыться ни одна мелочь. Пусть посмотрит на Стёжку, ответит: дремлет ее разум или отступившее безумие маскирует козни. Она сможет разгадать эту загадку.

— Если захочет. Я говорил с ней, когда на Кромку начали выходить те, кого коснулась игла Стёжки. Чокнутая швалья — тогда я, как и прочие боги был уверен в ее безумии — бродила от мира к миру, бормоча проклятья и меняя судьбы. Сшивала скупца с транжирой, аскета со сластолюбией, сильную колдунью с деревенским дурачком, хозяина ифрита с хозяйкой снежной псицы. Те, кого коснулась ее игла, мучались, обрывали жизни, сходили с ума, добирались до Кромки и бросались в бездну, или гнили заживо в чужих мирах.

Заржина приложила ладонь к губам, подавляя крик. Она не знала о жертвах, была уверена, что игла Стёжки приносит людям некоторые неудобства, но не причиняет особого вреда.

— Как же так? Почему никто не пошевелил пальцем, чтобы ее остановить?

— Я не рискнул жаловаться отцу — заподозрил, что расправа будет слишком жестокой. Попросил совета у нашей матери и получил неожиданный ответ: «Не лишать же ее последнего развлечения. Пусть шьет и кроит, на ее века людей хватит. Тронет кого-то из богов — тогда и подумаем».

— И, все-таки, я поговорю с матерью, — пообещала Заржина. — Выберу удобный момент, постараюсь подобрать правильные слова.

— Попробуй, — согласился Чур. — Может быть, у тебя получится. Не знаю, к скольким детям я не успел. Приставлял к швалье личного стража — уходит по лестницам. Буду рад любой помощи. В последние годы мне кажется, что это наметка какого-то большого плана. Хорошо, если я ошибаюсь.

— Я помогу, — Заржина тряхнула пшеничными волосами, щедро сдобренными сединой, подкрепила обещание начертанным в воздухе знаком правды. — С чего начнем?

— Отведем детей по домам. Присмотримся к судьбам их родни — вдруг что-то прояснится. После этого встретимся и обговорим планы.

Они встали одновременно. Бог-пограничник спрятал красную нитку под рукав, отряхнул куртку. Заржина протянула открытую ладонь темноволосому мальчишке, приглашая отправиться в путь, но тот замотал головой и отступил назад. Чур буркнул:

— Уговорю. Бери светленького. Я магию хранителей знаю, мне интересней на его мир взглянуть.

Заржина кивнула. Прежде чем взять светловолосого львенка за руку, развязала подпояску, превращая виноградную лозу в смертоносную плеть, и шагнула на Кромку.

Часть 1. Дмитрий. Глава 1. Шаг на облако

Первые пять лет жизни — до переезда в Казахстан — Дима помнил смутно. Частный дом, зелень какая-то во дворе, вечерняя тишина. Бабушкины пирожки с картошкой — горячие, с пылу, с жару — которые полагалось запивать свежим куриным бульоном. Все это затерлось стуком колес, мельканием шпал, вокзалов, полустанков. Семейство Штольц добиралось до места новой работы отца почти две недели — широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек.

Маленький городок с праздничным названием Рождественский одарил Диму лавиной новых, навсегда врезавшихся в память впечатлений. Их семья — мать, отец и младшая сестра Димы — заселилась в комнату в заводском бараке. Много позже он услышал песню Владимира Семеновича, и кивнул, подтверждая строчки: «...система коридорная, на сорок восемь комнаток всего одна уборная». А тогда, оглушенный переездом и обилием дверей, не мог понять, куда их забросила судьба. Барак казался Диме лабиринтом, населенным чудовищами — за тонкими перегородками рыдали, смеялись, дрались, деля последнюю чарку. Появление семьи Штольц, мягко говоря, не порадовало соседей, мечтавших расширить жилплощадь за счет освободившейся комнаты.

Отцу, как переведенному на ремонтный завод инженеру, полагалась служебная квартира. По приезду неконфликтный Генрих Яковлевич обнаружил, что предназначенную ему площадь отдали какому-то ветерану, выслушал обещание: «В следующем доме, к Новому году получите!» и согласился на барак — не снимать же жилье? Не принято, да и деньги на это надо тратить изрядные. И Генрих Яковлевич, и Ангелина Павловна были скуповаты — нашла крышечка кастрюльку — и бытовых трудностей не боялись. Особенно при выгоде, а выгода имелась изрядная, потому что деньги за коммунальные платежи вносил завод.

Это Дима понял, уже повзрослев, сложив обрывки разговоров и воспоминаний. Знание ничего не изменило — детство было прожито и закончилось — только укрепило уверенность, что рассчитывать на отца или советоваться с ним нельзя. Будет, как обычно, мямлить или отмахнется от проблемы, ожидая, что она решится сама собой.

Междоусобная война, разгоревшаяся в бараке, отца почти не задела — он днями и вечерами пропадал на заводе, в дрызги не вникал. А вот мутер, пребывавшая в декретном отпуске, охотно ввязалась в череду сражений. Она сразу подчеркнула социальную пропасть между собой и остальными обитательницами барака: «Вы — шалавы цеховые, а я — жена инженера!» и получила ответную порцию криков: «Фашистка недобитая, гитлеровская подстилка!» Нельзя сказать, что мутер впервые столкнулась с оскорблением по национальному признаку. И раньше бывало, но не в бараке же, не от шалав такое выслушивать! Мутер нацепила нарукавники и принялась строчить жалобы участковому, требуя прекращения травли уважаемых людей. Она вызывала соседей на товарищеский суд, наслаждалась дворовыми собраниями, выставляла детей в качестве свидетелей. То одна, то другая соседка деланно каялась, а через день мутер получала очередное оскорбление и двигалась по кругу. Собрания Дима ненавидел до дрожи, и прятался бы, да некуда. Участковый всегда посмеивался, переспрашивал: «Как-как она тебя обозвала? А маму как?» Мутер хмурилась и командирским голосом приказывала: «Излагай конфликт товарищу милиционеру во всех подробностях». И приходилось повторять все сказанные гадости под смех и кривляние соседей.

Вести хозяйство в антисанитарных условиях у мутер не хватало ни времени, ни сил. Дима варил кашу для себя и сестры, выгадывая моменты, когда соседей не было на общей кухне. Быстро научился мыть коридорные полы и туалет — жильцы убирали барак по очереди. Мутер, доходящая срок с огромным животом, изредка хвалила Диму за трудолюбие. Громко, при всех, вплетая немецкие слова, и подчеркивая, что аккуратность и пунктуальность — свойство великой нации. Мутер и ругалась по-немецки. Дима половины слов не понимал и ни капли не расстраивался. Он не хотел говорить на языке, от которого одни неприятности — мутер произнесет речь и уйдет, а ему потом мусор из каши вылавливать.

Жизнь заставляла держать ухо востро. Дима привык пробираться в туалет и за водой, не привлекая к себе внимания, во дворе отсиживался под пожарной лестницей, потому что пацаны кидали в него камни и обзывали гестаповцем. Дома остерегался, а в городе влип — и не потому, что немчура, просто не повезло. Путь к беде свился из развилки-случайностей. Ночью Диму разбудил отец и отправил к телефону-автомату — вызвать «Скорую» для мутер, у которой начались схватки. «Скорая» ехала долго, соседи, которым мешали крики и шум, стучали в стену, и в этом ночном круговороте ругани и ожидания Дима перепутал авоськи. Одну — поновее — мутер собрала себе в роддом. Во второй, с рваными ручками, лежал архив переписки с участковым и завернутые в газету полиэтиленовые крышки. Отец вернулся из роддома под утро, чрезвычайно раздосадованный — неправильную авоську из шкафа достал Дима, а истерику мутер закатила ему. Позавтракав, Генрих Яковлевич обрел привычную отстраненность от земных забот, велел Диме отвести сестру в садик, а потом доставить в роддом ночную рубашку и пеленки. Выдавая деньги на проезд, неожиданно расщедрился. Насыпал Диме мелочи в ладонь и разрешил купить мороженое.

Путешествие по Рождественскому разогнало сонливость, одарило хорошим настроением. Авоську Дима отдал санитарке, с трудом просунув в открывшееся крохотное окошко — не каждый раскормленный кот пройдет, а собака точно застрянет. Освободившись от обязанностей, он побрел, куда глаза глядят. Роддом располагался в центре. Дима, отогревшийся под ярким, почти летним солнцем, вышел к зданию горисполкома, побродил по скверу с чахлыми деревьями и заметил киоск мороженого на соседней улице. Он купил сливочное с изюмом за пятнадцать копеек, и получил сдачу с двадцатикопеечной монеты. Хватит и на проезд домой, и на стакан газировки — еще пара копеек в кармане завалилась.

Несметные богатства привлекли внимание местной шпаны. К Диме, вгрызшемуся в мороженое, подошли два пацана постарше — лет двенадцати-тринадцати. Победить в драке за мороженое и мелочь Диме не светило, и он принял разумное решение — сбежать. Не бросая мороженое, со всех ног, вдоль забора из бетонных плит, за угол, во двор двухэтажного дома, а оттуда в дыру в другом, уже деревянном заборе. Вляпавшись в крапиву, он остановился. Прислушался — вроде бы, не догоняют. Осмотрелся и понял, что попал на какую-то стройку.

Ой, нет, не стройка. Старый дом ремонтируют. Окна выбиты, лестницы без перил, полы провалены, а вдоль стен — леса. Неподалеку — в том дворе, который он пробежал, истоптав палисадники — раздались голоса. Дима не понял, те это пацаны, которые его догоняли, или другие, заметившие нарушившего территорию чужака, но решил спрятаться от греха подальше. Он пробрался под лесами, не забывая обкусывать тающее мороженое, вошел в холодный полуразрушенный дом и начал подниматься по лестнице. Голоса приближались, и

Дима с тоской подумал: найти бы шапку-невидимку, чтобы как в прочитанной сказке Пушкина — надеть задом наперед, и: «Теперь мне здесь уж безопасно; Теперь избавлюсь от хлопот!»

Ступени не шатались, выглядели крепкими, и Дима, размышлявший, как здорово бы было ходить за водой невидимым, поднялся на второй этаж. В светлой комнате без окна нашелся перевернутый ящик. Дима спокойно доел мороженое — голоса стихли — и вытер руки об штаны. Он привалился к стене, не беспокоясь, что испачкает куртку. В голове все еще вертелись обрывки сказки: казалось, вот-вот раздастся стук копыт, приедет витязь, увидит старой битвы поле, вздохнет, начнет искать себе меч и латы. Поэму «Руслан и Людмила» Дима заучил почти наизусть — по отсутствию в доме других книг. Он просил родителей записать его в библиотеку, но ни матер, ни отцу было недосуг. Отмахивались, говорили: «В школе читаешься». Приходилось в сотый раз блуждать мыслями, сопровождая витязей, едущих за княжной, ужасаться живой голове, смеяться над Черномором. Вот и сейчас он засмотрелся в окно без рамы и стекол, переживая знакомые приключения, и даже не удивился тому, что на небе появились облака. А ведь только что солнце сияло, и вдруг, откуда ни возьмись, стадо белых кудрявых овец. Мчатся быстро и неслышно, хотя ветра нет, и, всей толпой прямо к подоконнику. Самое шустрое облачко втянуло бока, протиснулось в оконный проем, растеклось ключьями по вздувшемуся паркету.

Дима на облако смотрел-смотрел и понял: это же сон! Он полночи не спал, а сейчас поел, и разморило. Хороший сон, добрый. Диме обычно драки и крики снились. Он встал с ящика, чтобы потрогать небесные кудряшки. Сделал несколько шагов и провалился сквозь пол. Не ударился — облака подхватили. Только испугался очень — сердце екнуло — и руку распорол, пытаюсь ухватиться за доски.

Упал мягко. Съежился под взглядом сторожихи — одноглазая бабка что-то бормотала, водила руками в воздухе, как будто носок штопала — приободрился, когда увидел рядом другого пацана. Тот тоже себе руку рассадил — кровь текла. Дима его спросил: «Ты с другой стороны вошел? От штаны спрятался?» и покосился на сторожиху. Та почему-то не ругалась, только скрипуче хихикала. Чокнутая, наверное. Может быть, вдова, может быть — фронтовичка. С фронтовиками такое часто случалось.

Познакомились. Пацан сказал свое имя: «Дым». Странно, слишком коротко. Дима подумал, что это, наверное, кличка. Пока перешептывались, явился какой-то дед, по виду тоже сторож. Наорал на бабку, Диму с Дымом поставил возле груды строительного мусора, велел ни на шаг не отходить. Следом пришла какая-то тетка в красивом платке, похожая на заведующую. Бранила сторожа, потом им с Дымом руки перевязала. Потом дед начал говорить, и Дима заслушался.

«Чокнутая швалья — тогда я, как и прочие боги, был уверен в ее безумии — бродила от мира к миру, бормоча проклятья и меняя судьбы. Сшивала скупца с транжирой, аскета со сластолюбивцей, сильную колдунью с деревенским дурачком, хозяина ифрита с хозяйкой снежной псицы. Те, кого коснулась ее игла, мучались, обрывали жизни, сходили с ума, добирались до Кромки и бросались в бездну, или гнили заживо в чужих мирах».

Это звучало как настоящая сказка, интересней, чем «Руслан и Людмила». Смutilо то, что дед назвал себя богом. Взаправду-то богов не бывает. Наверное, тоже малость того... головой тронутый. Как и сторожиха.

Дым мысли Димы подслушал и возмутился: «Как это — нет богов? Мы чтим Чура и приносим дары ему в храм, чтобы он защищал нас от вторжения чужаков». При слове «храм»

Дима поежился. Мутер временами громко жаловалась на отсутствие кирхи, а соседи потом доносы писали и устраивали мелкие неприятности.

Дослушать Дыма ему не позволили. Тетка в платке хотела Диму отвести в милицию — за то, что на стройку пробрался — а дед ее отговорил, пообещал проводить до автобусной остановки и дать подзатыльник на прощание. Тогда тетка в Дыма вцепилась. Дима уже собрался его за руку схватить и вместе бежать, но тот успокоил — «пусть ведет, мне ничего не будет». На том и расстались.

Глава 2. Друг-врунишка

Очнулся Дима в больнице. Помнил Дыма, помнил деда, который его повел на автобус через облака. Врач послушал и сказал, что Дима сильно головой ударился, когда под ним перекрытие провалилось, и запретил вставать с кровати из-за сотрясения мозга. Лежать было скучно. К телевизору в холл спускаться не разрешали, книжек никто не приносил. Вообще никто не приходил, потому что отец был занят, а мутер только-только из роддома вышла. Дима все время вспоминал Дыма — очень хотелось узнать, что там за история с травлей собаками и почему дед называл его львенком — и однажды услышал знакомый голос. Как будто по телефону, издалека, через треск и шорохи. Пару раз Дима пытался до Дыма докричаться, но потом сообразил, что вслух нельзя ничего говорить. Никто, кроме него, Дыма не слышит. Слова нужно просто думать, чем ярче думаешь, тем слышнее, и это правило работает для них двоих. Удобно. И врачи больше не цепляются, не ставят диагноз «галлюцинации».

Из больницы Дима попал прямиком в переезд. Мутер с младенцем на руках отправилась в партком и потребовала немедленно обеспечить семью квартирой. Пообещала жаловаться во все инстанции, вплоть до Генерального секретаря ЦК КПСС. Пусть, мол, комиссия из Москвы выясняет, почему люди живут в антисанитарных условиях, кому руководство раздает квартиры из заводских домов и почему в городе не огорожены стройки — у нее единственный сын-помощник покалечился. Генриху Яковлевичу выделили квартиру из резерва, чему Дима страшно обрадовался. Больше не надо было таскаться с бидоном мимо соседей, когда сестра просила пить, из-за стены не орали на каждый шорох: «Да чтоб вы сдохли, фашисты!»

Стирка пеленок новой сестре Диму не напрягла — в ванной-то, с горячей водой из крана... какие проблемы? Он почувствовал себя почти счастливым: разговоры с Дымом избавили от одиночества, в рассказах было очень много вранья, но лучше слушать чужую брехню и хвастовство, чем бесконечно перечитывать «Руслана и Людмилу» и тонкую книжку очерков Пришвина.

Полное имя невидимого друга звучало как Димитос, и означало «двойную нить». Уменьшительно называли по-разному: и Димчо, и Дымчо, и Дымко, и Дым. Врал Дым так складно, что Дима заслушивался. Говорил, что умеет превращаться в маленького льва, а его родители — в больших львов, и что он тоже будет большим, когда вырастет. Дым ждал ритуала у алтаря, который определит его путь: мечтал стать хранителем, а чего — непонятно. Жаловался он на знакомые и незнакомые беды. Его отец пришел откуда-то издалека, и был чужаком как среди людей, так и среди львов. По оговоркам Дима понял, что люди со львами не сильно-то ладили — то ли мириться собирались, да не собрались, то ли воевать из-за чего-то. А отец Дыма и тем, и другим был нехорош: львы его не уважали из-за слишком короткой гривы, а люди — потому что лев. Если, конечно, верить всем этим сказкам про животных.

В общем, Дым выделялся как немец среди русских и казахов, и от этого Дима чувствовал с ним родство.

А жизнь шла своим чередом. Лето безвозвратно утекало, бытовых забот поубавилось, а каждый день приближал к первому сентября. Дима мечтал о школе — днях, заполненных учебой и занятием спортом, а не домашним хозяйством и криками сестренки. О библиотеке,

полной книг, о пятерках за домашние задания. Дым еще не знал, чему будет учиться, и боялся первого испытания в храме до безмолвных криков. Постоянно повторял: «А если камень меня не услышит? Все говорят, что я из семьи с порченной кровью». Дима утешал друга, как мог. Он вначале мечтал оказаться в мире Дыма и хоть одним глазком посмотреть на львов. А потом передумал — везде своих бед хватает. Дома хотя бы привычные.

Иллюзии, наведенные первым звонком, разбились на третий школьный день. Классная руководительница выслушала его соседку, девочку с бантами, взахлеб рассказывающую, что Дима — немчура, и мать его фашистской кличкой со двора зазывает: «Дитрих! Дитрих!», и рассмеялась.

— Дитрих? — осмотрев Диму с головы до ног, фыркнула она. — Фу-ты, ну-ты, прямо как актриса. Марлен Дитрих.

Так у Димы появилось сразу две клички «актриска» и «Марленка», и горький опыт: на заднем дворе школы всемером били крепче, чем втроем под пожарной лестницей. Дети над ним издевались — каждый птенец считал своим долгом клюнуть белого вороненка. Взрослые закрывали глаза на травлю. Директриса школы была женой заводского парторга, которого мутер пугала комиссией из Москвы. Фамилия Штольц действовала на нее как красная тряпка на быка — что бы ни случалось, Дима всегда оставался виноват. И жаловаться было некому. Вмешивать мутер в школьные дела и ввязываться в череду товарищеских судов Дима не хотел, с отцом поговорить не мог, потому что тот всегда был занят.

А у Дыма испытание, которого он так боялся, прошло без сучка и задоринки. Дима за него порадовался — не ему самому, так приятелю повезло.

Потянулись дни учебы. У одного — занятия с оберегами и зубрежкой заклинаний, у другого — уроки от звонка до звонка. Дима попрощался со школьной мечтой и быстро научился отстраняться от реальности: проходил сквозь строй насмешек по коридорам, прятался в библиотеке, обсуждая прочитанные книги с Дымом. Тот охотно отвлекался от домашних заданий, выслушивал размышления о прочитанном и Димины жалобы, все время советовал одно и то же: сдерживайся, не превращайся, а то люди поставят тебя на учет, и у родителей будут неприятности.

Дима устал напоминать, что не может превратиться ни в кошку, ни в льва, и, после месяца разговоров, озверел от сдержанности и пошел наперекор. Он разрушил очередной воздушный замок-мечту, отказавшись от футбола, и записался в секцию бокса. Играть в коллективе все равно бы не получилось, а бокс научил правильно переплавлять обиду в удары. Не прятаться, а хотя бы иногда давать сдачи. Одноклассники поутихли, после того как Дима справился с троими и ушел домой с рассеченной бровью. Почти сбежал — кровь залила рубашку, надо было срочно замочить в холодной воде. Иначе мутер голову оторвала бы за порчу хорошей вещи.

Время шло, подрастали сестренки — та, что старше, уже в школу пошла. Однажды Дима всерьез задумался о Дыме. Раньше он воспринимал звенящий голос, как сказку, рассказываемую по радио. Только сказку, придуманную специально для него. Повзрослев, понял, что это серьезное отличие от других людей. Может быть, психиатрическое заболевание, а может быть, какой-то загадочный эксперимент, в который он вляпался, сам того не ведая. А вдруг это происки западных спецслужб, специально, чтобы завербовать немца?

Хорошенько испугавшись и побоявшись, Дима признался себе, что с западными

спецслужбами он погорячился: сыграло свою роль запойное чтение романов Богомила Райнова — библиотекарша недавно его к полкам для старшеклассников подпустила. Успокоив себя тем, что никаких секретов он Дыму не выдавал, Дима решил пополнить ряды нормальных людей и сократить общение. Дым звал его все реже, в основном откликнулся на вопросы или жалобы. Надо было просто научиться помалкивать.

Дима не желал быть уличенным в дополнительных странностях. Ему национальности и семьи хватало с лихвой. Спокойного места не находилось нигде — ни на улице, ни дома. Мутер вышла на работу, и, теперь, уже с чистой совестью, переложила груз домашнего хозяйства на плечи детей. Стирка, уборка трехкомнатной квартиры, грязная посуда — мутер ни к чему не прикасалась, только на ежедневные замечания не скупилась. Генрих Яковлевич на быт вообще внимания не обращал, знал, что кто-нибудь все сделает.

Только готовку еды мутер никому не доверяла, считала, что и Дима, и сестра тратят слишком много продуктов, неэкономные уродились. И рецепты используют неправильные. Мутер, постоянно искавшая способы сократить расходы, воспылала любовью к национальной кухне. К двуязычию и немецким именам, которые вызывали нездоровый интерес у окружающих, добавилось швабское меню. Дима давился фруктовым супом — кипяченым компотом с мучной затиркой; с трудом глотал вареники с начинкой из пшенной каши и никогда не радовался воскресному блюду — гороховому пюре с рулькой. Все национальные рецепты не стоили пирожка с ливером из школьной столовой. Жаль, что шесть копеек ему удавалось скопить нечасто — мутер педантично пересчитывала сдачу из магазина и неохотно выдавала деньги на проезд. Ездить приходилось только в школу ДОСААФ, общеобразовательная под боком была. Мутер ворчала, что занятия в секции по пулевой стрельбе — это блажь, но Генрих Яковлевич неожиданно подал голос в защиту блажи, и Дима продолжил обучение стрельбе из винтовки и пистолета.

Закончив восемь классов, он решился на бунт. Потребовал от мутер называть его на людях только паспортным именем Дмитрий, и сам отнес документы в другую школу, пытаясь таким образом избавиться от прилипших кличек. Разговоры с Дымом забылись, остались в памяти обрывками детской сказки. У Димы появилась новая мечта — поступить в институт в областном центре, выучиться на инженера или технолога, и уехать в Москву, где можно раствориться в толпе, где не будет диковинкой фамилия Штольц и отчество Генрихович.

Два года зубрежки обернулись крахом на вступительных экзаменах. Дима проработал лето и начало осени грузчиком в универсаме, получил повестку, прошел комиссию в военкомате и отправился на смотр, где «купцы» выбирали подходящих призывников. Ни морпехам, ни десантникам он не сгодился даже с дипломом ДОСААФ, хоть и вымахал под два метра, косая сажень в плечах — потому что немчура.

В ожидании стройбата и двух лет каторги внезапно пробрала дрожь, и Дима, чтобы отвлечься, мысленно заговорил со своим то ли виденным, то ли выдуманном другом — давным-давно не вспоминал, а сейчас вцепился, как утопающий за соломинку. Дым откликнулся быстро и охотно, посочувствовал, зачастил, пересказывая изменения. Первый же рассказ о том, что он вчера оживил каменного грифона, а тот прошел три шага, упал под трамвай и парализовал движение в центре города, успокоил гораздо лучше валерьянки: Дима сидел на жесткой лавке, привалившись спиной к стене, замерев как изваяние — боялся выдать себя и шевельнуть губами, проговаривая вопросы.

«Статую оживил, что ли?»

«Да, экзамен сдавал. Не рассчитал, слишком много крови добавил в волхоягодник, грифон с места рванул, крыльями хлопнул...»

«То есть, ты что угодно можешь оживить? А если, к примеру, бюст вождя?»

«Сомневаюсь. Грифон храмовый. Камень чуткий, магией пропитан. У вас же статуи на охрану никто не заговаривает?»

«Нет. Вроде бы нет».

За ним вернулся полковник из ВДВ. Пригласил в отдельную комнату, спросил, хочет ли Дима пойти подготовку в школе снайперов с дальнейшим прохождением службы в ограниченном контингенте советских войск в Афганистане.

— У тебя навыки стрельбы, стопроцентное зрение, ты флегматичный, не ведешься на подначки, подолгу сидишь без движения. Это не залог успеха, но у тебя есть исходные данные, с которыми можно поработать.

— Я немец, — немного невпопад напомнил Дима.

— В Афган и даги, и узбеки едут, — усмехнулся полковник. — Немец лишним не будет.

«Снайпер? — влез Дым. — Круто. Иди. Человеку лучше быть снайпером — вы в ближнем бою и втроем против оборотня не выстоите».

Дима решил не выяснять, откуда Дым знает о существовании снайперских винтовок, и с кем мерился силами — незачем себе голову глупостями засорять. Он согласился, почти не раздумывая: снайпером быть всяко лучше, чем стройбатовцем. И подумал: уж не сыграла ли внешность свою роль в выборе? Дмитрий Генрихович Штольц ни капли не походил на истинного арийца: был темноволос, темнобров, черноглаз. Такому в толпе душманов затеряться — раз плюнуть.

Подготовка оказалась интересной. Диму научили стрелять из разных положений — лежа с упором и без упора, сидя, стоя, с колена. Устранили технические ошибки: моргание в момент прицеливания, неправильную задержку дыхания. Посвятили в тонкости маскировки и оборудования позиции, до седьмого пота гоняли на тренировках в составе подразделения. Дима выбрал себе позывной «Дым». И, отпустив страхи о психиатрическом заболевании и происках спецслужб, принял себя целиком — вместе со странностями. Какой уродился, такой и уродился. Взяли же в снайперы? Вот и пригодился стране.

Глава 3. Казадойч

Он снова начал болтать с Дымом. Как в детстве. Не так часто — на службе не до разговоров. Да и у Дыма своих забот полно было. Но даже редкие беседы удивительным образом снимали груз будней. Почти выдуманный друг продолжал утверждать, что может превращаться в льва, ухлестывал за девицей-львицей, учился заговаривать статуи и барельефы, чтобы они охраняли дома, площади и мосты, и сожалел, что люди перестали ценить хранителей и боятся торговать с другими мирами.

«Мы привязываемся к городу — душой и сердцем, вплетая родословную в лабиринт улиц, помечая волшебной брусчаткой и стены, и обретая власть над камнем. Если город благословят Цветень или Травень, то в палисадниках и парках вырастет волшебная лоза. Она может открыть тропы... может, если хранитель отдаст в залог жизнь — свою и потомков. А люди должны будут выкупить ее верой и добротой».

«И что ты собираешься делать? — спрашивал Дима. — Искать свой город? Просить благословения?»

«Пока не знаю. В мире беспокойно. А Жасмина вчера сказала, что не хочет жить среди камня. Она предлагает уйти в саванну».

«Будешь выбирать между любимым делом и женщиной?»

«Подожду знака богов».

Богов, которые могли подать знак, у Дыма было штук десять, не меньше. Дима в них путался, никак не мог рассортировать по старшинству, но, откровенно говоря, не сильно-то напрягался — сказка она и есть сказка. Приятно послушать.

После разговоров Дима легко одолевал новые задачи: стрельбу с оптикой, ночные засады, оборонительные бои и наступление. Невидимое присутствие Дыма помогло ему выиграть снайперскую дуэль. И переход от тренировок к службе прошел безболезненно. Позывной и мысленные беседы отгораживали от грязи реальности. Дима не убивал, не охотился — поражал заданные цели.

Он охотно остался на сверхсрочную. Возвращаться в Рождественский к блюдам швабской кухни и работе грузчиком ему не хотелось. На армейском пайке да с регулярными физическими упражнениями он заматерел, приобрел осанистость. Откликался на позывной, а рядовые теперь козыряли: «Товарищ прапорщик, разрешите обратиться!» Актриска и Марленка ушли в прошлое.

Служить бы да радоваться, так и тут мутер подгадила. То есть, вначале подгадил меченый генсек, позволивший подписать Женевские соглашения и начать вывод войск из Афганистана, а следом за генсеком — мутер, которая решила воссоединиться с исторической родиной, и отправила в посольство заявление с просьбой разрешить выезд в Германию ей и членам ее семьи.

Диму демобилизовали без скандала и без сочувствия. Времена невозвращенцев прошли, однако предателям родины в армии было не место.

И снова всё рухнуло. О чем бы Дима ни мечтал, на что бы ни надеялся, все шло прахом. Карабкаешься-карабкаешься, а судьба дает пинка, и падаешь в пустоту. Дым, с которым они не общались пару месяцев, после жалобы посочувствовал, но на долгие утешения поспешил. Сказал, что своих проблем хватает: место, где он учился, закрыли, волшебство еще не запрещена, но все к тому идет, а у Жасмины будет ребенок. Дима себя выругал за нытье,

поздравил Дыма с наследником или наследницей и честно попытался найти слова поддержки. Тот коротко поблагодарил, попросил: «Ты меня сейчас не отвлекай» и умолк, погрузившись в свои дела.

Пришлось утереть сопли, собрать тренированную волю в кулак и двинуться по очередной дороге. Жизнь в Рождественском, который уже переименовали в Кабамбайбатыр — и не только там — становилась всё хуже и хуже. Дима решил, что чем за копейки мешки носить или на рынке стоять, лучше попытаться счастья на исторической родине.

Эмигрировала семья Штольц относительно легко, почти без препон. Однако на пути к счастью обнаружились пренеприятные обстоятельства. Оказалось, что немецкий, на котором так блестяще разговаривала мутер, и которым владело все остальное семейство, был устаревшим швабским диалектом. В посольстве с ними беседовал специальный переводчик, восхищенный тем, что кто-то в совершенстве владеет языком времен создания сказок братьев Grimm. Писать Дима не умел, разговаривать пришлось учиться заново, и это бы полбеды. На исторической родине «русскими» звали всех эмигрантов из СССР: евреев, украинцев, немцев Поволжья. И только казахских и узбекских немцев выделяли в отдельную группу. На этот раз Диму припечатали словом «казадойч», казахский немец. Разговорное выражение звучало как ругательство, таковым, по сути, и являлось.

В ожидании гражданства Германии Дима понял — таким, как он, нет места нигде. Ни в Рождественском, ни в Кабамбайбатыре, ни в городе Мюнхене и его окрестностях. Всегда лишний, всегда второй сорт, хоть сколько раз отжимайся и стреляй с оптикой с поправкой на ветер, а все равно твой шесток — грузчик в магазине. Потому что казадойч.

Мутер и отец получили гражданство сразу по приезду. Младшие члены семьи ждали чуть меньше года. Дима как в детство вернулся — их поселили в семейное общежитие, с общей кухней на восемь комнат, общим душем и туалетом. Мутер поначалу цеплялась к соседям, нарывалась на скандал, однако крика: «Подстилка фашистская!» ни от кого так и не дождалась — добро пожаловать в страну миролюбия и толерантности. Поразмыслив, она сменила пластинку и начала изображать обездоленную страдальницу, шагнувшую в новую жизнь с одной-единственной котомкой в руках. В ее словах была определенная доля правды: уезжавшим немцам позволяли вывозить только двадцать килограмм имущества, запрещали брать оригиналы документов, а на прощанье лишали гражданства — чтоб уж точно назад не вернулись. Мутер лукавила, описывая брошенную в Казахстане квартиру: переступила, мол, через порог, оставив на произвол судьбы и стены, и кровати, и тюлевые занавески. На самом деле Генрих Яковлевич после десяти лет работы на заводе переоформил служебное жильё на свое имя — по закону — а перед отъездом приватизировал и продал соседям. За реальные деньги, шуршащие зеленые доллары. В полученную сумму входили и мебель, и пресловутые занавески — крышечка с кастрюлькой никогда никому ничего просто так не отдавали.

Дима речи слушал вполуха, не вмешивался, уходил гулять, исследуя турецкие и арабские кварталы. Там кипела жизнь, витал запах гашиша, в гаражах разбирали на части краденые машины. Он всерьез прикидывал, кем лучше пристроиться — дилером или автомехаником, и тут же себя одергивал: «Не спеши».

Осенью Дима написал заявление на получение аусвайса. Можно было оговорить и оставить строку отчество, но он решил не выделяться из толпы. Внезапный, короткий, быстро вспыхнувший и погасший приступ бешенства случился, когда чиновник предложил поменять имя Дмитрий на созвучное.

— Вы можете выбрать имя Дитер или Дитрих.

Школьное прозвище едва не сработало, как спусковой крючок. Дима сжал подлокотник пластикового стула — до хруста, до боли. Позвал Дыма, услышал далекий голос: «Сейчас не могу, позже», и буркнул:

— Нет. Дмитрием родился, Дмитрием и помру.

Паспорт гражданина Германии Дмитрий Генрихович Штольц получил незадолго до Рождества. И, не заботясь о подарках, отправился к мутер — сообщить, что уезжает в Дюссельдорф, и высказать давно накипевшее и наболевшее.

Он удержался от крика, говорил ровно, не повышая голоса. Напомнил мутер тысячу мелочей: мытье полов в коридоре барака, которое она считала ниже своего достоинства, и перекладывала на него, «приучая к реальной жизни»; чертовы вареники с пшенной кашей и куском маргарина, стоявшие поперек горла; слезные просьбы не звать его со двора, выкликая имя «Дитрих»; картошку с гарниром из макарон; вечную позу отверженной; демонстративное празднование католического Рождества и Пасхи с гороховым пюре; свары с соседями, школьными учителями, отцовскими сослуживцами, где в каждом слове выискивалось оскорбление по национальному признаку, и находилось, даже если его и близко не было.

— Дальше без меня, — сообщил он.

В комнате повисло тяжелое молчание. Генрих Яковлевич смотрел на Диму, как на ожившее чучело, жевал губы. Казалось, что он вот-вот произнесет свои любимые слова: «Будь послушным мальчиком, не расстраивай маму». Нет. Обошлось.

Тишину нарушила мутер. Обвинения, не подкрепленные ненормативной лексикой и криком, стекли с нее, как с гуся вода — пропустила мимо ушей, вычленив одну-единственную фразу об отъезде. Ее мутер обдумала и очень удивилась:

— А кто же будет перевозить вещи на новую квартиру, Дитрих?

— Грузчиков наймешь, — скрипнув зубами, ответил он, подхватил заранее собранный вещмешок и ушел прочь.

Почему Дюссельдорф? Просто так. Когда выбирал билет, название понравилось. Дима ни на что не рассчитывал — хватит уже, намечтался, настроил воздушных планов. И, как только побрел наобум, само в руки пришло. Познакомился с белорусами, те посоветовали к тетке-еврейке ткнуться — в школу, мол, охранников набирает. Дима пошел, ожидая, что его пошлют далеко и надолго, да не на ту тетку попал. Сара Абрамовна, хозяйка частной школы, накормила его ватрушками с творогом, приговаривая: «Кушай, деточка, что же ты худенький такой!», как-то незаметно расспросила про жизнь, нахмурилась и охарактеризовала блюда швабской кухни коротким русским непечатным словом. Дима съел все ватрушки, честно сказал Саре Абрамовне, что никаких документов о квалификации у него нет: диплом спортшколы остался в Кабамбайбатыре, потому что оригиналы вывозить нельзя, а военный билет с отметками о местах службы забрали при выезде. Сара Абрамовна отмахнулась: «Димочка, деточка, да я и так всё вижу!» и пообещала накормить его настоящим одесским борщом. Уже за одно это Дима мог бы охранять еврейскую школу, как цепная собака, а Сара Абрамовна еще и деньги платила.

Вторым охранником был армянский еврей, Яков Аветисович, замкнутый мужчина средних лет, потерявший всю родню в Спитакском землетрясении. Говорил он по-русски хорошо, но редко. Разговоры не удавались: Яков сожалел, что ему некуда и не к кому вернуться, Дима никуда возвращаться не хотел.

Когда однажды вечером в бормотание телевизора вплелся голос Дыма, Дима искренне

обрадовался. Друг его ответу удивился:

«Нет, я тебя не вспоминал. Выбираю имя сыну. Наверное, из-за сильных эмоций долетело. Я стараюсь отгораживаться».

«Почему?»

«Для клейма изгоя достаточно того, что мой отец бежал из мира в мир, бросив город, который должен был охранять. Разговоры с тобой выделяют меня из общей массы. Если кто-то догадается — не миновать беды. Я помню, что в детстве выходил на Кромку. Мне кажется, что мы познакомились там. Мать сказала, что меня привела сама Заржина. Но как знать — она или кто-то под ее личиной? Я боюсь стать проводником для неведомого зла. Привык, что всегда могу с тобой поговорить, но никогда не обдумывал, откуда ты взялся».

Дима успел сказать: «Ух, ты! Наследник! Круто», и вдруг словно в каменную стену воткнулся. Дым замолчал, и Дима не узнал, как назовут сына. Жаль...

Глава 4. Заказ и кролик

Дни мелькали быстрее, чем в армии. Дима в Дюссельдорфе вроде бы и прижился, отъелся не только борщом: тетя Сара баловала и котлетками с пюре, и умопомрачительной жареной скумбрией, а по праздникам всегда дарила судок оливье и судок селедки под шубой. Год ушел на знакомство с азами стряпни. Борщ Дима варить так и не научился, но куриную лапшу и мясо готовил на «пять с плюсом», тетя Сара хвалила. И квартира недорогая нашлась недалеко от работы, и кредит на машину одобрили. Казалось бы — живи да радуйся! А Дима, наоборот, загрустил. Не только в еде и отдельной квартире проблема крылась, личная жизнь все равно почему-то не ладилась. Еврейские девицы охотно флиртовали, но даже за ручку не позволяли себя брать: замуж шли только за еврейского мальчика, остальные не ко двору. С немками тоже не срасталось. На одну или две ночи находились. Особенно если в баре знакомиться с пьяными. А постоянную найти — никак. То ли вправду пылало клеймо «казадойч», то ли Дима себя накручивал, только невест от этого не прибавлялось. А на второй год работы и школа начала утомлять: дети бесконечно галдели, родители желали, чтобы Дима вел кружок самообороны, и так, чтобы за три занятия сделать из размазни Брюса Ли.

Дым пару раз появлялся в эфире. Не вдаваясь в подробности, сообщал, что жив и здоров. Дима пожаловался ему на скуку, отсутствие дела, которое бы заполнило жизнь — раз уж с семьей не складывается — и получил в ответ равнодушные слова: «Бывает и хуже». Против правды не попрешь — и бывает, и бывало. А все равно обидно, будто не целая жизнь, а какие-то огрызки достались. И в будни тоска, и — особенно — в праздник. Все вокруг блестит, кипит, и только он остается где-то за дверями, прислушивается к чужому смеху, звукам фейерверков и музыки.

Масло в огонь подлили две встречи с бывшими сослуживцами, знакомцами по Афгану. Первый, Вова-Лесоповал, зашибал неплохие деньги где-то у бармалеев, в составе разведывательно-диверсионной группы, второй, Леша-Космодром, брал редкие и дорогостоящие заказы в городах. Подзаработать — «у тебя глаз-алмаз, ценить будут» — Дима отказался. После этих разговоров пару раз какие-то мутные типы подкатывали, обещали горы денег. Дима на посулы пока что не велся, не решался преступать закон.

Самый обидный удар — в спину — нанесла женитьба Якова. Тот познакомился с испаночкой на пивном фестивале, закрутил бурный роман, и отбыл на ферму, выращивать апельсины и плодить черноглазых детишек. Диме аж тошно стало: тут ищешь — и никого, а Яков не искал, само в руки упало.

В этот шаткий момент к Диме подвалили с интересным предложением. Подвалили бармалеи, из кварталов, пропитанных запахом гашиша. С приветом от Леша-Космодрома. Заказ был плевый — застрелить комнатную собачку. Закавыка крылась в том, что собачка принадлежала бабке-королеве. Королеве в отставке, мамаше одного из нынешних королей европейских государств. Что-то бармалеям от короля потребовалось — мужик не просто корону носил, рулил церковью и вооруженными силами. Вот и решили намекнуть незамысловатым способом.

За собачку платили хорошо, только не в деньгах было дело. Соскучился Дима по стрельбе с оптикой. Винтовку дешево не купишь, и займы не возьмешь. А если и дадут, что, по пустым бутылкам палить? Глупо.

Обсудить бы мутный заказ, а не с кем. Дым опять пропал. Яков, поселившийся в Испании, на ферме у жены, в советчики не годился. А при тете Саре Дима о бармалехах и заикаться не смел: она арабов на дух не выносила, даже не пытаясь прикрыться толерантностью.

Дима взял срок на раздумья — до каникул. Понадеялся, что решение само придет, судьба или подтолкнет, или отведет от дела — найдет насморк, к примеру, или конъюнктивит. Странное знамение, которое он поначалу не смог истолковать, случилось на следующий день. Кто-то принес и оставил в школьном дворе кролика тигровой окраски. Не бежевого, не в подпалинах, а настоящего тигра, темно-оранжевого, с сочными черными полосами, белым галстуком-воротником и носочками. Кроль сидел в прочной клетке и неприязненно смотрел на людей.

— В продаже таких не бывает, — уверенно сказала Сара Абрамовна. — У меня знакомая декоративных кроликов разводит, ездит в разные питомники. Гепардовый окрас недавно вывели, но они рыжие в черное пятнышко. А этого, наверное, кто-то красками разрисовал.

Выглядел кролик очень хищно, погладить себя не давал, огрызался. Сара Абрамовна попыталась его пристроить в хорошие руки — уговаривала всех попавшихся на глаза родителей — но не преуспела. К вечеру кролика, так и не прикоснувшегося к морковке, решили отвезти в приют для бездомных животных. Решила Сара Абрамовна, а исполнять поручила Диме — аукнулись винегреты и борщи.

— Я не успеваю, у меня встреча назначена. Уважьте мою просьбу, Дмитрий Генрихович. Расходы я вам возмещу.

Дмитрий Генрихович с опаской взялся за ручку клетки, вынес кроля на улицу, дождался, пока школу покинут последние сотрудники, и включил охранную сигнализацию. Адрес приюта Сара Абрамовна ему написала, ехать было недалеко, но почему-то душа не лежала выполнять простое дело. Он устроил клетку на заднее сиденье машины. Сел за руль, обернулся. Кроль смотрел на него осуждающе, как будто Дима его на живодерню собрался везти, а не в приют, где животные жили лучше, чем в бараках из детства.

— Она сказала, что тебя в школе оставить нельзя, санитарная инспекция оштрафует.

Кролик шевельнул ухом.

— А брать тебя никто не захотел, хоть ты и красивый.

Ушастый тигр самодовольно распушился.

Дмитрий Генрихович хотел сказать: «А я тебя взять не могу», открыл рот, закрыл и задумался. Почему, собственно, «не могу»? В контракте на съем жилья было прописано разрешение держать домашних животных. Дима этим не пользовался за ненадобностью: мутер с детства вдолбила, что кошки и собаки — лишний расход. А заводить кроликов для забавы никому в голову не приходило. Кролик — это ценный мех и мясо, какая тут забава?

— Если хочешь — поживи у меня, — осторожно предложил Дима, присматриваясь к реакции кроля. — Не уживемся — тогда в приют отвезу. Как, согласен?

Кроль кивнул, да с таким видом, будто хотел сказать: «Ну, наконец-то! Дошло до дурака!» Дима вздохнул — обидно было, что даже тварь ушастая дураком считает, и пообещал:

— Сейчас заедем в магазины. Я тебе овощей и сена куплю. И кошачий лоток.

В магазины Дмитрий Генрихович заходил вместе с кролем, и просто-таки искупался во внимании прекрасной половины человечества. Девицы и дамочки отпускали им

комплименты, называли суровыми и мужественными, беспрестанно спрашивали, как такую чудесную зверушку зовут. Сначала Дмитрий Генрихович отвечал: «Никак, еще не придумал», потом решил назвать кролика Шер-ханом, а когда не смог быстро выговорить, переименовал в Маугли. В супермаркете Маугли проявил характер, проигнорировал яблоки и морковь и потребовал купить ему колбасы. Начал биться об клетку, когда возле колбасного отдела остановились, при виде ветчины скривился, а сервелат с орехами одобрил. Дмитрий Генрихович поразмыслил, примерил ситуацию на себя — «колбаса или сырая морковь?» — сообразил, что морковь жевать невкусно, и купил к колбасе полторы булки хлеба. И пачку сосисок с сыром, чтобы было чем позавтракать.

Дома Маугли повел себя как воспитанный джентльмен. Обследовал квартиру, не трогая ни обои, ни обувь — а Сара Абрамовна говорила, что грызут все, что на глаза попадется — забрался на диван к Диме под бок, посмотрел телевизор, смолотил треть палки колбасы, а на ночь отправился спать в кресло. Уходя на работу, Дима оставил Маугли несколько кружков колбасы, ломоть хлеба, две сосиски, и велел не баловаться. Сара Абрамовна, узнав, что кролик остался жить у Димы, неожиданно расчувствовалась, сказала — «хотела, мол, тебе предложить тебе его взять, но не посмела».

Вечером Дима обнаружил, что Маугли включил телевизор. Снова примерил ситуацию на себя — с тоски можно сдохнуть в четырех стенах — и научил кроля пользоваться пультом, чтобы тот выбирал каналы по вкусу. Поужинали тушеной капустой с остатками сосисок — Дима приготовил — посмотрели французскую комедию и улеглись спать. Дима на кровати, а кроль — в кресле.

На третий вечер Дмитрию Гериховичу показалось, что кролик понимает человеческую речь — сцапал зубами и подал кусок колбасы в ответ на просьбу. Обсуждать это ни с кем не хотелось, как и кроличий рацион. Всколыхнулись старые страхи, нежелание выделяться из толпы. А вдруг Сара Абрамовна отправит Диму к ветеринару... ой, нет, Маугли к ветеринару, а Диму к психиатру? Здесь, на исторической родине, люди к психиатрам запросто заходили, лечились таблетками и одновременно работали. Вроде бы, ничего постыдного, «как все», но такое «как все» Дмитрий Генрихович себе не хотел. И побаивался, что ветеринары Маугли принудительной вегетарианской диетой уморят.

В первые дни казалось, что судьба послала ему Маугли, чтобы от заказа отвернуть. Не поедешь же собачку убивать с кролем за пазухой, и на три дня дома не оставишь — колбаса в миске протухнет и наполнитель в туалете промокнет. Когда бармалеи позвонили, Дмитрий Генрихович начал осторожно давать задний ход. Сказал, что стрелял давно, в городе почти не работал. Может накладочка выйти. Бармалеи посоветовались, накинули десятку и предложили съездить за город, пристреляться — у знакомого, мол, усадьба и прилегающий к ней лес в собственности, можно ветки на деревьях подровнять.

Сердце дрогнуло. Дмитрий Генрихович вынул из шкафа пятнистую форму, в которой демобилизовался, померил, старательно втягивая живот — таки отъелся на харчах тети Сары, утренние пробежки увеличить надо и отжиматься от стула не только перед работой, но и вечером. Маугли сначала смотрел с подозрением, а когда услышал, что тоже поедет — «я постреляю, а ты по травке побегаешь» — запрыгал от радости. Сказано — сделано. Дима позвонил тете Саре, предупредил, что на выходные уезжает за город — а то мало ли что ей понадобится, пусть не рассчитывает.

— С девочкой познакомился, Димочка? — ласково спросила директриса.

— Кроля везу на природу выгуливать, а то он в квартире засиделся.

За полуправду совесть не так грызла, как за вранье. Тетя Сара хмыкнула, посоветовала с кролем гулять по городу — девочки сами потянутся. Дмитрий Генрихович совет даже обдумывать не стал, и без тети Сары заметил, что с Маугли за пазухой от трезвых баб отбоя нет. Когда вчера ходили за колбасой, чтобы кроль по своему вкусу выбрал, покупательницы три визитки в карманы напихали, а кассирша номер телефона на купюре записала. Купюру Дима в хлебном за булочки отдал, а визитки сложил в салфетницу, их за три дня куча собралась.

Выходные удались на славу. Диме привезли ВСС «Винторез» и два прицела. С бесшумным «Винторезом» Дима только тренировался на сверхсрочной, работать не довелось. Однако память не подвела, руки не забыли, что надо делать — трижды собрал и разобрал, упаковывая в чемоданчик типа «дипломат», с каждым разом все быстрее. Но в минуту не уложился.

Отстрелялся на первый раз, остался собой недоволен. Пока чистил снятый глушитель, сделал комплекс дыхательных упражнений. И сумел выкинуть лишние мысли из головы, когда пристреливался по второму кругу. Позабытая в суете дней сосредоточенность на выстреле укрыла как одеяло. Дима почувствовал себя живым и нужным. А когда менял прицел, услышал знакомый голос.

— Ты счастлив, — констатировал Дым. — Аж до меня долетело. Как живешь? Женился?

— Нет, — убирая прицел в сумку для переноски, ответил Дима. — Пока только кролика завел. А ты как? Второго ребенка жене заделал?

— Не та ситуация, — помедлив, отозвался Дым. — Поговорим чуть позже?

— С удовольствием, — согласился Дима. — Давай завтра?

— Давай. Я позову. Скажешь, если не вовремя.

Часть 2. Димитос. Глава 1. Отчаяние

Он проспал. Дважды отключал будильник, зная, что тот снова сработает через десять минут, и растратил драгоценное утреннее время — сын уже проснулся и превратился в львенка. Не желал менять тело, одеваться и завтракать, сидя за столом — пропустил мимо ушей и уговоры, и окрик.

Димитос мог отвезти его к бабушке, усадив на заднее сиденье — детей до пяти лет никто не трогал, даже отъявленные ревнителю закона не придирались к мелким львям. Голос разума твердил: вам не грозят ни арест, ни штраф. Бесплезно. Навалились, одолели тоскливые мысли: «А если он не привыкнет к правилам? А если проявится строптивый характер матери? А если привыкнет, а потом, повзрослев, проклянет — за детство с ущемленными правами из-за проживания бок о бок с людьми?»

Димитос повернулся к зеркалу и отшатнулся от отражения. Оказывается, он балансировал на грани обращения — на приятное открытое лицо, располагавшее к себе людей, напозла «львиная маска». Углубились морщины и складки, резко выступили надбровные дуги, расплылся толстеющий нос, обвисли щеки и подбородок. Димитос встряхнулся, положил ладони на затылок и начал считать вдохи и выдохи. Он не спускал глаз с ошейника, маячившего в зеркале алой полосой, и напоминал себе: «Если ты начнешь превращаться, сработает датчик давления. Ты получишь разряд, потеряешь сознание, упадешь на пол и напугаешь Теомариса. Он и без этого плачет по ночам, не понимая, куда ушла мама, а ты добавишь ему новый страх — что он остался совсем один и его некому защитить». Он считал и напоминал до тех пор, пока не пришел в норму.

Сын за это время успел превратиться и съесть остывшую кашу ложкой. Димитос наскоро его умыл, помог одеться, закутал в плед и отнес в машину, нахваливая, улыбаясь и обещая:

— Пока я на работе, побудешь у бабушки. А завтра съездим на рынок, купим всяких вкусностей и закатим пир. Сходим в парк, проверим, расцвели ли крокусы.

Сын захлопал в ладоши, засмеялся, спросил:

— Лес?

— Нет, — чувствуя, как вновь подкатывает отчаяние, ответил Димитос. — В лес не получится. На ногах, в парк. В лес поедем через месяц.

Разрешение на посещение прогулочной зоны он использовал на прошлой неделе. Надежды на то, что правительство увеличит количество «диких парков» или хотя бы добавит новые пропускные пункты, чтобы избавить оборотней от очередей, таяли, как мартовский снег под солнцем. Им пришлось потратить на ожидание больше трех часов. Сын раскапризничался, прямо перед КПП начал проситься домой. Димитос разозлился и напугал его остерегающим рыком, а потом, когда с него сняли ошейник и выдали суточное разрешение, долго заглаживал свою ошибку, таская львенка в зубах по полосе препятствий. Сыну нравилось, когда он перепрыгивал высоченные изгороди — львенок взмывал в воздух, как на качелях, и визжал от восторга. Димитос боялся его ударить или уронить, но каждый раз поддавался на уговоры.

Сын уже забыл тяготы ожидания и хотел нормальных развлечений: побегать на лапах с отцом, поохотиться на грызунов или птиц, выкопать логово в сугробе или искупаться в реке или озере — в зависимости от времени года. Димитос не знал, как объяснить двухлетнему

ребенку сложную систему ограничений на превращение, и отделялся обещаниями, называя конкретные сроки.

Он поправил пропуск с QR-кодом, пристроенный на лобовое стекло, быстро добрался до знакомого района, миновал огромный щит «Внимание! Зона ограниченного доступа!» и остановился возле пропускного пункта. Повезло — мать не поленилась, подошла ко вторым воротам, на посту были знакомые охранники, поприветствовавшие его кивками и позволившие поднырнуть под шлагбаум. Димитос дождался, пока откроется автоматическая калитка, чмокнул сына в щеку, передал матери, пробормотал:

— Веди себя хорошо, Маруш.

Мать немедленно указала Димитосу его место. Покачала внука на руках, сообщила:

— Тимас у бабушки никогда не капризничает. Мы сейчас пойдем на детскую площадку, хорошо погуляем, а потом пообедаем свежей крольчатиной.

— Тебе что-нибудь купить? — вежливо спросил Димитос, стараясь подавить всколыхнувшееся раздражение. — Фрукты, овощи, конфеты?

— Ничего не надо. В супермаркете отличный выбор.

— Если надумаешь — звони. Спасибо, что берешь мелкого, мам.

Димитос сбежал в машину, в сотый раз размышляя, нужно ли ссориться из-за короткого имени. Ему не нравилось то, что мать упрямо сокращает «Геомарис» до «Тимаса», привязывая сына к полубогу, покровителю ядовитых растений. В нынешней ситуации, когда от богов — как и от людей — ожидалось только неприятности, такое упорство могло навлечь беду. Они с Жасминой долго выбирали имя сыну, и сошлись на том, что нужно возблагодарить духов моря — львенок был рожден после упоительных каникул, проведенных на теплом побережье. В коротких формах «Маруш», «Мариш» и «Марысь» слышался шорох волн, брызги пены, оседающие на галечной россыпи. Мать осудила их выбор сразу же, заявив, что они низвели львенка до мокрой кошки. И укоротила имя по своему вкусу — вопреки протестам Димитоса.

Сейчас, когда Жасмина и ее родители уехали на Второй континент, мать осталась единственной, кто помогал Димитосу, и — пусть и не без оговорок — принял его выбор. Повесить на шею ограничитель. Работать вместе с людьми для спасения жизней. Осторожно, почти тайком, разбирать завалы магических зданий, уменьшая беды, оставшиеся после Исхода Свечана.

«Помалкивай, — приказал себе он. — Если она откажется сидеть с Марушкой, ты не сможешь ходить на службу. Нас кормят обещаниями, но, похоже, детские сады для оборотней никто не собирается открывать. За няню-львицу придется отдавать всю зарплату. А без денег мы не проживем».

Он гнал прочь самый простой выход — подать документы на выезд и улететь на Второй континент.

«Это на крайний случай. Сбежать я всегда успею, эмиграции никто не препятствует, наоборот — поощряют».

Настроение начало улучшаться, когда он добрался до работы. На проходной сообщили: «Живо задницу в горсть, командир тебя искал!», возле курилки остановили для обмена рукопожатиями, а в приемной секретарша покормила его конфетой. Здесь, в спасательном отряде, Димитос был не «опасным существом» с темным пятном в биографии из-за обучения в школе Свечана, а ценным сотрудником. Его физические данные и магические способности приносили пользу, и это волей-неволей порождало доверие — его не боялись. Конечно,

бывало всякое — случались и наветы, и раздоры. Но, чаще всего, Димитос чувствовал себя на своем месте. И это место было среди людей.

— Два задания, — сообщил ему командир. — Поступила жалоба, что из развалин в квадрате 222-15 опять поползли слизни. Проверили по камерам, выехали на место — да, асфальт проплавлен. Обследуй, дай заключение, определи способ борьбы. Я уже заказал соль.

Димитос кивнул.

— Второй момент. По совокупности обращений. От парковой скульптуры «Привал» в Ракитнице лезут ужи. Возможно, не только ужи, судя по фотографиям, приложенным к обращениям, там была как минимум одна гадюка. Вчера огородили восточную часть Ракитницкого парка, два специалиста из столичного зоопарка прочесали газоны в прогулочной зоне, собрали и увезли в террариум мешок змей. Надо бы выяснить обстоятельства происшествий. А то уже появилась петиция о демонтаже объекта культурного наследия.

— Не поможет, — глядя в сторону, проговорил Димитос. — Это не от «Привала», эти ивы на берегу пруда ветки роняют. Они скучают по Тальнику, приветствуют весну. В старых ивах раньше жили деревянницы, а в пруду — келпи. Волшба впиталась в воду и землю. С этим ничего не сделаешь. Вы же помните, в марте всегда празднества устраивали, выставляли Тальнику с Чуром пиво, а деревянницам приносили сладости. Ивы радовались, змей не было.

— Помню, — глядя в другую сторону, ответил командир. — А сейчас нельзя. Надо дать ответ на обращения. Пробегись вдоль пруда, посмотри, может быть, что-то можно сделать.

— Ничего, — пробормотал Димитос. — Распушится верба и все закончится. Тальника сменит Цветень, ивы залюбуются своими отражениями и оцепенеют.

— Надо дать ответ на обращения, — напомнил командир.

— Напишу что-нибудь, — пообещал Димитос и перешел к главной надобности. — У меня просьба. Снимите ошейник, чтобы я провел день на лапах. Есть причина — обследование местности. Я все время хожу на ногах. Мне не хватает превращения раз в месяц. Я возил Маруша в прогулочную зону на прошлой неделе, а кажется, как будто это было полгода назад. Можно было бы закинуться химией, но в аптеках нет успокоительных, «Лево-Сон» сняли с производства. Если дотяну до лета, будет полегче. Если уродится волхоягодник. Если нет — напишу заявление об увольнении.

— Нечего мне тут капризную девицу изображать, — нахмурился командир. — Если... если... Заявление он напишет. А работать кто будет? Ишь! Сказать ртом заранее не можешь? Так и так, мол, привезу ребенка, потому что не с кем оставить. Накопилось семь подозрительных объектов, надо проверить. Выделите напарника. Снимите ошейник. И бегал бы с Марысеком сутки, я бы тебя на экстренные вызовы не ставил. А сейчас уже в сетку вписали, приказ оформлен. Почему до последнего молчал?

— Думал, что как-то обойдется.

— Бестолочь ты, Дымко, — беззлобно ругнулся командир. — Сегодня покатаешься со сменой, а в ближайшее дежурство что-нибудь придумаем. Иди, спроси у всех, не хочет ли с тобой кто-то поговорить, а я пока форму восемь заполню. Потом возвращайся со старшим по смене, я ошейник сниму.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Димитос.

— А, может быть... — командир не мог нарушить закон, но мог закрыть глаза на нарушение. — А если оставить возле «Привала» несколько бутылок пива и что-то вроде

пачки мармелада? Разложить на берегу. Это поможет?

— Нет, — покачал головой Димитос. — Важно не подношение. И даже не праздничная трапеза. Сегодня семнадцатое марта, день Патрикеев-Снегочиста. Раньше, когда наш мир был открытым, сюда Чур с Тальником заходили, его работу проверяли. Потому и «Привал» — задержались перед уходом на Кромку, с людьми и кладовиком поболтали. Тогда их приход ждали, понимаете? Радовались первым проталинам, жгли разноцветные свечи: золотые и желтые — надеясь найти ничейный клад. Белые, фиолетовые, синие, оранжевые — приветствуя крокусы, пролески и фиалки. Патрикеев пересчитывал кладовиков — все ли проснулись после зова Свечана? Чистил сугробы, стряхивал снег с деревьев, тревожа деревяниц, взламывал лед, пугая келпи и напоминая водяным, что пора будить рыбу. А Чур с Тальником бродили по мирам, изгоняя загостившуюся снежную нежить, проверяя, не отбил ли кто от свиты Свечана. Они перестали заходить к нам лет двадцать назад, после закрытия ярмарки и корчевки лозы — зачем навязываться? Миров, в которых их ждут, очень много. А после Исхода, когда их проклинали на все лады — и люди, и большинство уцелевших оборотней — воины Чура разрушили каменные лестницы, отрезав вход-выход на Кромку. Память земли не умилюют сладостями и пивом. Надо просто подождать. Она забудет.

Он замолчал, коря себя за излишнюю болтливость. Под запретом было не только применение заклинаний, хранение рык-ко и обучающих книг, даже разговоры о богах и волшебстве не приветствовались. Принятая парламентом «Декларация воинствующего атеизма» была направлена на искоренение магических школ, храмовых учреждений и любых религиозных культов. Память земли, воды и камня не изменялась росчерком пера, но и люди, и оборотни уже привыкли к тому, что за молитву или оберег можно получить штраф или тюремный срок. Это способствовало забвению — всего два года прошло, и богов вслух не упоминали.

— Иди, — велел командир, раздраженно махнув рукой. — И в столовую не забудь заглянуть, предупреди, что тебе особый обед нужен. А то помню я как ты в прошлый раз кастрюлю лапши сожрал, и весь отряд без жидкого оставил. Повару скажи: если что-то купить надо, дополнительные фонды есть. Закажем, привезут.

— Спасибо, — повторил Димитос и вымелся из кабинета.

Глава 2. Суточная смена

Слизни из развалин ползли какие-то новые, от соли только панцирем обрастали, жрали все подряд и гадили чем-то похожим на кислоту. Димитос убедился, что рвать когтями их бесполезно — вместо одного большого слизня получаются двое маленьких, которые жрут и гадят с удвоенной силой — впрыгнул в микроавтобус, превратился и крикнул старшему по смене:

— Роланд! Давай попробуем асфальт содой засыпать, вдруг поможет?

— Кто-то так уже делал?

— Нет, это я от безысходности придумал. Впервые таких вижу, не могу предположить, откуда они ползут.

Судя по архивным данным, на квадрате 222-15 до Исхода стоял по крайней мере один заговоренный особняк. С огромным подземным этажом, смыкающимся с соседними подвалами. Куда, в какой из миров случился провал — в одиночку и без разбора завалов не выяснишь. Слизни лезли весной и осенью, одновременно с пробуждением подземных источников. Вероятно, были неразумны. Или обладали таким разумом, с которым невозможно наладить контакт. Да и не было сейчас желающих налаживать контакты.

Вместе с содой на квадрат прибыл командир отряда. Решил своими глазами взглянуть на интуитивную борьбу с проблемой. Димитос, перекинувшийся во льва, на всякий случай отогнал рыком двух сослуживцев, подтянул мешок к ходу в подземелье, из которого уже выглянули три слизня, и вспорол когтями. Получилось лучше, чем он думал — слизни, извалявшиеся в соде, сначала вытянули тепло из воздуха и камня, заставив покрыться инеем землю и лестницу, а потом взорвались с тихими хлопками. Ошметки не подавали признаков жизни, и это радовало — за сотню крохотных прожорливых слизнячков Димитосу бы наверняка влепили выговор.

Он удостоился скупой похвалы командира, влез в микроавтобус, чтобы не маячить на глазах у прохожих: бдительные граждане могли начать названивать в полицию, требуя обезвредить нарушителя закона — и неважно, что лев выполняет команды сотрудника МЧС. Полную засыпку квадрата содой командир переадресовал коммунально-дорожной службе, связался с диспетчером, убедился в отсутствии срочных вызовов, велел группе отправляться в Ракитницкий парк и сам поехал следом. То ли от кабинетной работы решил отдохнуть, то ли змеями интересовался, то ли за Димитосом присматривал. Не угадаешь.

Старый парк, хранивший следы богов и память о древней магии, встретил Димитоса радушно.словно теплой попонкой укрыл. Группа поднырнула под ленту ограждения, углубилась в заброшенную часть парка — туда, где природа победила асфальт, утопив в грязи растрескавшиеся дорожки. Лев старался идти осторожно, не наступая на цветы, но быстро понял, что это бесполезно — крохотные фиалки и пролески устилали землю ковром, семейки крокусов выглядывали из-под снега, теснились на проталинах, одаряли запахом весенней свежести, дурманили, нашептывали: «Чисть-чисть Снегочист, зло метлой гони. Свет день удлинит, снег землю родит, крепко спит кладовик. Хочешь? Умыкни». От Снулого пруда донеслось шипение — ивы затрясли ветвями, уронили в воду пару ужей, тревожа водную гладь. Димитос подошел к скульптурной группе и склонил голову, отдавая дань почтения каменному «Привалу».

Чур, бог-пограничник, сидел на поваленном стволе дерева, подпирая кулаком щеку,

глядя на скатерть со скудной снедью. Тальник, хозяин марта, муж госпожи Живинки, полулежал на земле, опираясь на локоть, протягивая руку к каменному кубку. Димитос увидел перепутанные нити силы: самые крепкие оплетали плиту под скульптурами, складываясь в узор-наговор, часть кое-как держалась на статуях, а большинство валялось на земле и камне грязными комками, утратив цвет и превратившись в магический мусор. Старый наговор почуял приближение неприкаянного хранителя. Плита мягко качнулась, фиалки и пролески смолкли. Димитос вдохнул запах костра и оружейной смазки, разглядел подпаленный овчинный воротник пятнистой куртки.

— Мельчают даже боги третьего круга, что говорить о четвертом?

Чур махнул рукой, Тальник кивнул, поднес к губам кубок. Черепашка — символ мудрости, долголетия и защиты — выбралась из глубокого кармана формы, сползла на плиту, цепляясь за штанину Чура, побрела к Димитосу, сверкая аметистовыми глазами. Нити, оплетавшие плиту, лопнули от прикосновения коготков. Тальник нехотя отвел кубок от губ и окаменел вслед за Чуром. Черепашка продолжала идти, и Димитос превратился, опускаясь на колени, протягивая руки к дару богов.

— Прикройте его, — буркнул командир.

Группа экстренного реагирования на магические инциденты встала плечом к плечу, пряча Димитоса от взглядов — несколько зевак отирались за лентами ограждения. Черепашка заползла в подставленные ладони, лениво клюнула палец и спряталась под панцирь, втягивая голову и лапки.

— Что теперь будет? — негромко спросил командир. — Они слышали наши чаяния и ответят?

— Нет, — баюкая черепашку в ладонях, ответил Димитос. — Памятник окаменел окончательно. Навсегда. И...

Он чувствовал, как парк прощается с магией. Ивы, вздыхая, роняли последние слезы, теряли память о дриадах. Пруд стремительно зарастал серой ряской, пачкавшей последние осколки льда — теперь бы в воду не зашла ни одна келпи, даже если бы ее каким-то чудом занесло в этот мир. Два ужа, подползших к «Привалу», вернули свой истинный облик — на проталине лежали напитанные водой ивовые ветви.

— И?

— Змей больше не будет, — сообщил Димитос. — Можно доложить начальству, что мы провели успешную зачистку местности. Дайте мне, пожалуйста, какую-нибудь коробку. Я заберу черепашку.

— Нет, — командир сказал, как отрезал. — В служебную машину ты ее не понесешь. Я не буду упоминать ее в докладе, но на этом потворство заканчивается. Оставляй ее здесь. Ограждение будет стоять еще трое суток — как минимум. Захочешь — вернешься. Меня не интересует, чем подчиненные занимаются после смены.

— Как скажете, — подавляя вспышку гнева, процедил Димитос.

Он подошел к памятнику, подкопал плиту, леденя ладонь в смеси земли и снега. Опустил черепашку во временное убежище и положил сверху пучок крокусов, вывернутый чьим-то тяжелым ботинком.

«...крепко спит кладовик. Хочешь? Умыкни».

Утихающий шепот цветов заставил его поднять голову, внимательно осмотреть местность. Считалось, что весенняя уборка снимает проклятия с ничейных кладов и после ухода Патрикеев их можно забрать. Что здесь могли спрятать? Тот, кто решил устроить схрон

в парке, испросил разрешения у Чура — значит, это были не деньги и не ювелирные изделия. Что-то, связанное с ныне запрещенной волшебной силой. Димитос зажмурился, зацепил краешек видения, промелькнувшего среди разноцветных искр.

«Это был лев, — понял он. — Ушел в Нижний парк. Неужели я получил знак судьбы?»

Порыв — «бежать! искать!» — утих после взгляда на людей. Он превратился, старательно вытер испачканную лапу о снег и ушел в микроавтобус, торопя время и обдумывая утренние планы. Сюда, в парк, надо приехать до того, как он заберет Маруша от бабушки. Схрон может оберегать ловушка. Нельзя подвергать сына опасности.

Первая половина дня выдалась на удивление спокойной, как будто Патрикей-Снегочист вымел из столицы накопившиеся беды. Гигантские пауки, выбиравшиеся из развалин всю прошлую неделю, притихли и попрятались. Такое на памяти Димитоса случилось только один раз — после пролива опасных зон концентратом сельскохозяйственных удобрений. Не было ни проворных поджигателей-ифритов, ни медлительных каменных уродцев — осколков заговоренного камня. Тишина. Красота.

Димитос плотно пообедал — ему приготовили отдельную кастрюлю макарон с говяжьей печенкой — сбегал к секретарше командира, которая почесала ему нос и покормила шоколадной конфетой, и отправился дремать на солнышке под пожарным щитом. Лев был доволен. Двухногий старался его не тревожить, но осторожно копался в собственных чувствах — всплеск ярости после отказа командира ему не понравился. Он едва не потерял контроль: обида перемешалась с извечным презрением зверя к добыче. Лев подтолкнул его к смене формы, требуя: «Прыгай!», предвкушая короткую и кровавую драку. Димитос осек его напоминанием о сыне, и это сработало. Сработало сейчас. А что будет дальше?

«Уймись, — пробурчал лев. — Солнышко. Хорошо. Мешаешь».

Пришлось уступить. Димитос поплыл по волнам дремы, наслаждаясь тем, как ветерок гладит шкуру, путает короткую гриву, ерошит кисточку хвоста. Лапы подергивались — лев еще не забыл обиду, а вокруг сновало слишком много людей.

«Мы приведем сюда Маруша, — напомнил Димитос. — Побегает вместе».

Лев благосклонно заворчал, растянулся, полируя спиной асфальт, дрыгая задней лапой. Димитос рассмеялся. Его затопила волна радости — винтовка была удобной, очередная серия выстрелов поразила цели.

«Стоп-стоп-стоп!..»

Лев сел, почесался, осмотрелся по сторонам — на всякий случай.

«Ты счастлив, — стараясь убрать из мыслей намеки на зависть, подумал Димитос. — Аж до меня долетело. Как живешь? Женился?»

«Нет, — ответил его странный приятель-снайпер. — Пока только кролика завел. А ты как? Второго ребенка жене заделал?»

«Не та ситуация, — Димитос увидел, что из здания выбежал старший смены и напрягся. — Поговорим позже?»

«С удовольствием. Сегодня? Завтра?»

«Завтра. Я позову. Скажешь, если не вовремя».

До самого позднего вечера, практически до ночи, Димитосу было не до разговоров и раздумий. Ожил пропитанный проклятиями перекресток, столкнул пяток автомобилей, пустил волну по асфальту, будоража землю и порождая фонтаны воды из лопнувших труб. Лев увидел комок гнилостно-серых магических нитей, заметался, отталкивая людей от

провала, а когда аварийная служба наконец-таки перекрыла воду, прыгнул в образовавшуюся канаву, и долго копал, уничтожая сплетение скверны. Последний узел разорвал неудачно — нить хлестнула, норовя выбить глаза, обожгла лоб и переносицу. Димитос поспешно выскочил на асфальт, опасаясь оживить проклятие кровью — достаточно того, что пассажира из автомобиля выпиливали — и долго наблюдал за размокшей глиной. Вроде бы, получилось. Лет на пять проблема снята. Скорее всего, нити снова срастутся, гиблое место когтями не вычистишь. Но о том, чтобы провести полноценный ритуал, лучше не заикаться.

Работа вымотала. Рана не заживала, хотя Димитос усердно намывал ее лапой. Его привезли на базу, облили теплой водой из шланга, вытерли и оставили в покое — с благодарностями. А в качестве награды принесли большую тарелку котлет и миску сливок. Лев обрадовался и командира почти простил — мог бы и совсем простить, но в котлетах было слишком много лука.

К утру на лице осталась небольшая ссадина. Димитос выспался, обдумал план действий, подставил шею под ограничитель смены формы — каждый раз от прикосновения ошейника пробирала дрожь — и уехал, тепло попрощавшись с товарищами и начальством. Он взял курс на Ракитницкий парк, не беспокоясь о коробке для черепашки. Если суждено, то подарок Чура его дождется, и никуда не денется из кармана, пока он прогуляется по парку. А если нет... значит, Димитос ошибся и неправильно истолковал знаки судьбы.

Глава 3. Находка

Он не подумал о том, что черепашка будет перепачкана грязью.

«Гордыня, — упрекнул себя Димитос. — Я-я-мое, предназначено, узелок судьбы...»

Жидкая ледяная глина затекала под манжету куртки, черепашка недовольно ворочалась в ладони. Возвращаться за тряпкой или салфеткой к машине, оставленной возле центрального входа, не хотелось, и Димитос осторожно оттирался снегом, стараясь не привлечь внимания к своей ноше — редкие бегуны скользили по нему равнодушными взглядами, но никогда нельзя исключать того, что попадется особо бдительный гражданин.

Дорожки сами ложились под ноги. Аллеи с разбитым асфальтом привели его к потрепанной каменной лестнице. Спуск по раскрошенным ступеням — к технической зоне. Димитос уткнулся в огромную свалку, окруженную глубокой колеей. Сюда сбрасывали обрезанные ветки и стволы деревьев, свозили куски старого бетона с торчащей арматурой, части демонтированных фонтанов и мелкий строительный мусор.

Он пошел по заснеженной обочине, разрываясь между разочарованием и надеждой. Возможно, схрон устроили до того, как тут появилась свалка. Хотя, вряд ли. Вот какое-то техническое строение — то ли руины насосной станции, то ли демонтированная щитовая. Прятать что-то важное там, где работают люди? Черепашка больно впиалась коготками в ладонь. От неожиданности Димитос споткнулся, чуть не упал в грязный снег, удержавшись второй рукой за обложенную диким камнем стену — выше, над головой, еще одна аллея уводила посетителей к детской площадке.

Облицовка была обычной, без магической оплетки. Никакой волшбы — ни на свалке, ни под ногами.

«Или я ее не чувствую. Перекинуться бы... — Димитос машинально коснулся ошейника. — Пробежаться на лапах, хорошенько все обнюхать».

Он медленно обошел свалку по кругу, пытаясь понять или вспомнить, как выглядел этот кусочек парка до запустения. У «Привала» он бывал, еще маленьким — отец пару раз привозил сюда дары, игнорируя храмы. Кажется, сюда они не спускались. Димитос закрыл глаза, переждал мельтешение искорок, увидел черно-белые фотографии и начал мысленно листать семейный альбом. Одно-единственное фото — он стоит на бортике фонтана, прижимая к себе огромный надувной мяч.

«Спускались, один раз. Уже тогда в фонтанах не было воды, облицовка падала на дорожки, все было перегорожено шнурами с табличками «Осторожно!» и мы быстро ушли к комнате смеха и детской площадке».

Круг замкнулся. Димитос подошел к полуразрушенному техническому строению, заглянул внутрь. Потрескавшиеся бетонные стены. Ступеньки, уводящие под землю. Как ни странно, бункер не был загаженным — хотя подобное использование прямо-таки напрашивалось. Черепашка завозилась, поползла по ладони. Димитос опустил на корточки, уверился, что подарок Чура хочет спуститься по ступенькам, принялся, присмотрелся — нет, не видно ни одной магической нити — и понял, что придется идти вниз. Или отказаться от попытки истолковать знаки судьбы.

Подземный ход был довольно высоким — скорее всего, Димитос попал в систему обслуживания ныне исчезнувших фонтанов. Часть ступенек перекошились, ушли в землю, по бетонной стене змеились провода — когда-то здесь было электрическое освещение. Зрение

оборотня позволяло видеть в темноте. Чуть расплывчато, без цветов, но и этого достаточно, чтобы не споткнуться по дороге. Черепашка топталась по ладони. Димитос добрался до нижней ступеньки и сделал несколько шагов. Понимание, что одряхлевший свод может обрушиться, подталкивало к немедленному бегству. Димитос умел заставлять себя делать неприятные вещи — как и умирять льва — и после пары вдохов и выдохов пошел вперед, в густеющий мрак.

Бетон под ногами стал мягче.

«Мягче?»

Димитос опустил голову и с удивлением увидел, что он наступил на что-то белое, похожее на клочок ваты. Шаг, еще шаг, и клочья слились в упругую дорожку, пружинящую под подошвами ботинок. Из глубин памяти всплыло вытертое прожитыми годами воспоминание — привет из далекого детства.

«Неужели? — он замер, догадываясь, куда его вывели перекошенные ступеньки. — Кромка? Наставник говорил, что ни разрушение лестниц, ни проклятие Свечана не может закрыть все пути. Но выйти, а тем более покинуть наш мир, стало втрое не просто. Какая злая насмешка судьбы — я нашел выход, но не смогу уйти, потому что беспокойство о сыне привязывает меня крепче любого якоря».

Впереди раздался журчащий звук. Димитос прищурился. Скала? Родник?

Вода стекала по боку замшелого утеса, впитываясь в облака. Некоторое время ничего не происходило, а потом камень расступился, выпуская на поверхность тонкий росток. Зеленый стебель вытянулся, окреп — как будто перед глазами мелькали кадры ускоренной съемки. Первый цикл жизни уложился в три минуты — куст из трех прутьев покрылся листьями, тут же сбросил пожелтевший наряд, отдохнул и снова зазеленел. Зрелище было завораживающим, и Димитос боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть незнакомую волшебницу. На третьем цикле заметно разросшийся куст покрылся крупными белыми почками. Запах распустившихся цветов разочаровал — затхлость, сырость, плесень, живущая на прелой древесине.

Он сделал шаг вперед, чтобы рассмотреть диковинные плоды четвертого цикла. На ветках выросли крохотные стеклянные пузырьки с притертыми пробками, внутри которых тускло поблескивали то ли рыбные чешуйки, то ли плоские бусины.

— Нравится? — голос был хрипло-вкрадчивым. — Выберешь? Возьмешь?

Из-за дерева вышло существо, внешне напоминавшее здорового кота — серо-полосатого, дворовой расцветки, с угрожающими когтями, царапавшими камень. Димитос присмотрелся и опознал бродячего кладовика. Те, кто нарушал условия службы — терял клад из-за лени или проигрывал — приговаривались к изгнанию на Кромку. И, конечно же, пытались передарить свою судьбу доверчивым путникам, вышедшим на облачную дорогу.

— Что это? — не приближаясь, спросил Димитос.

— Дерево несбывшихся желаний, — с кошачьей усмешкой сообщил кладовик. — Сам знаешь, иногда от желаний отказываются — за минуту до их исполнения. А я их собираю. Не пропадать же добру? Выбирай! Вдруг тебе попадется несметное богатство или принцесса?

— Или очнусь возле трупа врага с окровавленным ножом в руках, — вернул ему усмешку Димитос. — Или увижу, как сбывается сказанное в сердцах проклятие.

— У-у-умный? — мяукнул бродяга. — Тогда пр-р-р-ова-а-а-ливай, не мешай жда-а-а-ть!

— Когда надо, тогда и уйду.

— Пр-р-рова-а-а!..

Черепашка, которой надоела перебранка и топтание на месте, прыгнула с руки, прокатилась по пружинистой дорожке. Кладовик заткнулся на середине звука, отступил, почтительно склонился перед подарком Чура. Черепашка шустро вскарабкалась по камню и исчезла в неприметной трещине, словно хотела добраться до корней дерева. Димитос ждал продолжения, затаив дыхание. В какой-то момент возникла догадка, что его миссия выполнена — избрали для того, чтобы доставить черепашку в нужное место. А бродяга-кладовик — случайная встреча-помеха.

Он ошибся. Из расселины показался сначала хвост, потом панцирь. Черепашка, пятясь, тащила за собой какой-то шнурок, и Димитос подошел, чтобы ей помочь. Деревце несбывшихся желаний растаяло. Кладовик что-то пробормотал и исчез, прокопав ход прямо посреди облачной дороги.

Димитос подцепил шнурок на палец, поднял черепашку добычу на уровень глаз.

Проволочные кольца оплетали разноцветные нити, перемежаемые бусинами и ракушками. Несведущему человеку могло бы показаться, что перед ним безделушка, сувенирная продукция или поделка усидчивого ребенка. Колдун-человек или оборотень, обучавшийся в храмовой школе, понимал, что это узелковое письмо. Рык-ко.

Димитос держал в руке редкость — дорожник, или, как его еще называли, хожень. В центре дорожника болтались два камушка-башмачка на воощеных нитях, по кругу змеились узелковые надписи: «Иди, куда охота, от Ярышника до Летнего Солнцеворота», «Манит папоротный цвет, угольками рдея, забереешь его себе, ежели сумеешь». Осторожное движение отправило подарок судьбы во внутренний карман. Димитос подхватил черепашку и отступил назад, надеясь, что ступеньки остались на месте. Ключья Кромки стремительно редели. Уже не было не только кладовика — ни скалы, ни родника, ни расселины. Только бездонный провал, в котором лениво кружились светлячки.

Он беспрепятственно покинул подземелье и парк. Забрал сына, долго извинялся за задержку перед матерью, нахмурившейся при виде грязной куртки, ботинок и брюк. По дороге домой, при взгляде на полицейские посты, по спине пробегали мурашки — прежде Димитоса если и останавливали, то не обыскивали. Тогда вероятность досмотра не беспокоила — он не возил с собой запрещенных предметов. До сегодняшнего дня.

«Пугает неопределенность. Арестуют, изымут хожень, отдадут на экспертизу. Можно отделаться штрафом, а можно заработать реальный тюремный срок. По статье "Открытие пути для магических существ из других миров" светит от пяти до пятнадцати лет тюрьмы строгого режима».

Добравшись домой, он припрятал дорожник в крохотном палисаднике на заднем дворе, прекрасно понимая, что в случае обыска это не спасет. Отдал дань бытовым и гигиеническим заботам, разогрел суп, подаренный матерью, и принес в гостиную две коробки конструктора — сын захотел собрать грузовик и подъемный кран. Черепашка, протертая тряпкой, бродила по дому сама по себе.

«Надеюсь, Маруш на нее не наступит с размаху. Говори, не говори, а все равно под ноги не смотрит. Купить ей аквариум? Или не ограничивать свободу? Надо подождать. Вдруг сама какое-то убежище выберет».

Накатывала плохо преодолимая дрема. Вернулась усталость после работы с проклятым перекрестком, помноженная на неожиданный выход на Кромку. Димитос растянулся на циновке, кивая сыну, комментирующему каждое соединение деталей, и прикрыл глаза. Перед внутренним взором тут же появилась ветка дерева, увешанная запечатанными

пузырьками. Уверенность пошатнулась, шевельнулся червячок досады — «а вдруг упустил свое счастье?». Зацепилась репьем, проросла в душе чужая наживка, рассчитанная на дураков. Димитос разозлился на себя — до клокочущего рыка в горле. И тут же услышал знакомый голос.

«Ничего не случилось? — спросил человек-снайпер. — Все в порядке? У меня такое чувство, что произошло что-то важное... трудно объяснить. Такое же было, когда в армии получил от мутер письмо, где она сообщила, что заявление в посольство отправила. И неизвестно было, дадут ли визы. А прочел и понял — все, другая дорога. Прежней жизни не будет. И сейчас такая же ботва. И почему-то кажется, что это не от моих развлечений пена поднялась. Все время тебя вспоминаю».

«Все сложно, — уклончиво ответил Димитос. — Может быть, и важное. Наверное. Пока не знаю. Но документы на выезд я пока не подавал. Это на самый крайний случай».

«Как у тебя дела? Не хочешь рассказать?» — Вопрос прозвучал мягко, без нажима, без примеси пустопорожнего любопытства. — «Мы давно не разговаривали. Ты сказал, что боишься стать проводником для неведомого зла, я помню. Не знаю, как убедить тебя в том, что я не замышляю ничего плохого».

«С неведомым злом я погорячился, — признал Димитос. — Это на меня накатило в какой-то момент. От страха. Кстати, потом мне один старый волх сказал...»

«Кто?»

«Слишком многое надо объяснять. У тебя есть свободное время?»

«Пока час. Сработала пожарная сигнализация, провели эвакуацию из здания, и тут же приехала полиция — кто-то позвонил в участок, сообщил, что в школе заложена бомба. Сидим, ждем, пока проверят с собакой. Мне удалось сбежать в кафе. Наслаждаюсь чашкой кофе и теплым весенним днем».

«У нас холодно, — переворачиваясь на спину, пожаловался Димитос. — Только-только сошел снег. Крокусы зацвели».

«Крокусы уже отцвели. Тетки на работе каждый день друг другу цветочные фото показывают, я и не хочу, но все знаю. Уже деревья цветут — вишня и прочая слива. Говорят, что рано в этом году. Здесь теплее, чем...»

Димитос понял — его собеседник запнулся на слове «дома». Не смог произнести даже в мыслях. И это отозвалось ноющим сочувствием. Похоже, волх был прав. С чего начать? С последних лет, с трагедии, с ограничений или с конкретного момента, который может быть непонятным в отрыве от всего остального? Они никогда не обсуждали миры — сначала были слишком малы, чтобы говорить о религии и общественном строе, потом отделились и перебрасывались мыслями о текущем положении дел. Димитос помнил далекий детский голос, уверявший его в том, что обратней не бывает, и называвший его жизнь сказкой. Непонятно, что об этом думает человек-снайпер. Верит ли его словам?

«Я не знаю, с чего начать», — пожаловался он.

«Начни сначала. Если не уложимся в час, продолжим вечером. Я тебе маякну, когда доберусь домой с работы. Если твоя жена возражать не будет. Моему кролику точно все равно, главное его покормить вовремя».

«Жена уехала. Эмигрировала на другой континент, — сообщил Димитос. — Мы с Марысем остались. Да, ты прав, придется начинать с самого начала, иначе будет непонятно, куда и почему она уехала. И на что я обрек себя, устроившись на государственную службу».

«Я слушаю. Уже заказал вторую чашку кофе и прислонился к стене. Глаза закрою, и

никто меня трогать не будет. А когда полиция все проверит, директриса мне позвонит, и я тебе об этом сразу скажу».

Глава 4. Долгий разговор

Димитос повернулся на бок, чтобы наблюдать за сыном. Подарок Чура не пожелал искать убежище, а принял активное участие в детской забаве. Маруш очень осторожно взял черепашку, усадил в грузовик с двумя колесами, кое-как покатал, пообещал: «Сейчас доделаю».

— Мы были торговым миром, торговым городом, — он начал проговаривать слова, чтобы упорядочить разбегающиеся мысли. — Я помню колоннаду Рассветной ярмарки, увитую вечнозеленым волхоягодником. Не обычным, оранжевым, а настоящим, с желтыми плодами. Лестницы с мраморными ступенями и отполированными перилами, ведущие к торговым рядам. Из пяти площадок работали только две — уже в моем детстве поговаривали, что товары из других миров несут в себе крупицу зла. Ассортимент неуклонно сокращался. Городские власти сетовали, что на охрану территории, противодействие чужой магии и пресечение преступлений уходят огромные средства. Так это было или не так — не знаю. Когда я учился в храмовой школе, наставники говорили, что на Кромке, перед съездом на ярмарку, стоит застава Чура и торговые караваны досматриваются. И количество зла, якобы пробирающегося к нам с Кромки, сильно преувеличено. Думаю, дело было еще в том, что товары перестали соответствовать запросам и потребностям. Произошло бурное развитие технологий, обесценившее мелкую бытовую магию. Например, телефоны вытеснили камни-говоруны: зачем держать дрессированных птиц и днями ждать ответа, если можно поднять трубку и поговорить?

«Да, действительно», — отозвался собеседник. — «Это я понимаю».

Димитос спохватился:

— Если что-то непонятно — переспрашивай.

«Мы тогда в час не уложимся. Интуитивно догадываюсь, а расспросы о камнях-говорунах могут подождать».

— Постараюсь кратко и по делу, — пообещал Димитос. — К моменту моего отрочества на саму ярмарку уже никого не пускали, отговариваясь соображениями безопасности. Товары забирали оптовики или храмовые служители: для святилищ Свечана постоянно закупали заговоренный воск, для алтарей Заржины — плетеных кукол из виноградной лозы, для школы Тропника... неважно. И люди, и оборотни стабильно покупали два товара, не потерявших ценность в связи с развитием технологий. Это были пояса от радикулита — из валяной шерсти волков-оборотней. И пуховые подушки, отгоняющие кошмары и дарившие волшебные сны — из мира людей-птиц.

«Ого! Я бы такую подушку купил!»

— Ты сначала дослушай. Ограничительные меры — для каждого выхода на площадки надо было оформлять пропуска — у многих вызывали раздражение. Мои наставники повторяли, что вода и скверна везде дырочку найдут, перекрыть все пути невозможно, да и задумавший зло через главный вход идти не будет. Они были правы. Я не видел ни Чура, ни Тальника, но помню, как на Брежинки-Медвежинки, в городском парке, среди танцующих пар, закружилась, сверкая глазами из-под темной вуали, госпожа Шмельница. Ее желтое платье сияло, движения очаровывали, а басовитое гудение шмелей почти заглушило музыку. Это длилось недолго, около пары минут. Люди расступились, посреди площади возникла лестница, по которой спустился Цветень, подавший супруге руку. Они ушли в небо, оставив

каменную пыль от истаявших ступеней. А рой шмелей отправился на облет. Какие пропуска могут остановить Тальника, Живинку или Шмельницу? Или Ярышника, одаряющего майские костры рдеющими угольками из очага Огничка? Прости, меня опять унесло в сторону.

«Нет-нет, очень интересно. Без шуток. Суть я уловил, а детали потом из тебя вытрясу».

— Торговля угасала. Одновременно с этим упал спрос на — скажем так — внутреннюю волшбу. Это подорвало престижность обучения — многие уходили из храмовых школ, чтобы найти себе другое дело. Первой закрыли школу Тропника — мастера продавали хоженни на Рассветной ярмарке, и остались без рынка сбыта после ликвидации очередных торговых рядов. Школа Свечана держалась дольше — и в столице, и на континенте было много заговоренных домов. Победило нетерпение. Камень медлителен. Чтобы правильно заговорить семейный особняк, уходят годы — надо начинать с закладки берегов в фундамент и заканчивать крышей. Слишком долго, слишком дорого. Даже коттеджи с барельефами и цветочными гирляндами перестали пользоваться спросом. И люди, и оборотни переселялись в многоэтажные панельные дома — покупали квартиры, используя право на льготную ипотеку, которая не оплачивала магические изыски. К тому моменту, когда я заканчивал обучение, остались две официальные профессии. Ликвидатор магических последствий и корректировщик скульптуры и архитектурного декора. В общем-то, они схожи — и в том, и в другом случае ты работаешь с чужими заклинаниями и камнем, пропитанным многолетней волшбой. Я выбрал профессию корректировщика. Это было ближе к моей мечте.

«Я помню. Ты говорил, что хочешь заговаривать статуи и барельефы, чтобы они оберегали дома, площади и мосты. Ты рассказывал о хранителях. Хотел найти свой город».

— Это были мечты о несбыточном. Подростковые чаяния. Наверняка я говорил, что мой отец был чужаком. Он пришел из другого мира, — пробормотал Димитос, глядя на сына, перекладывавшего черепашку в грузовичок, у которого появились все четыре колеса. — Мира, где люди и волки-оборотни жили бок о бок — с раздорами, но без кровопролитных войн. Первого хранителя, отца моего прадеда, в город пригласил волх. Отставник-колдун, отслуживший положенный срок в страже Чура, и бродивший по доступным мирам. Закатная ярмарка — там была Закатная, а не Рассветная — появилась в городе при моем прадеде. Точно знаю, что они торговали с людьми-птицами, отец об этом говорил, когда случилась беда с подушками — с завистливой злостью. Сам, мол, никогда бы до такой гадости не додумался, а эти смогли. Прости, я опять отвлекаюсь. Отец бежал от гражданской войны. Воевали все — и люди, и волки-оборотни. Ярмарка была разрушена, а одна из воюющих сторон попыталась принудить хранителя привести помощь со стороны. Найти наемников на Кромке. Это было невыполнимо, но дало отцу возможность сбежать. Он ей воспользовался и добрался до моего родного мира — по торговым путям. Здесь его ждало разочарование. В храме Свечана, хозяина зимнего камня и льда, покровителя волхов и львов-хранителей, его назвали предателем. Ни один хранитель не должен бежать из вверенного ему города, ставя свое благополучие выше жизней подопечных. Отцу запретили выполнять магические работы — один из волхов сказал, что любая его волшба будет нести печать проклятия за предательство. Я хотел учиться в школе вопреки этим обвинениям и разговорам. Мечтал, что выйду на Кромку, отыщу тот город, предложу свою службу людям, волкам и камню. Жизнь и магия внесли свои коррективы. Весьма суровые. Ты слушаешь? Тебя еще не позвали?

«Слушаю очень внимательно. Пока еще свободен».

— Три года назад случилась «Ночь кошмаров». В то время Жасмина была беременна, я летал на крыльях от счастья — как будто превратился в грифона. Работал по графику, снимал заклятья с домов, сменивших хозяев, обследовал и укреплял питьевые фонтанчики и памятники по заказам службы городского благоустройства. Иногда выходил на смену МСЧ. По тревоге. Как числившийся в резерве ликвидатор. Удивительно, но беда нас не коснулась, хотя подушки счастливого сна были почти в каждой семье. Родители Жасмины — кондитеры. Они почти не пользовались магическими предметами. Жасмина, вынашивая Марысека, запретила держать в доме то, что может повлиять на судьбу или здоровье ребенка. У моих родителей тоже не было подушек. Моя мать — преподаватель математики. Она очень рациональна, привыкла работать с формулами, расчетами и фактами, и всегда говорила, что если есть возможность избежать необъяснимого — лучше избегать. Ну а отец не желал поддерживать звонкой монетой здешнюю торговлю. Мне до сих пор непонятно, как эти противоположности сошлись, что подтолкнуло их жить вместе, прячась по разным комнатам, зачать меня... — Димитос спохватился, понимая, что снова начал болтать обо всем сразу — слишком много накопилось. — Прости. Опять отвлекся. В общем, у нас не было подушек счастливого сна, и никто даже хвостом не повел, когда в сети, по телевизору, в газетах и на рекламных щитах замелькало заманчивое предложение: «Сдай две старые подушки и получи взамен одну новую». По столице поползли разнообразные слухи. Говорили, что у людей-птиц голод, и они готовы отдать любое количество подушек за шляпки подсолнечника с полей, где его специально выращивали вперемешку с обычным волхоягодником. Что корпорация «Сладкий сон» разорилась, перекуплена за бесценок и новые менеджеры избавляются от избытков накопившегося товара. Что на новые подушки будут давать гарантию три года, а не десять, как было раньше. Говорили всякое, но очереди все равно стояли — подушки нельзя было стирать с химическим порошком и другими средствами, но люди и оборотни все равно стирали, а потом жаловались, что больше не видят сны. Очень многие использовали возможность избавиться от испорченной подушки и действительно получили новую. Рекламная кампания и обмены длились два месяца. Когда желающих приобрести новую подушку со скидкой или взамен уже не осталось, столице и Первому континенту досталась неделя спокойного сна. А потом на людей и оборотней обрушилась Ночь Кошмаров — убийственных, наведенных магией. Кошмаров, вытаскивающих из глубин памяти потаенные страхи, и не позволяющих проснуться.

«Я расхотел такую подушку», — мрачно сообщил человек-снайпер.

— Я не знаю, действительно ли были сошедшие с ума или все обошлось моральными травмами, но объединенная волна гнева — в тот момент люди и оборотни действовали плечом к плечу — смела офисы, склады и магазины «Сладкого сна». Этого показалось мало, и толпа, к которой присоединились военные, уничтожила колоннаду Рассветной ярмарки. Эмбарго на импорт товаров из других миров закрепили на законодательном уровне. Трагедию начали расследовать. И почти сразу выяснили скверный факт. Подушки, ввезенные через торговую площадку, не несли в себе зла. Их изменили на складах. Ответственность взяла на себя группировка «Чистый мир», требовавшая изоляции и возвращения к старым устоям. Ядро группировки составляли оборотни. Жрецы Ярого и Морены, воспитанники школ Свечана и Тропника. Это вызвало новую волну негодования. Люди требовали запретить любую волшбу. Оборотней увольняли с работы, отказывали в квартирах, переставали обслуживать в магазинах и банках. То тут, то там случались поджоги домов, ночные расправы. Львы не давали себя в обиду. Кровавые потасовки стали обыденностью,

запахло гражданской войной.

Димитос поймал внимательный взгляд сына. Встал, ушел на кухню, где включил электрический чайник и продолжил говорить вслух — тема заставила разволноваться, мысли разбегались.

— Львов всегда было меньше, чем людей. Мы прибыли со второго континента — более жаркого, состоящего из саванн и пустынь, с узкой полосой плодородных земель неподалеку от побережья. Лет двести назад люди ссылали туда каторжников, но об этом периоде предпочитают не вспоминать. Со временем на побережье появились фешенебельные курорты, были отстроены порты, да и в целом жизнь изменилась — кондиционеры и холодильники выиграли войну у жары. Оборотни начали пересекать океан после Ночи Кошмаров и последующих событий. Люди, жившие на втором континенте, потянулись на первый — опасались, что изгнанники начнут вымещать на них зло. Проповедники «Чистого мира» откровенно ликовали: их планы успешно воплощались, Рассветная ярмарка была разрушена, оборотни возвращались в родную колыбель. Парламент и правительство поспешно принимали законы, жестко ограничивающие применение волшбы. Работу с камнем не запретили полностью, но оставили только куцый огрызок возможностей: ввели программу поэтапного снятия заклинаний с объектов культурного наследия, владельцам домов и коттеджей порекомендовали избавляться от заговоренной лепнины и барельефов за свой счет. На всю столицу остались два храма — Чура и Заржины. Остальные закрыли, огородили, вызывая тихий ропот населения. Накал страстей начал угасать. Много оборотней уехало, много людей приехало, ежедневные заботы вытерли память о Ночи Кошмаров. Может быть, мы бы и пришли к миру и согласию. Но...

«Минутку... нет, это была ложная тревога. Еще не зовут. Продолжай».

— Тем, кто хотел возвращения к устоям, не понравилось примирение — да еще и при ограничении волшбы. Многие, кто колебались — уезжать или нет — решили остаться. Как родители Жасмины. Как Жасмина, сказавшая, что раз я работаю в программе снятия заклинаний, и получаю за это неплохие деньги, лучше пока не срываться с насиженного места. Я радовался ее выбору. Не могу сказать, что мне очень уж нравилась работа — хотелось оживлять, а не умерщвлять камень. Но альтернативой было уничтожение особняков и памятников, а этого нельзя было допускать. Ко мне подкатывали сторонники «Чистого мира». Трижды. Я отказывался обсуждать планы возмездия. Мог ли донести об этом в соответствующие органы? Мог. Наверное, получилось бы проникнуть в ряды, выведать и слить информацию. Но я промолчал. Это были оборотни, братья по каменной магии. Я не захотел сдавать своих сородичей людям. Пожалел ли потом, когда случился Исход Свечана? Жалею ли сейчас? Нет. Я бы не смог вести двойную игру — ненавистна мысль о предательстве в свете бегства отца.

«Понимаю, Дым», — чужая мысль была мягкой, успокаивающей. — «К тому же глупо переживать. Ничего уже не изменишь».

— Да, — ответил Димитос, заваривая чай. — Уже ничего. Жрецы, обратившиеся к силе Свечана, создали артефакт «Пламя Возмездия». Это сложная цепь действий, жертв и заклятий, наложенных на специально изготовленный светильник, направленная на возвращение вреда тем «кто зло помыслит» и отражающая нападение внешних сил. Внешних. В этом скрывалась попытка обмануть Свечана. Оборотни представили людей пришельцами, хотя львы и люди изначально делили этот мир. Ложь удалось поддерживать целую неделю. Свечан был занят торгом за Замок-в-Горах и не следил за чистотой помыслов

паствы. Это обернулось тысячами смертей, реками крови. На столицу и города, в которых были заговоренные дома, обрушился ледяной ад. На водосточных трубах и карнизах вырастали огромные сосульки, падавшие на головы людям. Полыхали зимние пожары, ярился камень, обрушивающий стены и лестничные пролеты. Среди всего этого бесновались оборотни-проповедники, призывавшие львов покинуть проклятую землю и вернуться на второй континент. Они обещали людям войну до последнего вздоха, клялись приложить все силы для уничтожения рода человеческого. Их расстреливали и давили броневидами военные, и это тянуло очередную цепочку смертей — многие оборотни превращались и вставали на защиту собратьев. Паника, хаос, отчаяние... мы провели эти дни в доме, укрывшись под шкурами, опасаясь нападения. Обошлось. Скажу честно — я бы защищал свою жену и сына, не жалея людей. Обошлось. На мне нет крови.

Димитос опустил на табуретку, спрятал лицо в ладони. Надо было договорить до конца. Поставить точку.

— В довершение всех бед случилась кара за обман. Свечан, получивший от Живинки корзину замороженных ягод, окинул взглядом миры и безошибочно распознал ложь. Жрецы просили не о справедливом возмездии, а о нападении на людей. На подопечных. На соседей по миру. Разгневанный Свечан проложил свой путь сквозь наши земли, чтобы отвести в Чертоги Хлады души невинно убиенных и лишит силы обманную волшбу. Я не видел ни шествия бога, ни его свиты — почувствовал, что на мир надвигается что-то неумолимое, необъятное и безжалостное. Жасмина затащила Маруша под кухонный стол. Я лег рядом, прислушиваясь, чувствуя дрожь снега и земли, слыша далекие крики, львиный рык и грохот падающих сосулков. Позже мне показывали фотографии и видеозаписи. Первыми шли огромные туры и волю, крошащие копытами заговоренные мосты и мостовые, поддевающие рогами памятники, балюстрады и кованые ограды. Их пытались остановить танки — предсказуемо неудачно. Следом брел великан Матти, разрушавший особняки, заговоренные предателями. Его кулаки проламывали кирпичные стены, сбивали балконы, вышибали оконные переплеты и витражи. Свечан, закутанный в сивую шубу, жевал ягоды из корзинки и следил за действиями своей свиты. Его окружали мерцающие силуэты — жертвы заклинаний ожидали первого шага на последнем пути.

От воспоминаний бросило в дрожь. Димитос потер щеки, напомнил себе: «Я почти закончил».

— И Свечан, и его свита, и души жертв ушли, оставив людям и оборотням скованные льдом руины. За два года мы не смогли избавиться от этих последствий — в столице полно огороженных лентами кварталов, в которые не рискуют заходить ни военные, ни опытные сотрудники МЧС. Сейчас у нас воцарилось шаткое равновесие. Хрупкий порядок, в котором власть принадлежит людям-победителям. Практически все оборотни уехали на второй континент. Оставшиеся живут в огороженных резервациях, и не имеют права выходить на улицу, если на их шее не закреплен ошейник-ограничитель, препятствующий превращению. Это сделано для того, чтобы предотвратить нападения львов на людей. Волшба запрещена законом. Парламент утвердил «Декларацию воинствующего атеизма», направленную на искоренение магических школ, храмовых учреждений и любых религиозных культов. За хожен, оберег или тарачок можно получить до пяти лет тюрьмы. Эти законы принимались постепенно. Жасмина и ее родители уехали, когда появился проект закона о создании резерваций. Я не уехал.

«Почему?»

— По двум причинам. Люди довольно быстро поняли, что запрещение колдовства оставило их беззащитными перед последствиями Исхода Свечана. Из руин лезет всякая дрянь — недобитые порождения артефакта и бродячая шваль с Кромки, почуявшая легкую добычу. Камень с поврежденными, но не снятыми наговорами, ведет себя непредсказуемо, становится хищным, если на него попала капля крови. Когда стало ясно, что человеческими силами и техникой это не победить, львов, работавших на МЧС и еще не уехавших на второй континент, пригласили на государственную службу. Ликвидаторами, официально принятыми в штат отрядов быстрого реагирования на магические инциденты. Плохо было то, что для нас не сделали исключения. Волшба по-прежнему запрещена, и мы должны решать проблемы тайком, чтобы этого никто не видел. Все согласившиеся живут или в резервациях, или в домах, контролирующихся системой государственного видеонаблюдения. Все носят ошейники-ограничители. Никаких послаблений. Мы ничем не лучше прочих — второй сорт, да еще и рискующий получить тюремный срок за применение заклинаний. Если донесет начальство или кто-то из товарищей. Жасмина сразу отказалась оставаться. Я заколебался. Кто-то же должен исправлять последствия, понимаешь?

«Понимаю», — тихо отозвался человек.

— Скорее всего, я бы уехал. Слишком много ограничений. Маруша не трогают, пока он маленький, а что будет через пару лет, когда он подрастет и станет крупнее... не знаю. Плохо то, что на Втором континенте свои проблемы. Когда мы подали документы на выезд, мать попросила меня приехать для разговора. Она поддерживала связь с уехавшими подругами, перезванивалась, когда выпадала такая возможность. Известия неутешительны. Львы дичают. Людей на Втором континенте практически не осталось. Консервируются электростанции, перестают работать вышки связи, закрываются производства, магазины. Школы — не говоря уже об отделениях университетов. Это неудивительно. История знает много примеров одичания оборотней. Только мирное сосуществование с людьми побуждает нас развивать лучшие свойства двуногой половины. Если львы, волки, медведи или иные оборотни замыкаются среди себе подобных, звериная половина быстро берет верх. В летописях других миров полно таких примеров. Самый известный — драконы. Оборотень-лев может одичать за пару лет. Зверь сильнее, потому что он проще. Ему не нужны ни автомобили, ни микроволновки, ни сотовые телефоны. Саванна, охота, добыча, спаривание с супругой — это все, что нужно для счастья. Я не хочу такой судьбы ни себе, ни сыну. Я не хочу жить там, где магия не запрещена, но никому не нужна. Не хочу, чтобы мой ребенок рос неграмотным. И, в то же время, боюсь, что, оставаясь здесь, влипну в неприятности. Или не влипну, но лет через десять Маруш обвинит меня в том, что я обрек его на существование второсортного существа в ошейнике. Боюсь, что путь на Второй континент закроется — самолеты уже не летают, аэропорт закрыт. Пока еще океан бороздят пассажирские корабли. А если их отменят? Страшно уезжать, страшно оставаться. Я не знаю, что делать.

Димитос проговорил это вслух. Вспомнил о хожене, спрятанном на заднем дворе, представил его во всех подробностях: от вытертых шерстяных узелков на проволочном кольце до облупившегося лака на болтающихся деревянных башмачках. «Иди, куда охота, от Яршника до Летнего Солнцеворота».

Он потряс головой, отгоняя искушение. Сам бы решился, пробудил дремлющее заклинание, вышел на Кромку, проверил, открыт ли путь в другой мир. Решился. Если бы не Маруш.

Часть 3. Дмитрий. Глава 1. Экскурсия

Выходные удались на славу. Дима настроился, Маугли выгулял — тот по лесу набегался так, что лапы заплетались — и заказ взял. Возможность еще раз прожить минуты счастья стоила неприятностей с законом. В понедельник все сотрудницы школы и многие родительницы отметили: «Вы, Дмитрий Генрихович, прекрасно выглядите». Хорошее настроение продержалось до обеда, даже сообщение о том, что школа заминирована, его не испортило. Эвакуация? Ну и замечательно. Внеплановый обеденный перерыв с чашкой кофе. Пусть полицаи побегают, коридоры и парты обнюхают. Если что-то найдут — тогда наступит время напрягаться.

Накрыло в кафе, словно кто-то душу на кулак намотал и крепко дернул. Сразу вспомнился Дым. Неужели он каких-то глупостей наделал? Дима позвал и получил ответ. Длинный ответ, тягостный, прояснивший многое. Видимо, Дым там у себя хорошо сосредоточился, потому что Дима не только слышал хриловатый усталый голос, а временами еще картинки видел, да такие скверные — фильм ужасов отдыхает. Развеялись всякие сомнения — не врет, что гривастый и хвостатый, это не сказки. Дима чувствовал страх и ярость льва, добравшегося домой, к львенку и львице, после активации артефакта. Зверь бежал в отдаленный район из центра, прыгая через заборы, проползая под поваленными деревьями, пересекая железнодорожный виадук. Промелькнувшие воспоминания убедили: человек так двигаться не может. Дима будто сам на лапах пробежался, от удивления дух захватило.

Он провалился в чужие воспоминания, разделил боль безысходности и долго не мог вернуться в реальную жизнь. Проходившая мимо тетя Сара потрясла его за плечо, чтобы сообщить, что полицейские сняли оцепление и пора возвращаться в школу, а Дима оцепенел, почти не отреагировал. Напугал заботливую еврейскую бабушку — еле ворочал языком. В итоге кое-как отоврался, что придремал и нехороший сон увидел, получил настоятельную рекомендацию сходить к психологу: «У тебя, Димочка, наверняка ПСТР». Дмитрий Генрихович подумал, что все беды современного человечества проистекают оттого, что люди ходят к психологам, ищут внутренних детей, пьют таблетки и малюют картинки цветными карандашами, вместо того чтобы взять винтовку и пострелять по мишеням. Но тете Саре, конечно же, соврал, что сходит к психологу в ближайшее время.

Жизнь Дыма он обдумывал до вечера. Кое-что по-прежнему было непонятно, и, как подозревал Дмитрий Генрихович, некоторые детали всегда будут скрыты сумраком для чужака. Он тоже не смог бы объяснить Дыму, почему ему в бундесвере служить было бы западно, даже если бы звали, хотя он приехал из страны-победительницы фашизма. Не из тех, кто проиграл. А мужу тети Сары, латышскому еврею, служить в бундесвере было нормально, до пенсии дослужил. И при этом День Победы каждый год праздновал, красный флаг вывешивал, и регулярно летал к родственникам в Израиль, где ходил на парад. От таких выкрутасов у Дмитрия Генриховича мысли в голове в морской узел завязывались, он и для себя не мог это по полочкам разложить, не то, что для кого-то другого.

Вечером навалилась тоска. Дым молчал и Дима уже хотел зарулить в пивную, чтобы как следует напиться, но вспомнил, что в прошлый раз, после перебора нормы, чуть не подрался с поляками, а драться ему сейчас было нельзя — взял заказ. Он прогулялся, заглянул к паре приятелей, купил три астраханские воблы — икраные, по цене как будто золотом

нашигованные — набрал в супермаркете пива и пошел домой. Покормить кролика колбасой, посолонцевать, поплеывая чешуей.

На первом глотке пива его осенило. Он крепко зажмурился, мысленно заорал:

«Дым! Слушай! Мы же как-то встретились в детстве? Может быть, мне и Кабамбайбатыр поехать, отыскать тот дом? Я место приблизительно помню. Попробуем воссоздать ситуацию. Я могу из окна прыгнуть, например. Вдруг у тебя получится ко мне пройти? Не сказать, чтобы это прямая дорога к счастью, но я тогда Вовку с Лёхой напрогу, добудем тебе и мелкому какие-нибудь фальшивые документы. Уедем туда, где к документам никто внимательно не присматривается. Я поработаю на заказах. А потом придумаем, как тебя легализовать».

«Нет, — отозвался Дым. — Спасибо, Дима. Но это не поможет. Дело не в физическом присутствии в определенной точке. Теоретически, на Кромку можно выйти откуда угодно. Это как в метро спуститься в незнакомом городе, если наткнулся на вход. Спуститься можно, а дальше что? Если проводить аналогию — как добраться до места назначения, если у тебя нет схемы движения поездов, и ты не знаешь, как называется станция, на которой тебя ждут? Когда-то мы спустились на одну и ту же станцию. Я до сих пор не знаю, почему. Это могла быть случайность без какой-либо подоплеки. Это могла быть чья-то волшебная — выставленная приманка. Один старый волх — это колдуны, которые сражаются бок о бок с оборотнями и чтят Чура и Свечана — сказал, что видит у меня на запястье кровавую нить. Что это метка бога-пограничника, и меня призовут в ряды Стражей. Возможно, тебе или мне — или обоим — было суждено служить в отрядах Чура, но о нас забыли. Я не знаю. Но знаю, что нашу встречу невозможно повторить, даже если ты выпрыгнешь в окно в Кабамбайбатыре, а я опять упаду с дерева в парке неподалеку от дома».

«Та плетеная штука. Хожень, — зацепив мелькнувшую картинку, проговорил Дима. — Она как пропуск в метро? Ты о ней все время думаешь».

«Что-то в этом роде. Если бы я был один...»

Почему Дым не потащит ребенка в неизвестность, Дима прекрасно понимал. Тут за кролика чувствуешь ответственность...

— А ну, положи!

Дмитрий Генрихович обнаружил, что Маугли стащил голову от сушеной воблы и увлеченно хрустел солеными костями, перемалывая их в муку.

— Подавишься!

Попытка отобрать рыбью голову с треском провалилась — Маугли укусил Диму за палец и унес недоеденный огрызок под кресло.

— Свиныя ушастая! — пробормотал Дима, зализывая палец. — Предупреждаю: встанет поперек горла — потом не жалуйся.

Он хотел расспросить Дыма о богах. Выяснить, кто такой Чур и кто такая Заржина — имя застряло в памяти, отзывалось взмахом платка и вкусом спелых яблок. Но пиво навевало дремоту, Дым занимался хозяйственными делами и разговор пришлось отложить на потом.

Три дня Дмитрий Генрихович маялся, фонтанировал идеями, пытаясь придумать, как вытащить Дыма из мира, напоминающего концлагерь для львов, и переселить в благополучную Германию. Дым предложенные варианты отвергал, подкрепляя отказ аргументами, и это вызывало злость — не на Дыма. На несправедливость судьбы и невозможность действовать.

Тетя Сара почуяла неладное, и, пытаясь исправить непонятную ситуацию, испекла

«Наполеон». Торт Дима съел безо всяких угрызений совести, вспомнил, что хотел осмотреться на местности перед стрельбой, и попросился в отпуск на неделю — самому с архитектурными достопримечательностями ознакомиться и кролику показать. А заодно с девушками пофлиртовать. Вдруг что-нибудь выгорит? Тетя Сара повздыхала, всучила ему почитать какую-то книжку — «мне она всегда в трудные минуты настроение поднимает» — и отпустила, посоветовав не делать глупостей.

Какие глупости, когда заказ и Дыма перетащить невозможно?

Перед поездкой Дима ознакомился с ценами на парковку возле дворца и решил ехать электричкой, не тратясь на бензин. В дороге скоротал время, листая книжку — Дым не отзывался, с утра сказал, что у него дежурство, и замолк. Книжка была не очень смешная, хотя Сара Абрамовна обещала, что обхохочешься. На строчках: «Ифрит — разновидность джинна. Как правило, ифриты — это хорошо сохранившиеся дубли арабских военачальников», вспомнилось, что в мире Дыма так называют сгустки живого огня, выбирающегося из развалин заговоренных особняков. Дима уже собрался книжку закрыть, но потом сделал над собой усилие и пролистал страницы до конца — поддержать беседу, если тетя Сара захочет с ним обсудить прочитанное. Чтобы честно ответить, что из всей книги ему понравился только Кристоаль Хозевич Хунта, державший в кабинете чучело шпандартенфюрера СС в полной парадной форме. Наверное, потому что Дима тоже любил успевать раньше. Пусть не всегда и не во всем, но в снайперских дуэлях — в обязательном порядке.

Парк вокруг королевского дворца был огромным, наштигованным прудами и газонами, изобилующим лебедями и статуями. Красиво, чистенько, автобусы с туристами подъезжали, разгружались и загружались — день экскурсий. Народ толпами бродил, кто-то просто глазел, кто-то фотографировал. Дмитрий Генрихович, выйдя из автобуса, сунул Маугли за пазуху, купил мороженое и влился в общий поток. Его интересовала огороженная часть парка, закрытая для посещений. Бармалеи обещали ему лежку на крыше отеля, возвышавшегося над деревьями. Работал там сговорчивый человек, готовый Диму через черный ход провести под видом электрика, а потом помочь уйти через подземную автостоянку. Это, конечно, было хорошо, но на парк и с ровного места глянуть полезно. На всякий случай.

Маугли возился под курткой, царапался, иногда откусывал мороженое. Дмитрий Генрихович этому не препятствовал — раз тянет кроля на сладкое, значит, организму надо после рыбьих голов.

«Ты что-то хотел спросить?» — голос Дыма в голове перекрыл речь экскурсовода.

«Про ифритов, — обрадовался интересной теме Дмитрий Генрихович. — А у вас есть арабы и их военачальники?»

«Нет. Если это не срочно, давай потом. Я все еще на дежурстве».

Дима пожалел — «эх, мало я его расспрашивал!» — а потом вспомнил, как боялся психушки, и махнул рукой. Подумал, что если бы его еще ифритами и пантеоном богов нагрузили, крыша бы точно поехала. Тогда, в школьные годы. А после — на армейке и уже в Германии — в разговорах нет-нет да проскальзывал холодок. То один другого шпионом считал, то в чужие сложности вникать было неохота.

Маугли исхитрился и отобрал у него недоеденный хвостик вафельного рожка. Несколько капель растаявшего мороженого оставили на куртке молочную роспись. Дмитрий Генрихович, демонстративно вздыхая, спустил Маугли на газон, достал платок и начал

оттирать ветровку, внимательно присматриваясь к зарешеченной части сада. Туристы фотографировали Маугли, наверняка и самого Диму, но это не особо беспокоило — поездку от полиции все равно не скроешь, а если прицепятся, лучше иметь свидетельства добропорядочного поведения. Гулял. Кролику дворец показывал, мороженое съел. М-м-м... с девушками знакомился.

Дима подхватил Маугли и подмигнул симпатичной дамочке — если согласится выпить кофе, можно будет погулять вокруг бармалеевского отеля и наметить пешие пути отхода. Машину-то на стоянку должны подогнать, но береженого бог бережет.

Глава 2. Выстрел

Дмитрий Генрихович облазил сад и окрестности, долго рассматривал фасад отеля, раздумывая, можно ли будет ускользнуть, если его заблокируют на крыше, и нашел половинчатое решение. Блоки мульти-сплит-системы крепились к глухой стене, с тыла. Торчали как прыщ на лбу — и от земли высоко, и от крыши низко. К верхнему блоку с крыши спускалась сварная железная лестница — уголки да перекладины. По идее, такая конструкция должна была Диму выдержать, если только крепления не вывалятся, не оторвется от стены. А тогда с верхнего блока можно перебраться на нижний, зацепиться за стойку-подставку, и попробовать спрыгнуть. Дорожка вдоль здания, вроде бы, не сильно захламленная, место найдется.

От созерцания мульти-сплит-системы Дмитрия Генриховича отвлекла энергичная фройляйн, заинтересовавшаяся Маугли. Это случилось весьма кстати — следующим пунктом плана был осмотр отеля изнутри. Дима охотно поддержал беседу, одарил фройляйн десятком комплиментов, и через час и чашку кофе повел в снятый на сутки номер, извлекая пользу из европейской толерантности — персонал даже глазом не моргнул, принимая постояльца с кроликом и бабой. Трудно было представить, как бы на такую компанию отреагировали на исторической родине. Воображение отказывало.

Отдых в отеле убил двух зайцев сразу: Дима хорошенько расслабился — и фройляйн ублажил, обиженной не оставил — и внутренние помещения отеля среди ночи осмотрел, облазил служебные лестницы от подвала до двери на крышу, запомнил, где и как открываются окна. Маугли особого недовольства не выказал — заточил гамбургер и выспался на балконе.

На следующий день, распрощавшись с фройляйн, и топя на вокзал, Дима сообщил кролику:

— Но на дело я тебя не возьму. Посидишь дома.

Маугли его слова выслушал и громко фыркнул. Как будто спросил: «Как это — не возьмешь? А куда ты денешься?».

Так оно и вышло — в назначенный день кроль дождался, пока Дима обуеться, и закатил истерику. С визгом — орал будь здоров, кто бы мог подумать, что кролик может так громко орать — царпаньем обоев, переворачиванием мисок с едой и водой.

— Ах ты, жопа! — с чувством сказал Дима, когда Маугли влез к нему за пазуху и затих. — Как я стрелять буду?

Маугли снова фыркнул. В этом звуке крылся вопрос: «А как ты со мной на тренировке стрелял?». Дмитрий Генрихович скупно выругался, махнул рукой и побежал в гараж — на этот раз он ехал на своей машине, которую собирался оставить на окраине, а до отеля дойти пешком. Время поджимало.

Поначалу казалось, что все способствует благополучному выполнению заказа. Погода была прохладной, с секущим ветром, и это позволило натянуть вязаную шапку на лоб и уши, а нижнюю часть лица замотать шарфом — какая-никакая, а маскировка. Маугли сидел тихо, не брыкался, обещанная боковая дверь открылась вовремя, возле отеля топтаться не пришлось. Пожилой бармалей с седой бородой ткнул пальцем в припаркованный возле забора автомобиль, отдал ключи, провел Диму по служебной лестнице, достал другие ключи, отпер дверь на крышу, кивком указал на чемоданчик с «Винторезом», стоявший

возле парапета. Дима так же молча кивнул, дождался, пока бармалей спустится на пару пролетов — дверь осталась незапертой и приоткрытой — посмотрел на часы и начал собирать винтовку.

Он вытряхнул Маугли из-за пазухи, вытянулся на крыше с «Винторезом» и посмотрел на дворцовый парк, бабку и собаку в прицел. Плохая погода старушку не напугала. Чапала по аллее с внуком, солидным таким дядей, который за короля в дни болезни рулил — Дима прессу полистал, с распределением ролей познакомился. Собачонка топтала травку, за бабкой с внуком, держась в отдалении, шел телохранитель. Дмитрий Генрихович помедлил, разглядывая псину — старая уже, с проплешинами и куцым бантом — решил, что бабку кондратий может хватить, если жучку на глазах шлепнут, и плавно сместил прицел. Головка газонного разбрызгивателя улетела прочь, высвобождая чахлый фонтанчик воды. Телохранитель заметался, а Дима начал споро разбирать и укладывать винтовку в чемоданчик. Хватит с бармалеев такого предупреждения. Деньги за работу он решил не брать — пусть подавятся.

«Что случилось?»

Голос Дыма прозвучал так громко, как будто оборотень стоял рядом. Дима едва не пропустил тревожный звук — дверь на служебную лестницу захлопнулась. И не сама по себе, потому что ключ повернулся в замке.

«Что случилось?»

— Не мешай! Потом! — прорычал Дима, которому было не до мысленных разговоров.

Снизу, с улицы, доносился звук приближающихся сирен. Две полицейские машины. Автомобиль, на котором он должен был уехать, тронулся с места, пересек улицу и скрылся в переулке. А хоть бы и не уехал — дверь на лестницу не выбьешь, крепкая.

Он полез по лесенке к блокам сплит-системы, запихнув Маугли за пазуху и не выпуская чемоданчика с «Винторезом» из рук. Перебросил из правой в левую, зацепился за раму, высматривая свободное место — рискнуть, прыгнуть — и взвыл от боли. Маугли выбрался из-под куртки и вгрызся ему в запястье, заставив разжать пальцы.

Падение вышло не таким, как представлялось. Дима пролетел полметра и плюхнулся задницей на что-то мягкое — словно услужливые спасатели успели матрас подстелить. Он сел, осмотрелся, пощупал пружинящее белое облако, повернулся на визг. Маугли метался по дорожке, уходившей к верхушкам парковых деревьев, звал: «Иди быстрее!». Дима понял, что ему подвернулся шанс скрыться с места преступления, встал на ноги и осторожно зашагал вслед за кроликом, опасаясь провалиться сквозь загадочную, неизвестно откуда взявшуюся дорожку.

Он довольно быстро добрался до деревьев, и обнаружил, что это не деревья, а пожухшая трава, цепляющаяся за каменистый грунт. Парка, статуй и лебедей не было. Как и бабки с собачкой. Стену отеля, лесенку и блоки скрыл туман, и Дима пошел в единственно доступную сторону — вслед за Маугли. Свернуть влево или вправо он не мог — теперь облачная дорога парила над темной пропастью, оживляемой редкими стайками светлячков.

— Ванькой тебя надо было назвать. По фамилии Сусанин, — пробурчал он кролику, пытаясь прогнать подступающий страх — даже мурашки по спине побежали.

Маугли ненадолго остановился, посмотрел на Диму блестящими черными глазами, дернул ухом и снова попрыгал вперед. Чуть-чуть полегчало, когда клочья облачной ваты перестали пружинить, и в прорехах появился надежный камень. Дима шумно выдохнул, в очередной раз перебросил чемоданчик с «Винторезом» из руки в руку — врожденная

швабская рачительность не позволила ему расстаться с такой замечательной винтовкой — и спросил у кролика:

— Слышь, Маугли! А куда мы идем? Ты хоть намекни.

Конечно же, ответа он не получил — да и не сильно рассчитывал. Камень под ногами сменился гравием, заскрежетал под подошвами. По бокам начал вырисовываться скверный пейзаж — то ли недостроенные, то ли разрушающиеся высотные здания, огромные лестницы, начинающиеся на пустом месте, и уходящие в низкое небо. Кроль запрыгал резвее, разбрасывая мелкие камушки, забирая вправо, на пустырь перед очередным недостроенным, разгороженный вертикальными бетонными плитами. Заросший сорняками клочок земли пересекали трамвайные рельсы. Выныривали из-под плиты, размалеванной граффити, и под такую же плиту ныряли. Дмитрий Генрихович мотнул головой — «сложно тут с транспортом» — и вошел в проем подъезда без двери. Вслед за Маугли.

Часть почтовых ящиков на лестничной площадке скрипели распахнутыми дверками, в некоторых лежали рекламные проспекты на незнакомом языке, а один кто-то поджег — металлическая ячейка была закопчена, сквозняк ворошил лохмотья пепла. Дима одолел еще один пролет, отметив, что перила куда-то исчезли, и вышел на этаж без квартир и перегородок. Пространство заполнял гул голосов, доносились отрывистые выкрики, кто-то с кем-то спорил — с готовностью перейти от слов к драке.

Маугли притормозил, позволяя Диме осмотреться и понять, что они вышли на рынок-барахолку. Товары лежали на полу, на ящиках и грубо сколоченных прилавках. Чем только тут ни торговали... и от товара, и от вида продавцов глаза разбегались. Ушаны, напоминавшие зеленомордых гоблинов из «Властелина Колец», расхваливали грубо выкованные клинки, томные девы в белых одеждах призывно потряхивали пузырьками с цветочным маслом, давившимся на глазах у покупателей в маленьких прессах. Желтолицые деды в тубетейках продавали автоматы Калашникова вперемешку с безголовыми куклами, хохломскими солонками, граммофонами и швейными машинками. Следующий шаг приводил к охапкам сушеных трав, потрепанным книгам и россыпям исцарапанных парафиновых овощей, лежавших на пожелтевших газетах. Большая часть букв была незнакомой, но в самом дальнем уголке, под грушами, нашлась «Правда» за сентябрь одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года.

Дмитрий Генрихович обошел три ряда и замер возле раритета, который не ожидал увидеть своими глазами, да еще в таком странном месте. Снайперская «Мосинка». Винтовка из серии, которую начали выпускать еще до Великой Отечественной войны, оружие Победы в Советско-финской. Сохранившиеся экземпляры, особенно именные, которыми награждали советских снайперов, ценились коллекционерами на вес золота. Дима присел на корточки, понимая, что его перестали волновать актуальные вопросы «как я сюда попал?» и «получится ли вернуться домой?». Он тронул лежавший рядом с винтовкой укороченный оптический прицел с кронштейном Кочетова, разгладил мятую наклейку «Новосибирский приборостроительный завод» и полез во внутренний карман за бумажником.

«А вдруг прокатит?» — подумал он, выгребая наличность.

Не прокатило. Радужные деньги продавца в тубетейке не заинтересовали. Как и «Винторез», который Дима предложил на обмен.

— Что хочешь? — поинтересовался он, не надеясь услышать ответ — урюк не понимал ни русского, ни немецкого, а жесты не помогали.

Маугли, присевший рядом, шевелил ушами, как будто тоже желал услышать ответ.

Проблема разрешилась довольно быстро. Урюк покричал торговцам в соседнем ряду, и дозвался толмача — такого же урюка в тибетейке, только бородатого.

— Это редкая вещь, — с сильным акцентом сообщил бородач. — Ценность. Он хочет за нее что-нибудь редкое. И ценное. Деньги не надо. Твой ствол — ширпотреб.

Дмитрий Генрихович почти не обиделся. Уточнил:

— Ценное — живое? Или золото-бриллианты?

— Редкое, — напомнил бородач. — Принеси, а он посмотрит.

Запрос напоминал «принеси то, не знаю, что», но снайперскую «мосинку» хотелось так сильно, что Дима встал на ноги и начал обдумывать варианты. Он дошел до конца ряда, чуть не наступив на покрытые трещинами стеклянные елочные игрушки — судя по виду, дореволюционных времен — зацепился взглядом за очередной прилавок и снова замер. Хожени. Дорожники. Плетеные штучки, помогавшие выйти на Кромку. Целая охапка — старенькие, потертые, с развязанными узлами, рваными шнурками и дырами в аккуратном рисунке, с кистями, перепачканными смолой, рассыпающимися низками бусин.

Дима спохватился: «Я же Дыму ничего не рассказал, а с ним надо посоветоваться в первую очередь!». Сосредоточился, позвал. И наткнулся на глухую стену молчания.

«Отгородился? Обиделся? Что за глупости? Взрослый мужик, должен понимать, что не всегда есть время для разговоров».

После десятка безуспешных попыток дозваться, Дима подхватил Маугли на руки — двое зеленомордых шарахнулись, как будто это не кролик, а что-то плохое — и пошел к выходу с барахолки. Возвращаться к трамвайным путям и гравийной дорожке вдоль недостроев не имело смысла — там не было ничего ценного. Дима осмотрелся и свернул на тропку около забора, расписанного граффити. Минут через пятнадцать он вышел на развилку. Дорожка влево вела к одноэтажному деревянному зданию с вывесками «Буфет», повторявшимися на разных языках, и закрывавшими чуть ли не половину фасада. Дорожка вправо уводила в заброшенный парк, похожий на тот, в котором Дима испортил газонный разбрызгиватель.

— Пойдем, посидим на лавочке? — предложил он Маугли. — Нужно крепко подумать. Домой возвращаться не прижимает, меня там вся европейская полиция ищет, плюс в запасе еще два дня отпуска и выходные. Можно пока тут осмотреться, поискать что-нибудь ценное. Мосинка! Клеймо видел? Звезда со стрелой, Тульский оружейный завод. Руки чешутся, опробовать охота. Дома такую хрен найдешь, а если найдешь, цену выкатят — честно не заработаешь. Пол-Европы перестрелять придется. А это не вариант.

Кролик пошевелил ушами, одобряя желание посидеть в парке. Дмитрий Генрихович продрался сквозь заросли хмеля, оплетавшие мраморную балюстраду и вазы, отыскал более-менее крепкую лавочку, уселся, продолжая говорить:

— До Дыма бы еще докричаться. Не может быть, чтобы он обиделся. Наверное, своих неприятностей подвезли. Спросить у него хочу, надо ли покупать эти хожени. Вдруг они как-то пригодятся, помогут его вытащить?

Одностороннюю беседу прервал шорох перекатывающихся камешков. Кучка мусора возле балюстрады зашевелилась, из-под земли, протискиваясь между мраморными осколками и сухими плетями хмеля, пророс тонкий стебелек. Дима смотрел на диковину с отвисшей челюстью — ветка, вторая, третья... Блестящие ярко-зеленые листья, мгновенно пожелтевшие до самоварного золота и осыпавшиеся на землю. И снова листья, теперь уже вперемешку с цветочными почками.

— Нравится? — спросил чей-то голос. — Подойди поближе. Потрогай. Дерево не

ЯДОВИТОЄ.

Глава 3. Покупка и буфет

Дмитрий Генрихович посмотрел на здоровенного говорящего кота, на разросшийся куст, покрывшийся скверно пахнущими белыми цветами, и позволил Маугли спрыгнуть на землю — кроль так пнул его в живот, что дыхание перехватило. Цветы пожухли, съежились. Ветерок унес вонь тухлой рыбы, плодовые коробочки раскрылись, являя загадочные плоды — небольшие стеклянные пузырьки с пробками и цепочками-стебельками. Пузырьки были поменьше, чем тара для цветочного масла, рябили разноцветьем плоских чешуек, сухих бутонов и ягод, спрятанных за стеклом.

— Бери! — щедро предложил котяра. — Бери тот, который нравится.

Маугли зарычал — низко, грозно. Дима, который прежде такого звука от кролика не слышал, прикоснулся к вздыбившейся шерсти на спине — «тихо, не сорви гешефт» — кашлянул и уточнил:

— Слышь! А это редкость?

— Конечно! — мяукнул котяра. — Редкость редкая, у кого хочешь спроси. Дерево несбывшихся желаний. Открой пузырек и узнаешь, что тебе досталось. Может быть, тебя поцелует прекрасная принцесса, а может быть, тебе под ноги свалится мешок алмазов.

— Ага, то есть, не просто редкость. Ценная редкость. Так?

— Очень, очень ценная! — котяра выскользнул из-за балюстрады, завертелся вокруг деревца, стараясь не приближаться к Маугли. — Сорви пузырек, открой!

— А два можно?

— Ты сначала один откупорь. Потом договорим.

Кот оскалился, демонстрируя острые пожелтевшие зубы, царапнул когтями по мрамору, оставляя внушительные следы.

— Неохота мне ничего откупоривать, — сообщил Дима, встал и подошел к кусту, оставив «Винторез» на лавке. — Других забот навалом.

Он натянул рукав куртки на ладонь, наклонился, ухватил ценную редкость за основание, поднатужился и выдернул с корнем, обломав пяток мелких веток. Пузырьки попадали в кучу мусора, разбиваясь и оставляя быстро улетающую вонь и звуки — гарь, кровь, крики, стоны и проклятия. Котяра взвыл, прыгнул на Диму, но встретиться с ботинком не успел. Маугли вцепился ему в морду, подтянулся, лягнул задними лапами, расплосовывая грудь и брюхо. Кроль и кот покатались по траве, разбежались, обменялись угрожающим воем. Дима отступил к «Винторезу», держа в руке теряющее пузырьки дерево и подыскивая подходящий камень. Вязываться в драку не понадобилось: кот спасовал, вывалил ворох ругательств и сообщил:

— Ты не открыл — тот, кто у тебя возьмет, откроет. Наговор все равно его к кладу притянет. Поработаешь за меня, человек.

После этих слов котяра отступил к лестнице и растворился в сгустившемся тумане. Очередной пузырек упал с ветки и разбился. Маугли полоснул когтями, разгоняя облачко горького дыма, вызывая чей-то далекий стон.

— Спасибо, друг! — поблагодарил Дмитрий Генрихович. — Айда на базар, попробуем поменяться. Или просто загоним, чтобы были деньжата в буфете пожрать. Ну и на всякое... по мелочи.

Кроль кивнул. Дима спохватился:

— А что он там мяукал про клад? Может, надо было попробовать клад отжать? А я на дерево польстился.

Кроль отрицательно замотал головой.

— Ладно, — согласился Дима. — Обойдемся без клада.

Они вошли в подъезд, роняя пузырьки. Поднялись на второй этаж, прошествовали к «мосинке», сопровождаемые гулом удивленных голосов. Торговцы толкали друг друга локтями, указывали на Маугли, на куст, подсовывали и расхваливали свой товар. Дмитрий Генрихович посмотрел на заблестевшие глаза урюка и твердо сказал:

— Еще патроны. Б-30, с бронебойной пулей, и обычные. Бронебойно-зажигательные не надо. Хотя, если коробку добавишь, не обижусь.

Пока урюк бегал по рынку, отыскивая патроны, Дима осторожно отломил две тонкие веточки с пузырьками, стараясь не касаться стеклянной тары, и стал обладателем новехонького армейского рюкзака, аптечки и всей охапки хоженей, выложенных на прилавок. Тетка их в газету завернула, с поклоном Диме подала, ухватила ветку и слиняла, рассыпаясь в благодарностях. Да и урюк не подкачал, расстарался, притащил и патроны, и сумку-чехол для переноски винтовки, целехонькую, крепкую, с клеймом тысяча девятьсот сорок второго года — как из машины времени вынул — добавил чехол для ПУ и набор принадлежностей для чистки. Мелькнула мысль — «а не продешевил ли я?» — но Дима быстро ее отогнал. Как пришло, так и ушло. Главное, что винтовку никто перехватить не успел. Куст, в общем-то, Маугли у кота отбил, сам он только дернул. А раз Маугли против обмена не возражает, значит, так тому и быть.

Он продолжал попытки дозваться Дыма, но мысленные вопли как будто в вату падали.

«Может быть, тут что-то работает как глушилка. Надо отойти. Можно на лестницу какую-нибудь вскарабкаться, если подходящая площадка найдется — разбить временный лагерь, винтовку пристрелять. Но сначала в буфет сходим. Я толком не позавтракал, жрать уже охота. Да и кроль некормленный, вчера вечером три сосиски заточил, а утром колбасу разбросал по всей кухне, не прикоснувшись».

В последний момент аж сердце заныло, стало жалко, что ни одного пузырька себе не оставил. Вот тот, с крохотной алой гвоздичкой, издающий мелодичный перезвон... что-то знакомое было в этих колокольчиках — то ли рождественская песенка с новой родины, то ли звук кремлевских курантов.

Накатило — «открой, и окажешься там». В детстве. В беззаботном детстве, которого у Димы не было: открой пробку, сделай шаг, встань в хоровод, который закружит вокруг новогодней елки с алой звездой-верхушкой. Он почувствовал запах хвои и шоколада, потянул руку, укрепился в желании сорвать пузырек — к еловым радостям добавился пронзительный аромат мандаринов.

Маугли снова вгрызся ему в запястье — посильнее, чем когда с лестницы скидывал. Зарычал так, что Дима на два шага от дерева отступил. И наваждение рассеялось, оставив щемящее чувство в груди. Дима откашлялся, посмотрел на окровавленное запястье и буркнул:

— Спасибо.

Кроль дернул ухом и посмотрел на него сочувственно, как будто утешить хотел, да не знал как.

— Пойдем, — навьючиваясь поклажей, позвал Дима. — Сначала в скверик на лавку, я руку перебинтую, а потом в буфет. Посмотрим на ассортимент, понюхаем. Может быть,

выберем что-нибудь. А если несъедобным кормят, поищем какое-нибудь кафе или кабак.

До знакомой лавочки не дошли, и не потому, что Дмитрий Генрихович был нагружен двумя винтовками и рюкзаком — своя ноша не тянула. Стоило сделать шаг от подъезда, как дорожка подозрительно зашевелилась: асфальт потрескался, сдвинулся с места, как будто на лед был уложен, а недосторой за спиной тряхнуло — спасибо, что никакие кирпичи и арматура на голову не прилетели. На барахолке раздались крики — то ли ужаса, то ли недовольства — из буфета дружно заорали в ответ. Диме пришлось подхватить Маугли с дорожки и сунуть за пазуху, потому что их чуть не затоптали. Урюки, гоблины и пресветлые эльфы бежали во все стороны, лезли заборы из бетонных плит, падали, отступали и скрывались в подвальных помещениях зданий, прячась от людей в форме.

Дмитрий Генрихович прижался к стене, посмотрел на пятнистые куртки, современную броню и разнообразное вооружение — от арбалетов до короткоствольных автоматов — и решил не рыпаться. Кроме вояк к зданию подошли два крепких бородатых мужика в бурых балахонах с капюшонами, напоминавшие священников, только вместо крестов обвешанные фенечками, и несколько не менее крепких псов — как бы ни волки. Барахолку взяли в кольцо. Прорываться было себе дороже, а это значило, что надо договариваться или косить под заблудившегося дурачка. В зависимости от строгости допроса.

Вояки Диму не тронули — скользнули взглядами по Маугли и винтовкам, побежали вверх по лестнице. Из-под бетонного забора над трамвайными рельсами выглянул знакомый котяра, зашипел — похоже, радовался тому, что у них с Маугли неприятности.

«Дым! — без особой надежды позвал Дима. — Дым! Ты меня слышишь? Я тут, кажется опять влип...»

Желание поговорить исчезло, когда он увидел, как прямо на трамвайных путях появилась выщербленная каменная лестница. Словно с неба скинули рулон обоев или ковровую дорожку, а рулон, размотавшись и коснувшись асфальта и металла, обрел объем, оброс массивным парапетом и тяжеленными ступенями. Мелкие камушки прыгали-цокали, спускаясь с высоты, предупреждая: «С дороги! Уступи дорогу! Чур! Чур-чур-чур идет!». И снова заныло в груди, но не от обиды, что пузырька не досталось, а от нехорошего предчувствия. Как будто запамятовал о давнем долге, а теперь столкнулся с кредитором лоб в лоб, и неизбежность разговоров о забывчивости тягостнее отдачи и накопившихся процентов.

Дима опустил голову, ткнулся носом в услужливо подставленную мордочку Маугли, едва не чихнул от прикосновения к мягкой шерстке, и перевел взгляд на лестницу — чему быть, того не миновать. Перевел, рассмотрел и признал — дед не прост. Под невзрачной оберткой — потертая буро-зеленая пятнистая куртка, поизношенней, чем у бойцов, галифе, заправленные в сапоги — скрывалась сила и право повелевать. Коротко подстриженные волосы приперчила седина, выбеленные виски контрастировали с загорелой кожей, оттеняли цепко смотрящие темные глаза. От деда пахло табачным дымом, костром и оружейной смазкой, овчинный воротник куртки был подпален в нескольких местах, словно хозяин прошел сквозь пламя, не ведая преград. Именно таким Диме представлялся идеальный командир. Генерал, деливший вынужденные тяготы с подчиненными, отдающий приказы, подкрепленные личным опытом и знанием, обходившийся без парадной формы с погонами.

Дед сначала посмотрел на него равнодушно. Ступив на асфальт, кивнул подбежавшему бойцу, выслушал негромкий доклад. Из подъезда вывели парочку — урюка в тубетейке и

эльфийскую красавицу. Урюк помалкивал, эльфийка материлась. Дима опознал русские, немецкие и два бармалеевских ругательства, а о смысле остальных слов интуитивно догадался. Парочку увели по лестнице, а дед, направившийся в подъезд, задержался взглядом на Маугли, который неожиданно и восторженно замурылкал, остановился и потер запястье, словно спохватился и проверил — а при часах ли я?

Дмитрий Генрихович опустил чемоданчик с «Винторезом» на асфальт, расправил плечи — сидевший за пазухой Маугли мешал встать по стойке «смирно» — и выпалил:

— Здравь-желаю!

Дед кивнул, и после долгой паузы проговорил:

— Точно! Львенок еще с тобой был. Я тогда подумал, что он первый меня найдет.

Золтан! Проводи парня в буфет. Скажи, чтобы чай мне сделали. Я дела закончу и подойду.

Маугли спрыгнул на землю и побежал вслед за дедом, мурлыча и пытаясь держаться возле его ноги, как выдрессированная собака. Волки фыркали, мужики в балахонах посмеивались, а котяра выглядывал из-под забора, одаряя кроля волнами зависти.

«Предатель ушастый, — подумал Дима, обмениваясь приветствиями с Золтаном и подхватывая «Винторез». — Надо же! Мурлыкать он умеет! А на меня только рычал и визжал».

В буфете было пусто и, на удивление, чисто. Дородная матрона в кудряшках и накрахмаленном белом халате, встретила их приветливой улыбкой.

— Командиру чай сделай, — распорядился Золтан. — Парня накорми, если захочет.

Буфетчица кивнула, спросила:

— Твоим людям корзинку на перекус собрать? Котлетки свежие, пальчики оближешь. Могу пюре упаковать, капустного салата добавить. Ежели кто захочет — редьку быстренько настрогаю.

— Редьку не надо, — отказался Золтан, направляясь к выходу. — За корзинкой кого-нибудь пришлю.

Буфетчица хлопотала, расспросила Диму о пожеланиях — он, на всякий случай, выбрал тот же набор, который одобрил Золтан. Помогла перевязать искусанное запястье и задала странный вопрос:

— Это ты с терзаем пришел? Ему тоже котлеток отложить? Или курочку вареную погрызет? Могу раками угостить, только что кастрюлю к пиву наварила, с укропом настаиваются. Он раков любит?

Дмитрий Генрихович отделался неопределенным жестом, мучительно думая: «Что значит — "с терзаем"? Надо ли говорить, что дамочка его с кем-то перепутала? Или, на всякий случай, лучше помалкивать?». Кое-что начало проясняться после того, как он получил поднос с тарелками. Попытался расплатиться, положить деньги возле допотопного кассового аппарата, но буфетчица замахала руками:

— Перестань! Стражники всегда щедро платят, я внакладе не останусь. А если вдруг и не заплатят, от посетителей года три отбоя не будет. Много кто захочет послушать, как Чур у меня чай пил и чем я терзая кормила.

— А чур это?.. — Дима решил зацепиться за первую часть фразы, а потом и до второй добраться.

Буфетчица, быстро укладывая контейнеры с едой в огромную корзину, посмотрела на него с удивлением, округлила ярко-алые на помаженные губы:

— Ты, касатик, совсем пришлый, что ли? Первый раз сюда вышел? Чур — бог-

пограничник, сын Ярого и Живы. Его воины следят, чтобы нечисть праздничными днями не пользовалась, не шастала по мирам, истребляя легкую добычу. Контрабандистов прищучивают — вот, как сегодня. Вышки на зыбучих тропах ставят, возвращают домой тех, кто по неосторожности на Кромку попал. Входы в запечатанные миры охраняют. Раньше отводили в Чертоги Хлады детей, пострадавших от волшбы, переправляли в лучшие миры, позволяя прожить жизнь заново. Сейчас не отводят — путь в Чертоги закрыт. Сильно это и миры, и Кромку изменило, ох, сильно...

Дима открыл рот, чтобы задать несколько уточняющих вопросов, но, пока проглатывал кусок котлеты, в буфет вошли воины Чура, и болтовня прекратилась — как ножом отрезали. После того как корзину вынесли на улицу, буфетчица забрала у Димы пустые тарелки, поставила на стол два стакана в потемневших подстаканниках, вазочку с кусковым сахаром и стеклянный чайник. В темной жидкости колыхались мелкие цветы, лениво шевелившиеся лепестками, на дне набухали сушеные ягоды, впитывавшие влагу и тепло. Дима вдохнул смешанный цветочно-ягодный аромат и прикрыл глаза — пахло умиротворяюще. Терпко, свежо. Вкусно.

Дверь в очередной раз открылась. Маугли покрутился вокруг стула, вспрыгнул Диме на колени, проверил стол и посмотрел с недоумением: «Эй! А где еда?»

— Варенье или мед? — спросила буфетчица у Чура. — Ежевичное вчера получила, еще не выставляла. Если хотите, банку открою, розеточку принесу.

— Не надо, — отказался тот, опускаясь на стул. — Сахара хватит.

Прежде чем взяться за чайник, он поддернул рукав куртки, вытащил из-под манжеты потертую шерстяную нитку красного цвета, обхватывающую запястье, проговорил:

— Только сейчас понял. Львенок-то был из того мира, в котором колоннаду ярмарки танками разрушили, а потом Свечана прогневили. Может, потому и не пришел, что от чужой волшбы упокоился.

— Дым? — осторожно поинтересовался Дима. — Лев? Он жив. Ну, утром был жив. Мы парой слов перекинулись.

— Что значит — парой слов? — нахмурился Чур. — Где вы с ним увиделись? Здесь? Чем он промышляет, почему к стражникам ни разу не подошел?

— Мы не видимся, — объяснил Дима, прикладывая палец к виску. — Он у меня тут звучит, в голове. Я не знаю, почему, но мы с детства друг друга слышим. И разговариваем.

— Однако... — морщинка между бровей стала еще глубже. — Неужели это я так напортачил?

Бог-пограничник налил чай в стаканы, один подтолкнул к Диме. Велел:

— Хлебни. С сахаром вприкуску. После того как отхлебнешь — возмись за нить. Проверим мою догадку.

Глава 4. Развязанная нить

Глоток чая обжег язык, чуть слезы не вышиб, и Дима, не притронувшись к сахару, потянулся пальцами к нити. Коснулся и чуть не оглох от вопля, заполнившего зал буфета:

— Где ты? Что случилось?

Дым орал, и Дима машинально ответил на повышенных тонах:

— Не знаю! Упал, куда-то дошел... винтовку купил! Мосинку!

— Тише... — поморщился Чур. — Не в лесу.

Дым понизил голос, насторожено спросил:

— Ты не один? Рядом второй голос. Кто это?

— Хозяин черепашки, — буркнул Чур. — Слышишь меня, львенок?

— Да, хранитель границ.

— Ваши судьбы сшила Стёжка-Дорожка. Это имя тебе что-нибудь говорит?

— Крайне мало, — Дым заговорил твердо, как ученик, не стесняющийся признаться в том, что не ознакомился с дополнительными материалами. — Я читал, что она распоролла все швы на свадебном платье Живы, помогая ей уйти от Ярого. Ярый до последнего дня верил, что брачные узы не позволят жене покинуть его Чертог. А они лопнули, потому что Стёжка поработала ножницами. За это — за вмешательство в судьбы богов первого круга — Ярый науськал на нее своих охотничьих псов. Покалеченная Стёжка-Дорожка окривела и обезумела, и с тех пор ни люди, ни боги, не могут предугадать своего пути. Потому что стежок ее иглы или надрез лезвиями ножниц сталкивает на кривую дорожку.

Дмитрий Генрихович ничего не понимал, но старался запомнить имена и действия. Впрочем, картина вырисовывалась и без дополнительных объяснений — бабы сговорились, кинули мужика.

— Есть и другая версия, — усмехнулся Чур. — По слухам, треснувшие узы моего отца только порадовали. Вернулась прежняя вольная жизнь без увещаний, битвы сменялись пирами, пиры — битвами. В дни Дикой Охоты отец гонял коней по небу бок о бок с моей мачехой, Дивной. И, однажды, сядя в седло, заметил нити, привязывавшие стремя к стремени. Скандал сопровождался громом и молниями, Дивна клялась, что никогда не помышляла об ограничении его свободы... Злые языки уверяют, что псов натравила именно она, выставив Стёжке счет за топорную работу. А мой отец не стал их отзывать, проучив зарвавшуюся швалью чужими руками.

«И все равно бабы сговорились, — подумал Дима. — Хоть так, хоть этак».

— Это не меняет сути проблемы, — продолжил Чур. — Стёжка-Дорожка действительно окривела. Поначалу и обезумела — в этом не было сомнений, от нее пахло сумасшествием, я помню. Но с тех пор случилось много охот и разрушилось много лестниц. Она могла обрести ясность ума. Возможно, швалья сейчас меняет чужие судьбы ради какой-то цели — прикрываясь давним помешательством. Я не знаю, зачем она выманила вас на Кромку, не могу понять, кто ведущий, кто — ведомый. Решил, что она опасалась тебя, львенок. Власть над камнем дается немногим. Думал, первым увижу тебя — не предполагал, что в вашем мире разрушат ярмарочную колоннаду. А на Кромку вышел человек. Человек с терзаем, спокойно добравшийся до Зыбуна, не растерявшийся, распродавший на барахолке пузырьки несбывшихся желаний, ловко уведенные из-под носа у кладовика. Как будто годами готовился к блистательному выходу. Или везуч до крайности. В любом случае, его

трудно назвать прицепом. И еще...

Дима как-то незаметно доел весь сахар — только последним куском с Маугли поделился. И погладил кроля по мягкой яркой шерстке, уверяясь в подозрении, что скверным словом «терзай» называют именно его. Неужели за любовь к рыбьим головам?

— Ты меня слышишь?

— Да, — подтвердил Дым.

— Я попытался изменить волшебство Стёжки. Перевязал нить, уберегая вас от случайных выходов на Кромку, блужданий по мирам, к которым могла подтолкнуть навязанная цель. В день вашего совершеннолетия нить должна была превратиться в путеводный клубок, привести вас на любую заставу, чтобы вы выслушали предысторию, сделали выбор: служить в моем отряде или вернуться домой. Вмешаться без последствий не получилось. Я думал, что связь будет аукаться дальним эхом — ощущением чужого присутствия, обрывками далеких разговоров. Как жизнь в одной комнате, разделенной тонкой перегородкой. Вначале — громче. С годами — тише. Я понадеялся на гибкость детской психики. Привыкнете, потом, когда шепот будет звучать как отголоски сна — забудете... а вы начали переговариваться. И общаетесь до сих пор. Это странно.

— Иногда бывает плохо слышно, — влез Дима. — Было, что долго не разговаривали. А потом снова.

— Заметно, что оба чесать языками горазды, — покачал головой Чур. — Вернемся к текущему моменту. Ты пришел в Зыбун. Зыбучий отнорок.

Взгляд заставил вжаться в спинку стула. Вывернулись, вытряхнулись и перетряхнулись все прегрешения: от бомбы-вонючки, которую пятиклассник-Дима подсунул в почтовый ящик соседки, до бармалейского заказа и выстрела по газонному разбрызгивателю. Богпограничник покачал головой, продолжил:

— Когда-то отнорок был частью торгового мира. Сам видишь, кто-то что-то строить пытался, железнодорожные пути прокладывали. А потом мир и межмирье изрядно перетряхнуло, и из разломов поднялись зыбучие пески. Такое в последнее время сплошь и рядом случается. С тех пор, как путь в Чертоги Хлады закрылся — а это случилось год назад — всё наперекосяк пошло. Зыбучий песок межмирья — штука коварная. Он с одинаковой жадностью пожирает предметы и время, что-то переваривает, что-то выплевывает. Бывает, что и людей, и зверей прихватывает. Годы жизни не украдет, не состаришься. Но годы в родном мире пролетят как один миг. Когда вернешься — если вернешься — можешь обнаружить, что жена-красавица превратилась в старуху, дети выросли, поседели и уже собираются женить твоих внуков. Но, как я уже говорил, людей Зыбун утягивает редко. А вещи любит. Оружие часто прибирает с полей войны, там, где кровь уже остыла. Мародерская добыча оттуда же мелькает, а бывает, что и заброшенные деревни, и усадьбы песок заглатывает, если землю как следует трянуло. Обычно с двух-трех миров предметы перемещаются, из тех, что поближе. Здесь, за бетонной изгородью, песчаное озеро. Не каждый день, но что-нибудь на поверхность всплывает.

Дима вспомнил, что его удивила целехонькая сумка-чехол для переноски винтовки с клеймом тысяча девятьсот сорок второго года, осмыслил информацию, уточнил:

— Песок этот подарки из прошлого выплевывает? И они как новенькие?

— Да, — кивнул Чур. — Потому в таких Зыбунах барахолки и образуются. Лихие головы охотятся за добычей — крюками вытягивают, магнитами подцепляют, подбегают, хватают... иногда вместе с вещичкой проваливаются, подкармливают песок с этой стороны.

Здесь отираются старьевщики, изредка мелькают серьезные торговцы антиквариатом — они в Зыбун не лезут, скупают товар оптом. Можно отхватить раритет в идеальном состоянии, только сделанный, не требующий реставрации. Понял теперь, куда тебя терзай привел?

— Примерно понял, — ответил Дима. — А можно я вас спрошу? Почему вы его так называете? Маугли — кроль.

— Он не кроль, — усмехнулся бог-пограничник. — Неужели тебе ничего не показалось странным? Ни окрас, ни умение мурлыкать?

— Он раньше не мурлыкал, — твердо сказал Дмитрий Генрихович. — Пока вас не увидел, был нормальным. Ну, почти. Салами жрал как не в себя, но... на одной морковке-то не проживешь. Жрал и жрал. Мне не жалко.

— Дай ему раков, пусть похрустит, — велел Чур буфетчице. — А нам еще кипятку, чтобы заварку разбавить и варенье. Иди, ушастый. Иди, поешь.

Маугли спрыгнул с колен Димы, помчался к буфетчице, ухватил вареного рака за клешню, вытащил из миски, разгрыз с громким хрустом.

— Это магически созданное существо, — сообщил Чур. — Помесь пантеры и зайца. Колдун назвал свое творение «терзай», обыгрывая имена прародителей и предназначение. Не ради забавы это делалось, как ты понимаешь. В том мире кролики были самыми распространенными домашними животными. А черные считались талисманами, приносящими удачу. Особенно на кораблях. Техника там была не сильно-то развита, океаны пересекали на парусниках. И пиратствовали, и дорогие товары с другого континента привозили. Кто во что горазд.

Дима посмотрел на Маугли, хотел указать деду на явное несоответствие: кроль не черный, кроль яркой тигровой раскраски! А потом решил не спорить, а дослушать. Интересно.

— Первого терзая колдун использовал для устранения соперника. Подкинул черного малыша к дому, зная, что подберут. Примета в том мире была: кто мимо такого сироты пройдет — удачу потеряет. Пока терзайчик рос, ему сена, морковки да капусты хватало. А как в возраст вошел, получил команду «фас». Перегрыз сопернику горло и отправился в поле мышковать. Не хватало травы после того, как распробовал вкус крови. Колдун его поймал и перепродал — судовладельцу, желающему разорить конкурента. Терзай изрядно проредил экипаж парусника, прежде чем моряки догадались, кто матросов истребляет. Утопили убивца, еле-еле в порт вернулись. Пожаловались. Но им никто не поверил. Колдун успел десятка три терзаев продать — закрепил форму, они сами плодиться начали. С кроличьей скоростью и кошачьими воплями по весне. Правда выплыла после того, как энергичный терзай почти опустошил монастырь Заржины-на-Каштановом-Престоле, прогулявшись по кельям. Настоятель изловил преступника и вознес горячую молитву моей сестре по матери, умоляя наставить на путь истинный, и не позволить умерщвить невинное создание, ежели на кроля наведен какой-то морок. Надо сказать, что настоятелю крупно повезло. Молитву он вознес в середине осени, как раз, когда сестра со свитой обходила миры, задерживаясь на праздниках урожая и даря благословение амбарам. Просьба вызвала любопытство. Заржина заглянула в монастырь. Природа и предназначение терзая были выяснены практически сразу. А вопрос «что с ним делать?» едва не поставил в тупик. Заржину сопровождали ее дочери Живинка и Шмельница. Живинка, унаследовавшая добросердечие и дар бабушки Живы, категорически запретила истреблять терзаев — вина, мол, лежит не на них, а на колдуне-создателе. После горячих споров — «мы не можем позволить им маскироваться под

кроликов и убивать людей» — Живинка изменила внешность и предназначение кровожадных зверят. Колдун к тому времени уже умер, терзаи плодились сами по себе, и это затрудняло волшбу: проще всего было их как-то пометить и уничтожить, но Живинка не искала легких путей. Черный окрас сменила яркая тигровая шкура — дар Шмельницы, принявшей сторону сестры. Перевести терзаев на травоядный рацион у Живинки не получилось. Как были хищниками, так и остались. Но жажду человеческой крови утратили напрочь, в этом волшба не подкачала. Терзаи стали ближе к магическим котам: начали сами выбирать себе владельцев, заботиться о них, уводя на Кромку в случае опасности, снимать боль и лечить мелкие травмы, ложась на поврежденное место и мурлыча. Я часто видел их возле алтарей Тропника, где они искали себе хозяев-путешественников. Дома за ними тянется дурная слава, а на Кромке легко затеряться среди прочих диковин. У одного из моих волхов живет терзай. Бегаёт вместе с волками-оборотнями, они ему куропаatok ловят. Лопает с чавканьем, прямо с перьями. Забавная зверушка.

Дима посмотрел на Маугли, увлеченно разгрызающего панцири и клешни, кивнул, пытаясь уместить в голове очередное знание.

— Покопаться бы, понять, как он в твой мир попал... — Чур почесал пробивающуюся щетину. — Но времени нет. Другие дела поджимают.

— Его оставили возле школы. В клетке, — сказал Дима. — Не очень давно. Меньше месяца назад.

— С тех пор, как закрылся путь в Чертоги Хлады, на Кромке творится неразбериха, — объяснил Чур. — Хожени кривят путь, лестницы путают миры, странники плутают, пытаются найти дорогу к дому, вмешиваются в чужие судьбы, протаптывают лишние тропки. В Чертоги уходили те, в ком кипела нерастроченная волшба — за истинной смертью или новым предназначением. Кромка была единственной дорогой для тех, чья жизнь прерывалась колдовскими кознями или прожорливостью нежити. Сильные пополняли ряды моих стражей, позволяя уйти на отдых ветеранам, или примыкали к чьей-нибудь свите. Слабые погибали в пути. Избранные заново рождались рабами в других мирах, получая шанс подняться с самого дна, достигнуть величия и стать боженятами в последнем посмертии. А сейчас Кромка пропитана избыточным колдовством, которое остужалось морозом Чертогов. Старые заклятия не развеиваются, мелкие обиды превращаются в смертельные проклятия. И — самое главное — Свечан Лютый со свитой совершил круг по мирам, и снова вернулся в Замок-в-Горах. У Живинки больше нет замороженных ягод, дарующих вечную молодость, нет предмета для торга. Сейчас Свечан и свита дремлют в самом глубоком подвале, а Тальник и Живинка, старающиеся не шуметь, впервые не отпраздновали пробуждение березовых почек. Брежинки-Медвежинки, день своей первой встречи. Дело не в пиршествах, не в том, что молодежь может передрасться из-за дележки территории — это меня мало беспокоит. Как подерутся, так и помирятся. Боюсь, что нарушение привычного распорядка сотрет грань между временами года. Лето будет холодным и бесплодным, зима — теплой, слякотной и голодной. Вот такая напасть.

— Простите, — подал голос Дым. — Но как можно преградить путь в Чертоги? Если это горы, почему их не сдвинет Кряж? Если это чащоба, почему путь не проторит Древобор? Если...

— Дорога скрыта туманом, — отрывисто ответил Чур. — Первая преграда — зыбучий песок. Ни обойти, ни перепрыгнуть. Песок бурый от застарелой крови, выплевывает радиоактивные кости. Из скверного места перебрасывает, и ума не приложу, где оно

находится — на моей памяти такие могильники не запечатывали. Мы со Свечаном прошли по песку трижды — он зыбун замораживал, по бурым льдинам перебежали. В тумане руки не видно, ни фонари, ни светлячки не помогают. Шли по дороге. Один раз — асфальт. Второй — бетонные плиты. Третий — булыжная мостовая. А потом делаешь шаг и увязаешь в сырой земле, путаешься в корнях растений. Как будто Кромку разрезали, вторую половину перевернули и вверх тормашками приклеили. Или пришили — один раз я стяжки-канаты нащупал, прежде чем вбок соскользнул и в пропасть рухнул. А если вперед идешь, куда-нибудь, да выйдешь. На мою заставу. Или на ярмарку. Все та же Кромка, все те же миры. Кого ни спросишь — путь в Чертоги Хлады закрыт.

«Разрезали, перевернули, склеили...» — Дмитрий Генрихович подхватил на руки Маугли, снял у него с уха прилипший ус вареного рака, и блеснул познаниями по математике за шестой класс:

— Это лента Мебиуса.

— Это петля Тропника, — поправил его Чур. — Дополню для любопытного львенка: год назад Тропник посватался к дочери Кряжа, Бархане, отправился за свадебным подарком и пропал. Бархана, недовольная длительным отсутствием жениха, пустилась на поиски и тоже пропала. Мы утратили власть над тропами и песками. А если бы и не утратили...

Широко запахнулась дверь буфета. Золтан придержал ее, уважительно склоняясь:

— Он здесь. Прошу вас, госпожа.

Порог переступила зрелая красавица — Дима ее откуда-то знал, хотя не помнил, чтобы они встречались наяву. Может быть, во снах? Волосы цвета пшеницы, выбеленные ранней сединой, покрывал вышитый колосьями платок. Когда ткань соскользнула, укутывая плечи, Дым шепнул: «Я вижу. Вижу твоими глазами. Это Заржина, богиня плодородия. Платок в минуты нужды превращается в скатерть-самобранку». Шепот пробил заслонку в памяти, и Дима, вставший со стула и наклонивший голову, покраснел, мучительно стыдясь того, что в детстве прилепил к госпоже Заржине ярлык «заведующая». Какая, ёлкин сад, заведующая? От взгляда на подпояску-лозу дрожь пробирает — без объяснений видно, что движение руки может превратить ее в смертоносную плеть, карающую врагов. Непроста, ох, непроста сводная сестра Чура. Не только накормит голодного, но и накажет того, кто отбирает у нуждающегося последний кусок.

— Я почувствовала прикосновение к нити, — объяснила Заржина, усаживаясь на стул, подвинутый Чуром. — Не режь. Я развяжу. Смутные времена, тысячи искореженных судеб. Никогда не думала, что в мирах столько волшбы. Ты слышишь меня, львенок?

— Даже вижу, светозарная, — отозвался Дым.

— Я отводила тебя домой. Сейчас нить напомнила мне о забытом долге. Я видела тень, наплывающую на твой мир. Не смогла прочесть судьбы твоих родственников, решила вернуться позже. И забыла. Не думала о тебе долгие годы. Нужно это исправить. Я провожу человека в его мир, чтобы он не заблудился, а потом...

Маугли, которого Дима стряхнул с коленей на пол, сидел столбиком, смотрел на Заржину, почтительно шевеля ушами. Сам Дима стоял, не осмеливаясь опуститься на стул, и чувствовал, как его разрывает надвое от нахлынувших чувств. Заржина была сильна, чистота ее намерений не вызывало сомнений. Она искренне желала добра — и ему, и Дыму. Раздражало и обижало то, что она по-прежнему видела в них неразумных детей, которых надо водить за руку. «Львенок» из уст Чура звучало необходимо — так старший брат обращается к вымахавшему под две метра младшему: «Эй, мелкий!». Немного поддразнивая,

оставляя за собой право дать совет. Интонация Заржины была другой. И он, и Дым оставались для нее несмышленишками. Дима не хотел, чтобы его вели домой, внимательно следя, чтобы он не оступился. Нет.

— Нет, — озвучил его мысль Чур. — И тот сам дорогу найдет, и этот. Взрослые уже, у львенка под боком свой львенок спит. Нить развяжи, с этим я спорить не буду. Развязать лучше, чем резать. Клубок человек заберет.

— И что дальше?

Заржина взяла у буфетчицы чайник с кипятком, долила в заварник — цвет стал янтарным, а запах дурманно-медовым — коснулась подстаканников, заставляя засиять.

— А дальше посмотрим. Пусть делают, что собирались. Подстрахую, дам возможность выйти к заставам в случае опасности. На помощь позвать.

— Льву будет сложно уйти, — нахмурилась Заржина. — Он носит ограничитель. А если он не сможет проконтролировать смену формы и ошейник оторвет ему голову в межмирье, до того, как он доберется на твою заставу и попросит о помощи? Его ребенок останется один — неважно, на Кромке или в каком-то мире. Мы не имеем права ломать еще одну судьбу.

— Он мою черепашку подобрал. Она обо всем позаботится.

Заржина некоторое время обдумывала его слова. Хотела что-то сказать, но только махнула рукой и расстелила на столешнице край платка. К Диме подкатились три яблока — темно-вишневых, крупных, ловивших чайные блики глянцевой шкуркой. Чур поставил локоть на стол, пальцы Заржины коснулись шерстяной нити. Дым шепнул: «Если это сон, то я проснусь, и буду долго и горько выть». Дима осторожно подгреб яблоки к себе и ответил: «Вроде не сон. Все как-то странно и много вопросов... но это по-настоящему».

Короткие хвостики расплелись, нить повисла на запястье Чура, покачиваясь и роняя на столешницу капли крови. Бог-пограничник подхватил нитку другой рукой, намотал на указательный палец. Удивительно, но в итоге из маленького обрывка получился довольно-таки внушительный клубок. Размером с яблоко.

— Бери, — Чур протянул его Диме. — Кинешь на землю, он покатится. Остальное — как повезет.

Дима ощупал красную шерсть, убедился, что клубок не пачкает пальцы — никакой крови нет и в помине — и поблагодарил. И Чура, и поднявшуюся со стула Заржину. Кисти платка скользнули по столу, Золтан распахнул дверь, и богиня урожая покинула буфет, одарив их кивком на прощанье.

— Все-таки обиделась, — проговорил Чур, проводив ее взглядом. — На меня. Ни тебе, ни львяткам это не аукнется. А я переживу.

Дима сел, подтянул к себе чай, изменивший и цвет, и вкус. Отпил под завистливое шипение Дыма. Чур покопался в карманах, достал портсигар с рельефным гербом — трубы, знамена, оленья голова, переплетенные инициалы. Открыл, позволяя Диме посмотреть на содержимое. Крохотные пушистые перья, рыболовные крючки, бусины, обрывки цепочек, миниатюрный навесной замок размером с ноготь мизинца, огарок тонкой восковой свечи, пара камушков с дырками — «куриных божков» — скрепки, булавки и несколько мелких гвоздей. Один из «куриных божков» был прицеплен на булавку и вручен Диме.

— Возьми. Поможет тебе путь к заставе найти, если совсем заблудишься. На землю не кидай, просто иди, не особо задумываясь. Ноги сами выведут. А это...

Перышко, сияющее белизной, легло на ладонь.

— Проговоришь просьбу о помощи,пустишь по ветру, когда станет совсем туго. Я

услышу, приду, как только смогу. Но учти. Если побеспокоишь по мелочи, оно не долетит. Приберегай на крайний случай.

Дима поблагодарил, прицепил булавку на рубашку, а перышко уложил в маленький пластмассовый контейнер с плотной крышкой, поданный услужливой буфетчицей.

— Повидались и хорошо, — подытожил Чур, убирая портсигар в карман. — Ты погулять хотел? Осмотреться? Пристрелять винтовку?

Дмитрий Генрихович кивнул.

— Гуляй. А у меня дела.

Надо было проговорить очередную порцию слов благодарности — кашу маслом не испортишь — но любопытство подтолкнуло к вопросу:

— Извините... я не задержу. Только спрошу. А девы эти красивые — кто? Та, которую вы забрали — ух! У нее на плече татушка крутая, и сама она... ух!

— Это не татушка, — усмехнулся Чур, вставая и направляясь к выходу. — Храмовая пигментация, печать Тимаса, покровителя ядовитых растений. Девочки варят отраву, приворотное и отворотное, и сдвигают их на барахолках, потому что при храмах допускается торговать только очень ограниченным набором зелий. Конкретно эта варила яд для оборотней. Хвостатый тебе расскажет про кладбищенский волхоягодник, я уверен, он об этом в книгах читал.

— А такая!.. — Дмитрий Генрихович повел плечами, не забыв забрать со стола яблоки и сунуть в рюкзак.

— Не советую, — хмыкнул Чур. — Может быть, неделю побалуется — из любопытства — а потом отравит. Убрать свидетеля, прикрыть грешок.

За порогом Чура ждали его воины. И волки, обрадовавшиеся Маугли и начавшие трепать его за уши, и священники с фенечками, и бойцы с арбалетами и калашами. Дым вздохнул, сказал: «Я даже не знаю...». К чему это относится, Дима выяснить не успел. Чур хлопнул его по плечу, сказал: «Бывай!» и пошел к каменной лестнице, слушая негромкий доклад священника, рассматривая пузырьки, завернутые в тряпицу. Волки побежали вперед, поднялись по ступеням, тут же спустились и попрощались с Маугли коротким тьяканьем. Кроль сопровождал отряд до лестницы, посидел столбиком, шевеля ушами, вернулся к Диме и запрыгал — без слов было понятно, что хвалит себя: «Вот я какой молодец! Удачно тебя привел!»

— Умница, — похвалил Дмитрий Генрихович. — Выручил. И винтовка, главное — винтовка. Дым!

Он хотел посоветоваться — куда лучше пойти, чтобы пристреляться? И опять наткнулся на глухую стену. Ни звука. Ни шороха. Связь снова заглохла после ухода бога.

— Вот блин! — расстроено сказал Дима. — А я его про кладбищенские ягодки и татушки расспросить собирался. Почему так не прет?

Часть 4. Димитос. Глава 1. Хожень не в сезон

Его разбудил телефонный звонок.

— Уходи, — коротко посоветовал командир. — За тобой выехали. В части хозяйничает служба магической безопасности, просматривают видеозаписи, допрашивают свидетелей.

Раздались гудки отбоя, и Димитос не узнал, в чем его обвиняют.

«Какая разница? — резко усаживаясь, подумал он. — Маруш, надо отвезти Маруша к матери...»

Ошейник-ограничитель соскользнул с шеи, шлепнулся на прикрытые простыней колени. Димитос, не веря своим глазам, потрогал алую полосу кожи, начиненную датчиками давления, микросхемами и устройствами, которые должны были парализовать разрядом или оторвать ему голову в случае несанкционированного превращения. Единственный электронный ключ, отмыкавший и замыкавший ошейник в последний год, хранился в сейфе у командира, и каждое его применение фиксировалось видеозаписью в присутствии свидетелей. Трудно предположить, что в дом прокрались командир или представители службы магической безопасности, и сняли с него ошейник, что бы... Чтобы что?

Бедро царапнул твердый панцирь. Димитос посмотрел на черепашку и понял: «Не сон. Не померещилось вчера. Вот что значили слова Чура "она обо всем позаботится". Отомкнула. Как? А, неважно!..»

Он вскочил, заметался по дому, бросая в рюкзак всё, что попадалось под руку: вещи Маруша, запаянные в герметичную упаковку ломти мяса и колбасного хлеба, альбом с фотографиями и игрушку-грузовичок.

На ошейнике тревожным красным светом замигал один из индикаторов. Димитос отнес ограничитель на кухню, бросил на стол, вытащил из тайника хожень и начал будить Маруша, чувствуя, как утекают драгоценные минуты. Черепашка шустро подбежала к рюкзаку, забралась внутрь. Димитос одевался, повторяя: «Марысек, мы идем гулять! Вставай, не капризничай! Превращайся! Превращайся, ты пойдешь на лапах! Быстрее, мы не успеваем!» С улицы донесся приближающийся вой сирен. Димитос навьючил на спину рюкзак, подхватил львенка на руку, укладывая на плечо, заученным жестом намотал шнурок хоженя на пальцы, пробуждая камушки-башмачки на воощеных нитях.

Он вышел на задний двор, в крохотный палисадник, моля Тропника о милости — проложить путь не в сезон, не дожидаясь Ярышника. Дремлющее заклинание пробудилось. Бусины столкнулись с ракушками, под ногами появился первый клочок облачной дороги. Димитос сделал шаг, второй, прошел сквозь забор, балансируя на пружинистой тропке на Кромку. Вой сирен стал оглушительным, а потом стих, как по мановению волшебной палочки. За спиной раздался громкий хлопок. Димитос обернулся, увидел летящую антимооситную сетку, наполовину оторванную створку окна, разбросанную по палисаднику кухонную утварь. Картина подернулась дымкой и исчезла. Дорога под ногами уплотнилась. Под подошвами тяжелых ботинок захрустел гравий. Димитос шел по теснине между двумя огромными скалами. Высоко над головой виднелось сумрачное небо, впереди маячил выход. Камни следили за ним настороженно, и это подтолкнуло прошептать молитвы Кряжу и Свечану, поднимая хожень над головой. Притихший Маруш прижимался к его плечу, молчание скал становилось всё более раздраженным, впереди сорвалась первая осыпь-предупреждение. Получив толчок под лопатку, Димитос спохватился, снял рюкзак и

вытащил из него черепашку. Это уняло недовольство камня. Ему позволили дойти до выхода из ущелья, только на прощание спустили с вершины скалы увесистый валун, словно припечатали предупреждением: «Не смей возвращаться».

Камушки-бабашки застучали, вожденные нити заплелись в скрутку и замерли. Димитос стоял на Кромке, выглядевшей, как четырехполосное шоссе с новеньким асфальтом и свежей облачной разметкой. Мимо проехала колонна грузовиков — вынырнула из тумана и снова нырнула в туман.

— Куда идти? — пробормотал Димитос.

Черепашка, угнездившаяся за пазухой, безмятежно дремала. Хожень помалкивал, предлагая ему самому выбирать дорогу. Димитос посмотрел направо и налево, перебежал шоссе и спустился в кювет, за которым простиралось поле с жухлыми листьями.

— Кабачки, что ли? Точно, кабачки... А там, справа? Что это виднеется? Лестница? Похоже, лестница. Пойдем, посмотрим.

Он говорил, надеясь, что звук голоса успокоит Маруша — сын дрожал, шевелил ушами и принюхивался.

«Чувствует магию. Кромка ей пропитана. Он привык к обрывочным клочкам старой волшбы, а тут такая концентрация силы, что у меня волосы на руках дыбом встают».

По шоссе промчалась алая гоночная машина. Рев заставил поморщиться. Бабашки расплелись и снова заплелись. Димитос услышал голос человека-снайпера так ясно, как будто он стоял рядом, за спиной.

«Может, он сломанный? Или у него бензин закончился. Только что работал нормально, и встал, как вкопанный. Маугли! Скотина ушастая, хватит жрать! Подтолкни клубок. Подтолкни, кому сказал!»

«Дима! — сосредотачиваясь на голосе, мысленно позвал Димитос. — Дима, ты где? Дима, я на Кромке! Ты меня слышишь?»

«И это рваньё ни хрена не работает, макраме поношенное, хорошо хоть в довесок дали, а не покупал».

Димитос увидел разложенные на траве обрывки хоженей, сплетенных адептами разных магических школ, присмотрелся к свечению вокруг нитей и заорал:

«Не трогай! Дима, не трогай! Не надо!»

Человек-снайпер резко поднял голову, спросил:

«Дым, ты?»

«Я, я! Не прикасайся к хоженям!» — завопил Димитос и понял, что все его усилия докричаться бесполезны — слова уносил ветер и шум горного обвала.

Он направился к стоявшей среди поля каменной лестнице, надеясь, что черепашка остережет, если ступени ведут к опасности. Нога за что-то зацепилась. Димитос присмотрелся, и порадовался, что не спустил Маруша с рук — один из кабачков вцепился ему в ботинок острыми зубами, пытаясь прогрызть кожу и добраться до плоти.

— Ничего себе! — возмутился Димитос и запрыгал по кочкам, стараясь избежать соприкосновения с кровожадными плодами.

До лестницы он добрался без потерь. Отдышался на ступеньках, покрутил хожень — ни ответа, ни привета — и пошел вверх по лестнице, гадая, в какой мир она его выведет. И куда может переправить Диму мешанина из разномастных хоженей, приготовившаяся открыть какую-то дорогу.

Ступени закончились довольно быстро. Под ногами снова захрустел гравий. На обочине

виднелись следы шин грузовиков, отпечатавшиеся в засохшей глине. Линии электропередач тянулись от столба к столбу, свидетельствуя — они попали не в средневековье. Это было и хорошо, и плохо. Технология и магия редко уживались бок о бок, и вероятность выйти к алтарю Тропника или Свечана значительно уменьшалась. С другой стороны, Димитос, избалованный достижениями цивилизации, предпочел бы относительный комфорт, если им придется на какое-то время застрять в тупике. Свечи он предпочитал жечь перед алтарем, а не в кухне для освещения еды на тарелке.

Дорога вывела его к свалке, позволившей оценить уровень развития техники. Ламповый телевизор с разломанным деревянным корпусом и тяжелым выпуклым кинескопом, дисковый телефонный аппарат, разбитый фонарик с ручной динамо-машиной. Хлам валялся вокруг свежеокрашенного мусорного контейнера, что свидетельствовало — в поселении имеются коммунальные службы.

Димитос посмотрел на шиферные крыши одноэтажных домиков, проглядывающие среди зеленых деревьев, и присел на корточки, удерживая Маруша на плече. Мусоровозы раскатали гравий, обнажая основу дороги — заговоренную брусчатку.

«Здесь когда-то была Рассветная или Закатная ярмарка. Или большая застава Чура. Или какое-то магическое производство с вывозом товара на Кромку. Ключевое слово «была» — если бы дорогу продолжали использовать по назначению, никто бы не прятал заговоренный камень под мертвым крошечком».

Он двинулся вперед, лелея вспыхнувшую надежду, что хоженъ и Кромка привели их в город, из которого бежал его отец, лев-хранитель. Предатель.

«Если это так, то я выполню волю богов, исправлю его ошибки, вдохну жизнь в спящий камень, пробуждая его для работы на благо людей и волков».

Достигнув домов, Димитос спустился с дороги и пошел по тротуару, заглядывая через заборы, пытаясь выяснить, кто населяет эту большую деревню или маленький городок. Окраину мегаполиса он исключил — нигде не просматривались высотные здания, слишком вольготно разгуливали куры, перебрехивались мелкие собаки и истошно чирикали воробьи. Дважды во дворах мелькали фигуры, но понять, люди это или оборотни на ногах, было невозможно. Поселение лениво грелось под полуденным солнцем и не желало раскрывать свои загадки чужаку.

Димитос прислушивался, принюхивался, но не ощущал ни любопытства, ни настороженности. Ему не встретилось ни одного прохожего, лавочки возле калиток пустовали, и это вскоре начало действовать на нервы. Из-за невозможности понять: его не замечают или прячутся?

Через некоторое время дорога пошла влево, а тротуар и дворы уклонились вправо. Димитос, поколебавшись, вернулся к дороге — под гравием по-прежнему скрывалась заговоренная брусчатка — и потопал по обочине, вдоль густеющей лесополосы. С другой стороны дороги тянулась выжженная солнцем пустошь. Бурая трава, сухой хвощ, редкие скособоченные кустарники. Навалилась тишина, обострившая все чувства, заставляющая прижимать к себе придремавшего Маруша. Временами хватало звука собственных шагов, а временами придавливало так, что хотелось заорать во всё горло, отгоняя страх, и, заодно, пытаясь докричаться до Димы-снайпера.

— Не думаю, что это город твоего дедушки, — негромко заговорил он, обращаясь к сыну. — Да, по развитию технологии... хотя... Нет, по этому судить нельзя. Надо выяснить, была ли здесь ярмарка. Куда ведет дорога. И... и есть ли там кто-нибудь, кому можно задать

вопросы и получить ответы.

Строение, освещенное лучами закатывающегося солнца, появилось на горизонте, когда Димитос изрядно взмок, почти запыхался и проголодался. Деревья давно закончились, слой гравия на брусчатке истончился, камни золотились, гармонируя с выгоревшей травой и желтеющими кустами. Прищурившись, Димитос разглядел забор, увитый зеленью, фонарные столбы, проходную и покосившиеся ворота.

— Это не ярмарка, — сообщил он спящему Марушу. — Похоже на какой-то склад. Что это за знаки на воротах? Ну-ка, ну-ка... точно, свечи! Белые свечи и алое пламя.

Ожидания не оправдались. Склад пустовал уже много лет, если не десятилетий, задавать вопросы было некому. Димитос протиснулся в приоткрытую створку ворот, посмотрел на ржавеющий грузовик над ремонтной ямой, изучил поросшие травой асфальтовые дорожки, выбитые стекла в административном здании, и повел носом, разбирая на нити переплетение запахов.

Высохшая плесень, готовая ожить при осенних дождях, слабый медовый аромат воска, пропитавший заброшенные цеха, тонкая нотка пряностей из разрушенного склада и упоительно манящее благоухание спелого волхоягодника. Димитос двинулся вперед, следуя за запахом, но не забывая прислушиваться и оглядываться.

Ограда, заплетенная темно-зеленой лозой с гроздьями оранжевых ягод, нашлась за развалинами склада. Маруш проснулся, зевнул и потянулся к волхоягоднику, урча от предвкушения.

— Подожди, — торопливо срывая и пробуя горсть ягод, проговорил Димитос. — надо понять... да, настоящий. Обычный. Его ни с чем не спутаешь.

Сын запищал — от восторга. Он никогда не видел столько волхоягодника — в их родном мире кусты нещадно вырубали, не разбираясь в сортах. Уничтожили и «обычный» оранжевый, и желтый «настоящий» — дар Живинки, увивавший колоннады ярмарок и закрепляющий дорогу на Кромку. Вырубали, опасаясь перерождения, появления «дурманного», кроваво-красного, открывающего путь нечисти и сводящего оборотней с ума — в противоположность обычному.

Существовала минимальная вероятность, что ограда стоит на проклятом месте, но Димитос не чувствовал горечи или запаха гнили, поэтому усадил сына на наполовину обрушившийся столб и начал рвать самые спелые ягоды. Горсточку Марушу, жменю себе.

Сладкий сок тек по подбородку, руки прилипали к листьям. Димитос ел и не мог остановиться. Обычный волхоягодник даровал оборотням силы и спокойствие, утихомиривал звериную ярость, облегчал превращение и наделял выносливостью. Только сейчас стало ясно, как ему не хватало этих ягод. Никакая химия не могла сравниться с соком, умиротворяющим льва, и позволяющим сохранять рассудок и на ногах, и на лапах, не сражаясь за тело.

Стремление найти самые зрелые гроздья привело к тому, что Димитос прокопал дыру в зелени и выглянул за ограду. Ему открылся вид на знакомую выжженную пустошь. Но не необитаемую. Чтобы разглядеть животное, щипавшее сухую траву, Димитосу пришлось расширить щель и прищуриться.

Нет, зрение ему не изменило.

— Это не лошадь, — пробормотал он, рассматривая и запоминая скверные детали. — Это единорог.

Глава 2. Димитос. Кража единорога

Состояние редкого зверя было удручающим. Кто-то держал единорога на цепи, используя как восполняемый запас ингредиентов для магических зелий. Темные пятна шрамов на спине, возле хребта, почти спиленный рог, выщипанный хвост, веки, лишенные ресниц. Шею единорога пригибал к земле тяжелый железный ошейник с цепью. Цепь крепилась к небольшому столбу.

Димитос подавил желание выбежать в поле и освободить пленника. Теперь он пожалел, что прошел сквозь поселение, не выяснив, кто его обитатели. Обычному человеку посадить единорога на цепь не по силам. Значит, здесь живут колдуны. Хотя бы один колдун или колдунья, но достаточно сильный, чтобы замкнуть ошейник на единороге и препятствовать его побегу.

Он отошел на дорожку, очистил дряхлую скамейку от мусора и листьев, уложил Маруша, шепнув: «Поспи», пристроил рядом рюкзак и черепашку. Убедившись, что сын задремал, он притих к щели в зарослях. Как выяснилось, вовремя. По пастбищу, прихрамывая и негромко ругаясь, шла престарелая жрица Тимаса, покровителя ядовитых растений.

«Можно было сразу догадаться, кто возьмет такой грех на душу, — укорил себя Димитос, глядя на храмовую пигментацию, напоминавшую растительные татуировки. — Одиночка бы не справился. А если ошейник у храма выпросить, отравой или чем-то еще отработать, то выгода несомненная — вари по самым сложным рецептам, золото само в карман потечет».

Бабка разомкнула замок, намотала цепь на руку и потащила единорога в сторону домов. Тот всхрапнул и уперся. Димитос притих, опасаясь привлечь к себе внимание неловким движением. Бабка не должна была его учуять — варка зелий отбивала нюх. А вот зрение у нее могло остаться острым.

«Странно, почему меня единорог не унюхал и не разозлился. Они оборотней не любят. Мог, конечно, привыкнуть — если в поселении еще кто-то живет».

Борьба продолжалась около получаса. Единорог дважды сбивал престарелую жрицу с ног и тянул в сторону заброшенного склада, к Димитосу. То ли хотел предупредить об опасности, то ли пытался сбежать, призывая льва на подмогу. В итоге бабка снова защелкнула замок, прикрепляя цепь к кольшку — наверняка заговоренному — и поковыляла домой, цветисто ругаясь.

Сумерки, укрывшие пастбище за время борьбы, быстро превратились в густую ночь. Димитос долго прислушивался к звукам — лай собак, гомон домашней птицы, неразборчивые голоса — и рискнул выйти за ограду, когда поселение утихло. Единорог приветствовал его фырканьем — как будто ждал и укорял за задержку. Зрение оборотня позволяло рассмотреть оковы, цепь и замки, а тренировки в магической школе помогли понять, что кольшек отравлен и заговорен на отсохновение рук.

— Дай-ка, пощупаю, — попросил Димитос, прикасаясь к ошейнику.

Единорог переступил с ноги на ногу, разрешая ему осмотреть второй замок, скреплявший цепь и скобы.

— Лев, — больше себе, чем единорогу, сообщил Димитос. — Лев на рельефе, делал мастер-лев. Делал не для зла, жрица потом замок в зельях вываривала. Сейчас. Я попробую

вымыть его соком волхоягодника и дозваться к памяти металла. Это не камень, но лев льва всегда услышит. Подожди.

Единорог фыркнул с заметной укоризной — «куда я, мол, уйду?». Димитос добежал до склада, обнаружил, что Маруш уже проснулся и играет с черепашкой, строго-настрого велел ему не спускаться со скамейки, нашел в рюкзаке пустой пакет, сделал шаг к ограде и задумался. Склад с одной дорогой. Где-то рядом должен быть проход на Кромку — не шальная лестница, а стабильный путь для отправки товара со складов. Там мог остаться желтый волхоягодник, дар Живинки. Жрицы Тимаса ни за что бы не выпололи кустарник, дающий ценный сок.

«Если тут росла хоть одна лозинка, они ее всем городишком должны были холить и лелеять».

Он нырнул в лабиринт из складских помещений, цехов, дорожек и густого подлеска, упрямо подкапывавшегося под фундаменты строений. Вторые ворота — выезд на небольшую асфальтированную площадку — нашлись довольно быстро. Догадка оказалась верной — решетчатые створки, ржавую арку и символы Свечана обвивала лоза. Похожая и не похожая на обычный волхоягодник. Листья были крупнее и светлее, ягоды — маленькие желтые шарики — висели на стеблях редкими гроздьями.

Димитос еще раз прислушался — понимал, что жрицы вызовут подмогу и убьют его за воровство — и начал собирать ягоды в пакет, стараясь не уронить ни одну желтую драгоценность. Наполняя пакет, он перебирал в памяти все отмыкающие наговоры и прогонял страх перед работой с истинным волхоягодником. А ну как выкинет на Кромку без возврата? Что тогда будет с Марушем?

Но и оставить единорога на цепи Димитос не мог. Он сам долгое время прожил в ошейнике — да, подставил шею добровольно, чтобы исправить проступки собратьев-заклинателей — и лучше многих понимал, что такое чувствовать себя почти рабом. Бесправным существом, от которого время от времени бывает толк для хозяев.

Он вернулся на пастбище, вынул из пакета несколько ягод, раздавил в ладонях, омыл их соком, прежде чем прикоснуться к замку. Металл был пропитан наносным ядом и родным наговором, замочная скважина таилась в открытой львиной пасти. Собрат-рельеф пощекотал руку, сомневаясь: «друг или враг?». Димитос поспешно раздавил еще пяток ягод, капая соком в скважину и на дужку, и зашептал:

— Брат, прости! Жну, где не сеял, собираю, где не рассыпал. Ради правды и воли хочу единорогу облегчить долю. Пусть мои слова будут кинжалом, змеиным жалом, вскроют тайну, позовут хозяина. Помоги, отомкни, и вослед не прокляни.

Желтый сок смывал черные потеки, Димитос осторожно тер металл ягодами, бросая шкурки на выжженную траву. Руки пекло, подушечки пальцев быстро покрылись язвами, единорог дергался и хрипел — капли смеси попадали на кремовую шкуру. Рельефная львиная голова начала греться. Где-то далеко, в одном из миров, примыкающих к Кромке, нахмурился мастер замков, читавший толстую книгу. Тряхнул головой, всмотрелся в бревенчатую стену.

Димитос приободрился, забормотал чуть громче:

— Вот тебе хлеб, вот тебе соль, полноте зверя мучить, не свершай грех большой. Тебе и мне тут не быть, тебе и мне тут не жить, как в решете вода не держится, так пусть наговор отверзится. Отпусти нас из дома дверями, из дверей воротами, из ворот в чисто поле и на кромку.

Седой лев потер лоб, махнул рукой, словно отгонял назойливого просителя. «Не поверил», — подумал Димитос, но расстроиться и повторить попытку дозваться не успел. Наговор овеялся. От замка потянуло горелым, облачко дыма повисело над спиной единорога, приникло к земле, потянулось огромной черной кошкой со сверкающими зелеными глазами.

— На просушке посиди, в землю не уходи, свечой не гори! — приказал Димитос, крепко берясь за дужку.

Кошка настороженно мяукнула, замахнулась на него лапой с железными когтями. Он ждал нападения и успел ударить первым — наотмашь, ладонью, перепачканной соком и ядом. Соприкосновение было ощутимым, словно кисть в кипяток погрузили. Замыкающее заклинание взвыло и неохотно развеялось.

«Обманула, все-таки, поганка! — проворчал мастер замков. — А говорила — на ларь, в захоронку! Ишь!..»

Дужка со щелчком выскользнула из замка. Димитос отбросил цепь, еще раз вымыл руки соком и разогнул ошейник. Символ рабства упал на траву — тяжело и глухо. Единорог встряхнулся и пошел в сторону складских помещений, оглядываясь и призывая поторопиться.

Не было сомнений в том, что бабка прознает о краже — или цепь донесет, или колышек. Димитос переборол дурноту, навалившуюся после столкновения с заклинанием — и это спасибо, что мастер услышал и помог, а то бы летели сейчас клочки по закоулочкам. Он забрал пакет с оставшимися желтыми ягодами и поспешил к сыну и черепашке. Единорог успел первым — с любопытством и без злости обнюхал львенка и дар Чура, чихнул, подтолкнул спиленным рогом рюкзак — «бери, мол, пойдём!»

Пока Димитос прятал ягоды и черепашку и навьючивался рюкзаком, сын потянулся к морде единорога, потерялся, замурлыкал и запрыгнул ему на спину. Окрикнуть, забрать Маруша Димитос не успел — единорог пошел по дорожке в сторону ворот на Кромку. Он не брыкался, не пытался скинуть мелкого седока, и это радовало. Тревожила мысль — не унес бы куда-нибудь — но Димитос решил довериться судьбе, Свечану и Чуру.

О единорогах он знал мало — эти магические существа избегали колдунов и оборотней, чтобы не стать добычей или источником ингредиентов для зелий и амулетов. Обладали своеобразным разумом и чутьем на волшеббу, легко отыскивали пути между мирами, заглядывали в самые укромные отнорки и уходили, оставаясь в людской памяти ворохом легенд и наивных домыслов. Учителя в школе говорили, что истинной магией и умением проходить сквозь миры, минуя Кромку, обладают только зеркальные единороги, крайне редко встречающиеся существа, проживающие две жизни — земную и подводную. Зеркальники после первой смерти теряли рог, уходили в реку и становились вожаками табунов келпи. Спасенный спутник Димитоса был обычным серо-бежевым единорогом, от которого не нужно было ждать ни яркой благодарности, ни подвоха. Пройдет плечом к плечу, пока совпадают пути, а потом уйдет, кивнув на прощанье.

Они вышли на площадку за воротами. Единорог ударил копытом по асфальту, призывая ключья облачной дороги — Кромка тут же ответила и приоткрыла путь. Димитос пошел по уплотняющейся тропе, гадая, куда они попадут на этот раз, и удастся ли ему найти воду, чтобы хорошо вымыть руки. Единорог уверенно пересек вымощенную брусчаткой дорогу — судя по всему, по первой в цеха завозили материалы, а по этой вывозили готовый товар прямо на ярмарки и в храмы Свечана — повел мордой и двинулся по утоптанной тропинке,

теряющейся в густом молочном тумане. Димитос протянул руку, чтобы забрать Маруша — на всякий случай, спокойнее будет — и почувствовал жжение в груди. Он не сразу понял, что это нагрелся карман рубашки, в который он сунул хожень.

Стукнулись, заплелись и расплелись освобожденные от тканевого плена башмачки. В лицо дунул горячий и очень влажный ветер. Еще пара шагов и они пошли по тропке между огромными папоротниками. Огромными и цветущими.

— Манит папоротный цвет, угольками рдея, заберешь его себе, ежели сумеешь, — пробормотал Димитос, оглядываясь по сторонам. — Рви, сколько в рюкзак лезет. Значит, проблема в том, чтобы вынести. Или?..

Ответом стал шум и треск. К ним приближался кто-то огромный и быстрый. В то, что их хочет поприветствовать добродушный комитет по торжественной встрече, Димитос не поверил. Он не успел забрать Маруша со спины единорога — тот помчался куда-то вглубь папоротного леса, оставляя след из смятых кустов. Два шага вслед за единорогом, взгляд на появившуюся над листьями голову на длинной шее.

«О, боги! — подумал Димитос, бросая рюкзак, хожень и стремительно раздеваясь. — Ящер? Дракон? Нет, не дракон, дикая тварь какая-то...»

Голос человека-снайпера он услышал, когда превратился и встал на лапы.

«Дым? — спросил человек. — Дым, ты где? Слушай, я попал в парк Юрского периода и мне тут не нравится».

Глава 3. Димитос. Лестница Богов

Превращаясь — без боли в трансформирующихся костях и мышцах, спасибо волхоягоднику — двуногий и лев признались друг другу, что эту битву им не выиграть. Димитос не имел понятия, о каком таком парке говорил человек-снайпер, но гигантский ящер, жаждущий крови, ему тоже не понравился.

Вторжение в мысли и обращение сбили с толку, и Димитос, и лев потеряли драгоценные минуты. Проворная тварь этим воспользовалась и, стоптав папоротники, наклонилась, чтобы сомкнуть зубастую пасть на его туловище. Лев в последний момент ускользнул от хищных челюстей, помчался, куда глаза глядят, попытался вскарабкаться на увитое лианами дерево и снова услышал голос:

«Лев? Дым? Дым, это ты?»

«Я! — пробиваясь через рык разъяренного зверя, прокричал Димитос. — Я! На меня кто-то охотится!»

«Не мельтеши! — велел человек. — Сейчас».

Ящер уже обнаружил льва на дереве и помчался к нему, потряхивая когтистыми передними лапами — маленькими по сравнению с гигантскими задними, на которых он шустро передвигался. Хвост сметал папоротники, оставляя просеку в цветущем лесу. Лев соскользнул с дерева, метнулся в кусты и притормозил, услышав далекий выстрел. Особенно, когда увидел последствия — ни от чего другого голова ящера разлететься на куски не могла. Не бомба же у него в черепе была заложена.

«Ах, красавя! — проговорил Дима и обдал его волной знакомого счастья. — От свезло так свезло! Не винтовка — чудо. Никому не отдам, не продам. Ни за какие деньги. Дым! Прислушайся, тут другие тварюки есть? Мне, вроде, никого не видно. Только птеродактиль какой-то летает».

«Ты где?» — спросил Димитос.

«На вышке. Дед Чур мне куриного бога на булавке дал, я просил, чтобы он меня к заставе вывел. А он привел к заброшенной вышке».

«Ты выстрелил в ящера?»

«Да. Наконец-то опробовал новую винтовку».

«Спасибо. Ты нас спас».

«Свои люди, сочтемся».

Чувствовалось, что Дмитрий улыбается.

«Я сына поищу, — спохватился Димитос. — Маруша унес единорог».

Беготня среди папоротников была недолгой. Единорог вышел из зарослей, недоверчиво всхрапывая, косясь на труп ящера. Маруш сидел на его спине и трясся. Лев успокоил львенка ворчанием — «не бойся, опасность миновала» — и взял его зубами за холку, чтобы отнести к рюкзаку и черепашке Чура. Единорог поплелся за ними.

«Превращаться или не превращаться?» — задумался Димитос.

Лев не мог собрать и уложить в рюкзак разбросанные вещи. И толку особого от звериной формы не было — ящера не одолеть, льва раздражали звуки папоротного леса и незнакомы влажно-пряные запахи. А еще лев не мог сказать человеку-снайперу спасибо словами. Мысленной благодарности Димитосу казалось мало.

«Я сейчас подойду, — пообещал Дима. — Стой, где стоишь. Я направление засек... а

ну, кому сказал! Маугли! Вот стервец! Дым, я скоро приду, жди».

Димитос решил подождать на лапах — Маруш рядом со львом быстро успокоился, начал гоняться за бабочками, порхавшими среди папоротников. Единорог долго и придиричиво обнюхивал листья, выбрал куст с молодыми побегами и приступил к трапезе. Лев растянулся на вытоптанной ящером полянке, погрелся на солнышке и поднял голову, когда из чащи появился терзай — холеный, нагловатый, покровительственно относящийся к своему человеку. Дмитрий догнал терзая минут через десять. Лев встал, встретился с ним взглядом и взвыл от боли — показалось, что какой-то изощренный палач влил ему в голову ведерко расплавленного свинца. Зверь покатился по траве, меняя форму. Человек осел на землю, держа за виски, глотая мучительный стон.

Димитос пришел в себя в зарослях. Осторожно коснулся пальцами лба, ощупал затылок. В голове была пустота и звенящая тишина. Оказывается, Дима всегда занимал там место — даже когда он о нем не помнил, даже когда они годами не разговаривали. А сейчас — после встречи взглядами в реальности — мысленная связь исчезла навсегда. Невидимого собеседника не стало, и Димитос почувствовал себя обокраденным. Как же так?

— Ох, — простонали с поляны. — Ну, абзац... Дым, ты живой?

— Ага, — отозвался Димитос. — Вроде живой.

Некоторое время они общались междометиями, выражавшими крайнее недовольство ситуацией. Димитос дополз до вещей и кое-как оделся. Дима снял со спины винтовку, сел, обнимая колени, долго и задумчиво смотрел на единорога, на терзая и Маруша, обнюхавшихся и устроивших возню. Спросил не то, что ожидалось.

— Дым, ты мне как-то говорил, что ты мелкий. В смысле, лев. Ты серьезно говорил?

— Да, — кивнул Димитос. — Не то, чтобы совсем мелкий, но не крупный. И грива у меня не очень пышная, короткая.

— Ни дай Бог, — с чувством сказал Дима. — Такая туша волосатая... какие же у вас там тогда крупные?

Вопрос явно был риторическим, поэтому Димитос воспользовался случаем и поинтересовался, что такое парк Юрского периода.

— Динозавры же! — удивился Дима. — Ты что, кино не... ах, да. В общем, кино про динозавров. Я их сразу узнал. Тираннозавра застрелил. За тобой тираннозавр гнался. Если бы не мосинка...

Они сходили, посмотрели на труп — за время созерцания Димитос расспросил Дмитрия о динозаврах и поблагодарил словами — после чего дружно решили поискать дорогу в какое-нибудь более гостеприимное место. Единорог с ними согласился и даже опустил на колени, позволяя терзаю и Марушу влезть к нему на спину.

— Мы на бродячий цирк похожи, — сообщил Дима, поднимая с земли винтовку в чехле. — Ты чего? Букет рвать собрался?

— Хоть пару цветков, — ответил Димитос.

Увы, его постигла неудача. То ли из-за сезона, то ли по какой-то другой причине, сорванные цветки папоротника мгновенно увядали в ладонях, чернели и начинали очень дурно пахнуть. Пришлось отказаться от идеи обзавестись гербарием. Димитос вытер руки об штаны, спросил:

— У тебя те обрывки хоженей остались? Я попробую открыть дорогу. Не бродить же по лесу. Нарвемся на тираннозавра, мало не покажется.

Пока Дмитрий рылся в новеньком рюкзаке, Димитос его рассматривал, оценивал и

убеждался, что Чур, перевязавший нить судьбы, был прав и не прав. Он считал, что Стёжка-Дорожка почуяла какую-то опасность в его магических способностях, и навязала Диму как балласт. И думал, что Диме будет трудно служить в его отряде — не сможет привыкнуть к волшбе.

«Дима больше подходит на роль воина Чура, чем я. Выносливый, сильный — по меркам людей. Хладнокровный, умеющий убивать, но не утративший доброту — не станет делать это ради забавы или выполняя чью-то прихоть. А к волшбе привыкнет. Много лет с львом-оборотнем беседовал, не свихнулся, терзая подобрал. Значит, свыкнется и с волхами, и с келпи, и с русалками, и с древяницами, запомнит имена богов и боженят. Кто из нас балласт — вопрос. Пока он спас меня и сына. Что будет дальше — посмотрим».

Выдав ему охапку рваных хоженей, Дима потребовал объяснений, как они работают — вот и подтверждение. Не боится, а любопытствует. Димитос осторожно раскладывал дорожники на траве, скользил подушечками пальцев по нитям, рассказывал о рык-ко, о закреплении узелкового письма заклинаниями и чуть не утонул под ворохом вопросов.

— А ты так умеешь?

— Хожени — нет. А узелковое письмо знаю, конечно.

— Seriously, оборотни так пишут?

— И многие колдуны.

— А почему к этому башмаки, набитые камнями, привязаны?

— Чтобы далеко не уйти. Это был дорожник к определенной точке и обратно.

— А этот с ракушками!

— Для мореплавателей. Сокращали дорогу.

— Вот этот, с ягодками, странный.

— Это не ягоды. Это гроздья гнева. Это не хожень, а амулет бешенца.

— Кого?

— Помолчи! — взмолился Димитос. — Я не могу сосредоточиться. Надо выбрать.

Единорог, переступавший с ноги на ногу, наклонился, ткнулся мордой в хожень, сплетенный жрецом Ярого.

— Думаешь, этот?

Димитос положил плетенку на ладонь, взвесил, прислушиваясь к ощущениям. У хоженя была отломана часть кольца, некоторые слова узелкового письма уцелели.

— ...к лестнице Богов... на зов... всегда готов. Ага, это на воинский сбор. Или возложить дары в праздник. Неважно. Лестница Богов в парке Славы — то, что нам нужно. Оттуда должны быть дороги в обжитые миры, да и до воинов Чура будет проще докричаться. Хожень потрепанный, зато место, куда мы идем — намоленное. Думаю, доберемся без проблем.

— Тебе виднее, — пожал плечами Дима. — Ты когда-то говорил про метро. Сравнивал Кромку и метро. Теперь я понял. Я себя сейчас чувствую хуже, чем в берлинском метро. Подземные станции, наземные, надписи вроде знакомыми буквами, а хрен разберешься. Хорошо, что мы там недолго жили. Я везде пешком ходил.

— И тут пойдем пешком, — пообещал Димитос, разрешая терзаю обнюхать хожень. — Держитесь рядом со мной, не отходите дальше чем на полметра. Облако просесть может, провалитесь в бездну.

Вдалеке, в глубине папоротного леса, раздался рёв, шум и треск.

— По-моему, мы дождались еще одного тираннозавра, — сообщил Дима, поворачивая

голову и всматриваясь в заросли.

— Сейчас.

Димитос смочил пальцы слюной, скатал две растрепанные нити, соединяя слова «зов» и «лестница», и прошептал мольбу Тропнику, тормоша искалеченное заклинание. Первым на клочки облачной дороги ступил неугомонный единорог. Димитос ухватил его за пордевший хвост, Дима положил руку на спину терзая. Некоторое время они брели в туманной смеси облаков и папоротников, прислушиваясь к звукам и морщась от вони — прежний пряный аромат сменился стойким запахом помойки. Постепенно воздух стал суше, заросли и туман исчезли, и они обнаружили, что идут по пешеходному мосту над оживленным шоссе.

— Ух, ты! — восхитился Дима, глядя вниз. — Смотри. Скоростные полосы для легковушек, широкие — для грузовиков, а по краям что-то вроде пешеходных. Караван верблюдов, надо же. А с той стороны мужики на колесницах.

— Нам бы спуститься, — ответил Димитос, прищуриваясь и пытаясь понять, нет ли где-то рядом поста стражников. — Поговорить с воинами Чура. Спросить, где можно найти жильё. У меня мелкий. Он пока помалкивает, но скоро захочет есть, превратится, начнет капризничать. Я же тебе говорил: можно было попробовать уйти, все двери из мира не запечатать, все щели не заделать — это никому не под силу. Но я не один. Мне надо думать о Маруше.

— Понимаю. Выйдем куда-нибудь. Найдем гостиницу или поспрашиваем, где квартиру можно снять. У меня яблоки в рюкзаке. Три яблока, которые Заржина подарила. Можно малому яблоко дать, пусть перекусит.

— Прибережем пока.

За разговором они дошли до спуска. Единорог потоптался, осторожно шагнул на пандус, поковылял, ставя копыта то на пологий бетонный спуск, то на широкие ступеньки, то на ключья облаков, замельтешившие под ногами. Дима и Димитос отреагировали одновременно — забрали терзая и Маруша на руки, пошли по другой части лестницы.

Ступеньки, покрытые металлической сеткой-высечкой, казались бесконечными. Хожень грелся, шум шоссе пропадал, за спинами сгушался туман. Когда они достигли земли, единорог встряхнулся и уверенно побежал по дорожке, вымощенной тротуарными плитами. Когда он скрылся в зарослях, Димитос оглянулся на скрытое туманом шоссе, спросил:

— Может быть, прогуляемся вдоль дороги, попробуем поискать заставу?

Хожень нагрелся еще сильнее. Нити истлели, бусины и куриные божки упали и раскатились в стороны. Димитос выронил плетеный круг, услышал протестующее ржание единорога и согласился:

— Ладно, пойдем, куда вели.

— Как скажешь.

Дмитрий переложил из руки в руку компактный чемоданчик.

— А это что? — любопытствовал Димитос.

— Винтовка, с которой я из дома ушел. «Винторез». Мосинка лучше, но не бросать же оружие. Вдруг пригодится.

— Понятно.

Под разговор они углубились в заросли. Почти сразу стало ясно, что это не лес, а заброшенный парк — мощные дорожки, деревья, которым когда-то придавали форму, заросшие сорняками клумбы, пустующие постаменты для статуй. Им пришлось продираться сквозь заросли хмеля, оплетавшие деревья и фонари, перегораживающие проходы жгучими

гирляндами. Когда они, наконец-таки, добрались до широкой площади, Димитос взглянул на огромную мраморную лестницу, вгрызающуюся в гору, на гигантскую статую на вершине, и сообщил:

— Добрались точно по хоженю. Это и есть парк Славы. А это — лестница Богов. Удивительное запустение. Хотя, Чур же говорил, что кругом странности. Может быть, сюда тоже перекрыли дорогу, и мы добрались чудом.

— Богато, — пробормотал Дима, рассматривая скульптуры на широких парапетах.

— Парк — свадебный подарок Дивны, второй жены Ярого, — объяснил Димитос. — С годами нрав бога войны смягчился, пиры и славословие стали милее битв и охот. Дивна расстаралась, идеей парка подтолкнула его к помолвке, а потом затеяла грандиозную стройку, привлекая богов и боженят.

— Ты в этом всё врубаешь, — утвердительно сказал Дима. — Свадьбы, парки... я не могу разобраться. Дед Чур силён, это факт. Заржина тоже... тираннозавра в бараний рог согнет и пойдет дальше, угощая яблочками: «Покушайте, дети». А вот всё остальное покрыто мраком. Стёжка эта... что за история с псами, я так и не понял. Или слышал что-то, или придумал. В голове уже всё смешалось.

— Я тебе расскажу, — пообещал Димитос. — У нас наставник в школе обожал пересказывать всякие сплетни о богах, деликатно именуя это уроками альтернативной истории. Только давай сначала подойдем к лестнице. С ней что-то неладно. Этот мрамор должен звучать, а я не слышу даже шепотка. Вон, единорог уже до ступеней добежал. Догоним?

— Там какие-то нитки, — Дима смотрел на лестницу, словно отыскивал цель. — Нитки на статуях, на вазах для цветов. И в вазах не цветы, а клубки и нитки. Надо поближе глянуть.

Глава 4. Димитос. Песок времени

Единорог топтался возле лестницы в компании терзая. Маруш пинался, просился на землю, но Димитос не спускал его с рук. Ему все больше не нравилось происходящее — парк Славы не мог быть настолько безжизненным. Фальшивка, шутка Кромки? Нет, скорее, чья-то злая волшба.

— Нити, — сказал он Диме, когда они подошли ближе. — Это не просто нитки, не шерстяная пряжа. Чур носил связавшую нас нить на запястье. Эти — такие же.

Они вертели головами, оценивая сотканную сеть, коконы, из которых проглядывали части статуй — где-то рука, где-то нога, где-то макушка.

— Это Тропник, — Димитос указал на плотный нитяной саркофаг. — Его статуя в начале лестницы. От боженят — к богам третьего круга, чем дальше — тем выше. Жива и Дивна рядом с постаментом статуи Ярого. Вон он, на вершине, на жеребце, со стаей псов. Видишь? Камень-постамент не прост, с кровавой историей. Его вывезли из отнорка, где он служил ложем для жертвоприношений. Дивна решила, что лучшего пьедестала не найти, и велела затащить его на гору. Он скатывался трижды, кроша лестницу, вминая в почву тягловых животных и рабочих. Говорят, что Жива просила Дивну отменить приказ, и это подстегнуло Ярого — тот пообещал Дивне свадьбу, если камень затащат на гору.

— Вы с дедом обсуждали, что там то ли что-то сшили, то ли распорол. Платье, стремя...

— Кто же правду скажет? — пожал плечами Димитос. — В магических школах, на уроках истории, говорят, что Стёжка распорол свадебное платье Живы. Не знаю, стал ли бы Ярый таить зло несколько веков. Натравил бы собак сразу. Он — бог войны. Ему несвойственна отсроченная месть.

— А они?.. Ах ты ж, блин!

Дмитрий обернулся, нахмурился. Димитос повернул голову и обмер. Она не могла подойти неслышно! Не могла, если бы шла по дорожке!

Стёжка-Дорожка опиралась на клюку, смотрела единственным глазом из-под набрякшего века. Молчала. И от этого молчания, помноженного на безжизненность парка, по спине побежали мурашки.

— Бабуль, может, чем помочь? — мирно спросил Дима. — Жратвы особо нет, мы налегке сорвались. Но если сделать что-то надо, ты скажи.

В сказках разных народов добрый молодец, помогавший сидевшей на пеньке старушке, обычно получал в награду что-нибудь хорошее. Позже Димитосу объяснили, что это адаптированные варианты. Ярый обеспокоился тем, что изначальные сказания бросают тень на его матушку Сырую Землю, и рассказывать правду категорически запретил.

Черепашка Чура заволновалась, выбралась из рюкзака, тяжело шлепнулась на пучок травы между плитами, поковыляла к Стёжке-Дорожке. Та брезгливо оттолкнула ее клюкой, заговорила — голос был неожиданно молодым и звучным:

— И те правы, и те. Распорол я платье. Но не Жива об этом просила. Сам Ярый. Ему воли хотелось, опротивело нытьё о ценности каждого зайчишки и травинки. Чура он Живе оставлять не собирался, говорил — испортит пацана. Ошибся. Первенец его поумнее многих вырос. Рушил мои планы. А с нитями как: кусок испортят — перевязывай заново.

— А какие у вас планы, госпожа? — осторожно отступая к лестнице, спросил Димитос.

Маруш съежился в комочек, спрятал мордочку в сгиб локтя. Испугался Стёжки.

— Вернуть, как было, — спокойно ответила Стёжка-Дорожка. — Для себя. Остальные меня не волнуют. Я рада, что вы сюда дошли. Вы сможете. Остальные не смогли даже дойти — очень много времени было потрачено зря, очень много нитей истлело.

Клюка снова оттолкнула настырную черепашку. Раздался гулкий звук — это лопнул канат, протянутый от статуи к цветочной вазе. Посыпалась земля, корни, черепа мелких животных. Терзай с единорогом разбежались в разные стороны.

Парк изменился. Ожила и застонала земля, позабывшая о смене сезонов. Заголосили ступени, их жалобы перекрыли крики статуй: глухие, несущиеся из-под нитяных кляпов, дребезжащие и громкие — сверху, от старших богов. Содрогнулись дорожки, трубный рев и топот копыт возвестил о приходе того, чьим именем Димитос поклялся творить добро, заговаривая камень на благо оборотней и людей. Туры и волы добежали до лестницы, начали крошить парапет. Косматый великан Матти подоспел им на помощь, разорвал кокон, сковывающий Тропника. Свечан Лютый, злой, как тысяча голодных львов, подгонял свою свиту окриками.

Стёжка-Дорожка отступила в сторону, а Диму и Димитоса зацепило сивой шубой, приморозило разбивающимися сосульками. Димитос, готовый забежать на край света от воплей камня, прижал к себе сына и присоединился к свите своего бога — пошел след в след, теряя разум и волю.

Свечан начал подниматься по крошеву мертвеющего камня. Матти и туры с волами освобождали статуи. Какие-то разбивали, какие-то сбрасывали на склон. Пощадили Тропника, Тальника и Живинку, а статую Барханы растоптали с особым усердием.

— За что? — спросила сверху статуя Живы. — Что она тебе сделала, Свечан? Почему ты помогаешь Стёжке? Остановись! Опомнись!

— Где ты была со своими проповедями, когда он, — Свечан указал на Ярого, — охотился в моем родном мире? Где была Бархана, когда я молил о песке, чтобы посыпать заледеневшую дорогу и вывести мой народ? Кто из вас хоть раз задумался, откуда у меня власть над зимним камнем? Вам было плевать? Или вы думали, что я утратил память, как прочие боженята? Нет, я ее сохранил. Просто никому об этом не рассказывал. Не рассказывал, как пытался согреть замерзающих зверей, как укрывал от сосулек детенышей, пока по небу носилась и хохотала охотничья свора. Они ушли, когда нас почти не осталось. Пришли, увидев мерцание свечей, шутки ради обрушили ледники, перебили сотни оборотней и умчались, оставив на прощанье тучи, разразившиеся ледяным дождем. А сотню лет спустя, когда я вошел в Чертоги, меня никто не узнал. Никто не спросил, откуда я взялся, потому что никто не помнил о побоище.

Димитос увидел, как изменилось лицо Лютого, стремительно обросшее шерстью. Двуногий с головой льва двинулся к статуе Ярого. Димитоса остановил рывок за локоть.

— Сюда, — скомандовал человек-снайпер. — Дым! Очнись! Смотри, нычка. Иди сюда, тут что-то вроде балкончика.

Димитос выполнил приказ человека, сбрасывая наваждение. Осторожно прикоснулся к камню — молчит — и попытался пересадить Маруша на другую руку.

— Дурдом, — сказал Дима. — Я сейчас перышко найду и по ветру пушу. Чур дал мне перышко, сказал — на крайний случай. Если это не крайний, тогда я не знаю.

Туры, волы и Матти яростно долбили постамент статуи Ярого. Мраморная Жива что-то говорила, но ее слова тонули в грохоте, рыке и рёве. Статуи Дивны не было — то ли

растоптали, то ли сбросили вниз. Бронзовый Ярый с гранитной сворой псов равнодушно взирал на разрушителей, протягивая длань к небу. Вздрыбленный бронзовый жеребец вздрагивал от ударов. Кн иг о ед . нет

— Отойдите, — прорычал Свечан своей свите. — Я сам.

Ладони превратились в лапы, выпустившие алмазные когти. Первые царапины были незаметны, но, вскоре, постамент поддался воле Свечана. Камень начал истаять, рассыпаясь розовым песком, стекающим вниз по руинам лестницы. Когда первая песчаная струйка коснулась земли, Стёжка подозвала единорога. Тот понюхал песок, заволновался. Лег на бок, купаясь в розовой россыпи, перевернулся, брыкаясь копытами.

— Рог! Смотри! У него вырос рог!

— Нет шрамов, — дополнил Диму Димитос. — Отрос хвост. Песок... он смыл увечья оставленные жрицами Тимаса.

— Всё правильно рассчитала.

Голос Стежки-Дорожки легко перекрыл шум, гам, треск камня, ропот мраморных статуй и удовлетворенное рычание Свечана. Старуха с клюкой побрела вверх, от подножия лестницы Богов к вершине, к струйкам песка, сочившимся из постамента. Единорог встал на ноги, встряхнулся и был таков.

— Маугли нигде нет, — пробормотал Дмитрий. — Неужели затоптали?

Тающий постамент накренился. Бронзовый жеребец рухнул рядом со Свечаном, сбросил Ярого в песок и был сграбастан ручищами Матти. Скрежет заставил втянуть голову в плечи — алмазные когти оторвали голову Ярого. Свечан торжествующе завыл и исчез вместе со свитой, унося добычу.

Обезглавленная бронзовая статуя встала на ноги, покачалась и поковыляла вниз. Стёжка, хромавшая значительно меньше прежнего, встретила со статуей на середине лестницы. Подцепила ногу клюкой, дернула, проследила, как всадник без коня и головы катится по каменной крошке. Отбросила клюку, зачерпнула горсть песка, умылась, омолаживая застарелые шрамы.

Постамент рассыпался, уронив гранитную свору. Вал розового песка покатился по лестнице, накрыл Стёжку-Дорожку с головой. Поток сорвал грязные заношенные тряпки, косынку, завязанную под подбородком. На колени упала старуха, а на ноги встала симпатичная молодая женщина — откинула с лица каштановые волосы, осмотрела руины лестницы, повела плечами. Странное плетеное платье из тысяч нитей, сложных узелков, тусклых монет, ракушек и кованых листьев, зашуршало, изменяя Кромку и внося разлад в пантеон богов. Мелькнуло и унеслось по ветру перышко, найденное Дмитрием в одном из карманов.

— Нет!

Дивна, стареющая на глазах, спустилась по каменной лестнице, возникшей в небе. Подтолкнула гранитового пса в россыпь розового песка — сначала одного, потом второго, третьего. Свора ожила, понеслась к Стёжке-Дорожке, подвывая и скалясь, предвкушая расправу.

— Нет, — вторя Дивне, но вкладывая в слово противоположный смысл, сказал Дмитрий. — Так дело не пойдет.

Димитосу пришлось прижаться к искрошенному парапету, чтобы не мешать. Первый выстрел оглушил, заставил втянуть голову в плечи — винтовка била по ушам сильнее криков камня. Гранитового пса разнесло на сноп осколков, просвистевших у них над макушками.

Дивна взмахнула хлыстом, спутывая нити на платье Стёжки, превращая их в канаты с якорями. Статуя Живы закрыла лицо руками, заплакала, сотрясаясь в беззвучных рыданиях.

— Нет, — прошептал Димитос, принимая сторону Дмитрия — смотреть на расправу, не шевеля пальцем, он не собирался.

Дрожащий Маруш переехал к нему на плечо. Пакет с истинным волхвогодником помялся в рюкзаке, желтые ягоды превратились в кашицу. Руки запекло — Димитос разорвал пакет, набрал горсть, щедро наляпал на осколок цветочной вазы, валявшейся на парапете. Гипсовая виноградная лоза ответила на призыв: проросла, остановила пару псов, мчащихся к жертве — остальных уже успел пристрелить Дмитрий — и потянулась к якорям, обрывая узлы и освобождая Стежку-Дорожку.

Этой помощи хватило. Стёжка, немного потускневшая, присела на корточки, выудила из песка тряпочные башмачки, набитые камушками, ракушками, крохотными початками сушеной кукурузы и шишками. Вытряхнула содержимое, обулась и призвала каменную лестницу.

Она поднялась на ступеньку, когда Дмитрий застрелил последнего пса, а на склоне, рядом с Дивной и возле подножия Лестницы Богов появились воины Чура.

— Зря я деда позвал, — проговорил Дмитрий, вставая на ноги. — Кто же знал, что мы пойдем за соучастие? Думал, спасут.

Стёжка-Дорожка обернулась, как будто расслышала его слова. Порылась в нитях платья, вытащила хоженъ, кинула вниз. Лоза подхватила подарок, услужливо подала Димитосу, приходившему в себя после звуков выстрелов. Паутина нитей удерживала изъеденную временем гипсовую голову льва, прикусившую крохотное колечко с обрывками цепочки. По кругу, вдоль большого проволочного кольца, змеилась вязь рык-ко: «Приведу домой дорогой прямой».

Димитос взвесил хоженъ на ладони. Дивна взвизгнула: «Взять их!», и указала воинам Чура на лозу и балкончик.

Заклинание сработало неожиданно, и, скорее всего, неправильно. Перенесло не только их — и шевелящаяся гипсовая лоза, и мраморная площадка с перилами, и всё их имущество, включая рюкзаки, чемоданчик с «Винторезом» и «мосинку», рухнули в бездну, попрыгали на облаках Кромки и мягко приземлились в чей-то ухоженный палисадник, превратив в месиво первоцветы, гиацинты и подснежники.

Воздух пах весной, где-то вдалеке раздавался шум машин, на вербе и крыше покосившегося сарая чирикали ошеломленные воробьи. Маруш истерически завизжал, спрыгнул с плеча Димитоса и попытался спрятаться в рюкзак.

— А, собственно, куда ты нас перекинул? — оглядываясь по сторонам, поинтересовался Дима.

— Я — никуда, — честно ответил Димитос. — Оно само.

Приоткрылась форточка. Старческий голос, наполненный негодованием, спросил:

— Вы что творите, охальники? Цветы помяли, мусором всё забросали, кота мучаете, орет, как резаный...

— Бабуль, мы приберем, — пообещал Дима. — Вы нам скажите, куда мы попали? Город как называется?

Занавеска зашевелилась сильнее. Бабка присмотрелась внимательнее, охнула. Повернулась в комнату, позвала:

— Рыковна! Рыковна! Иди сюда скорее! Тут волшба!

Они ждали, переглядываясь, поочередно глядя перепуганного Маруша и шепотом обещая ему, что всё будет хорошо. Лоза замкнулась в охранный круг и притихла. Димитос обернулся на дверной скрип, поклонился дряхлой волчице, вышедшей на крыльцо. Старуха была сторбленной, немощной, но взгляд был ясным, с осколками былой железной воли.

— Дождались, — проговорила она, посмотрев на лозу и хоженъ. — Наконец-то, дождались. Здравствуй, хранитель!

Подпояска-лоза задрожала, несколько виноградин упало на темно-вишневую ковровую дорожку. Метрдотель услужливо распахнул дверь. Заржина оглядела безобразно роскошный ресторанный зал и не удержалась, улыбнулась. Чур, в идеально подогнанном смокинге и ослепительно белой рубашке, ужинал в компании: черепашка обнюхивала лист салата, терзай разгрызал клешню омара на полу возле столика.

— Моё почтение! — брат по матери встал, отодвинул свободный стул, предлагая ей присесть.

— Тальник не соврал, — признала Заржина, отказавшись от еды и вина, и внимательно всмотревшись в лицо Чура. — Ты помолодел. Действительно помолодел. Это не маска.

— Помолодеешь тут, — вздохнул тот. — Две недели прятался по отноркам от батюшкиной немилости. Не ел, не спал, переживал — памятник не уберег, Свечана не задержал, Дивне своей нерасторопностью подгадил. Вот, от стыда-то...

Знакомые смешинки в глазах вызвали еще одну улыбку. Заржина чуть понизила голос, спросила:

— Получается, про песок тоже не врут? Ты действительно утащил с лестницы три мешка песка времени?

— Не мешка, а бочки, — поправил Чур. — Джутовые мешки таяли, волокна превращались в семена, а бежать за чем-то посовременнее не было возможности. И не три, а две. Тебе надо? Поделюсь горсточкой.

— Наверное, нет, — обдумав щедрое предложение, ответила Заржина. — Буду иметь в виду. Прибереги. В случае необходимости обращусь. Ярый тебя простил?

— Да, — кивнул Чур и дал черепашке веточку зелени с блюда. — Обстоятельства поспособствовали. Готовься. В ближайшее время в мирах возможны раздоры и катаклизмы. Нам предстоит пережить очередной развод.

— Что? Почему? Дивна же вернула себе красоту. Не знаю, как, но она по-прежнему блистает на фоне прочих.

— Стёжка, — Чур толкнул ногой поднос с клешней омара, заставляя терзая отодвинуться — огрызки летели во все стороны. — Когда меня вынудили явиться в отцовские покои, я лицезрел идиллическую картину. Стёжка-Дорожка сидела в кресле у окна, рядом, на столике, были разложены вышивальные принадлежности. Рисунок — на первый взгляд — не таит в себе зла. Она вышивает фонтан с двумя танцующими дельфинами. Отец ни словом не упомянул о памятнике и лестнице. И, вместо ожидаемого приказа о поисках Свечана, велел мне проинспектировать миры и доставить ему карту источников с живой водой.

— Их почти не осталось, — Заржина нахмурилась. — Источники трудно найти, и... Зачем отцу — или Стёжке — живая вода? Богам от нее мало толку. И почему ты думаешь, что будет развод? Может быть, это деловые отношения. С него станется — спрятать Стёжку у себя назло Дивне. Подразнить.

— Понимаешь ли... На полу, под столиком, лежали два стремени и пук разрезанных нитей. Сразу не разглядишь, прикрыты заклинанием отвода глаз. Но на меня оно долго не действует. Полчаса — и развеялось.

— Вот как... Хотела бы я знать, что она надумала на этот раз.

— Клянется, что ничего, — пожал плечами Чур. — Мы выпили чаю, поболтали. Она была любезна, уверяла меня, что не собирается перекраивать пути и судьбы. Устала скитаться, хочет прислониться к крепкому плечу отца, вышивать и отдыхать от многовековых трудов. Просила присмотреть за львятами и человеком.

— О! Чуть не забыла. Куда они исчезли?

— Отправились в город, из которого сбежал отец Дыма. Как сказала Стёжка — пришло время связать все нити. Город тоскует без хранителя, где-то в тайнике тускнеет и роняет бусины рык-ко, позволяющее оживить колоннаду Закатной ярмарки. Львята нашли свой дом. Что до человека... он там долго не просидит.

— Я не догадалась, что главным в паре был он, — досадливо покачала головой Заржина. — Именно он застрелил псов, спас Стёжку и закрепил перемены, случившиеся в пантеоне богов.

— Он шустрый, — одобрительно проговорил Чур. — Я тоже ошибся. Считал его балластом. А, смотри-ка, как вышло. Признаюсь, у меня в какой-то момент возникло искушение прогуляться в этот городишко, притащить Дмитрия в отряд, чтобы был на глазах, под присмотром волхов и оборотней. Но... я обещал, что не буду неволить и принуждать к службе. Слово надо держать.

— Заглядывай к ним иногда, — попросила Заржина. — Или отправь черепашку.

— Я буду приглядывать за терзаем, — усмехнулся Чур. — Ушастый почует, когда его приятель начнет искать путь на Кромку. Тогда и подумаю, как лучше поступить.

— Тебе виднее. А что насчет Свечана? Неужели отец не будет его искать?

— Не знаю.

— А ты?

— Не знаю, — повторил Чур. — Мне предстоят поиски источников. Хватит забот и без Свечана.

Заржина поняла, что время откровений истекло. Она попрощалась с братом по матери и покинула ресторан, обдумывая, могла ли Стёжка-Дорожка затаить на нее зло. В том, что выходка Свечана еще аукнется мирам какими-то последствиями, она не сомневалась.

Больше книг на сайте - Knigoed.net